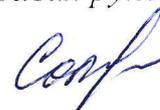

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

На правах рукописи

СОЛОПОВА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

**ПРОЗА Л.Н. ЗАВАДОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920-1930-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор **Н.Ю. Желтова**

Тамбов 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Л.Н. ЗАВАДОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920-1930-х ГОДОВ	14
<i>1.1. «Судьбы трагичней и парадоксальней не найти»: творческий путь художника</i>	18
<i>1.2. Художественно-стилевые особенности прозы писателя</i>	48
ГЛАВА 2. ЦИКЛИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л.Н. ЗАВАДОВСКОГО	77
<i>2.1. «Деревенский» цикл</i>	82
<i>2.2. Типы крестьянина и сельского интеллигента: основные черты и способы создания</i>	104
<i>2.3. «Таежный» цикл</i>	124
<i>2.4. Тип таежника: своеобразие и структура</i>	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	185

ВВЕДЕНИЕ

Отечественный литературный процесс 1920-1930-е годов отличается сложностью и противоречивостью. С одной стороны, в 1920-х годах наметилась отчетливая тенденция к эстетическому плюрализму, выразившемуся в обилии возникших литературных группировок и объединений, творческих стратегий и программ. С другой стороны, уже в середине 1920-х годов ярко обозначилось давление партийно-идеологических принципов на литературную жизнь, ее подведение к единому творческому знаменателю. В этих непростых условиях сформировался и раскрылся почти забытый сегодня гений Л.Н. Завадовского (1888-1938). Его проза отразила все главные составляющие литературно-художественных и общественно-политических реалий 1920-1930-х годов.

Актуальность исследования заключается в его связи с одним из быстро развивающихся современных направлений литературоведческой науки – филологической регионалистикой, в востребованности научной проблемы, связанной с восстановлением объективной картины отечественного литературного процесса 1920-1930-х годов; в необходимости целостного рассмотрения малоизученной творческой биографии Завадовского, его многогранного художественного наследия.

Л.Н. Завадовский – яркий русский советский писатель, участник группы «Перевал». Полноценная литературная деятельность художника началась в 1925 году и составляет менее пятнадцатилетия. В 1938 году он попал под «маховик» массовых репрессий, был арестован по ложному обвинению в антисоветской агитации и через некоторое время расстрелян. В силу этих трагических обстоятельств имя писателя было изъято из литературы, а публикации его произведений прекращены. Творчество художника предается забвению. В 1958 году писателя реабилитировали, однако полноценного «возвращения» его наследия до сих пор не состоялось, издания произведений Завадовского в советский период были единичными, а их

изучением занимался лишь узкий круг воронежских и липецких краеведов. В XXI веке ситуация почти не изменилась, творчество писателя и сегодня находится на периферии внимания и литературоведов, и читателей. В Москве в 2012 году вышел всего один роман Завадовского. До сих пор отсутствует научное осмысление его творчества. Имеющиеся на сегодняшний день труды, посвященные художнику, носят либо биографический, либо мемуарно-публицистический, либо литературно-критический характер.

Между тем, признание литературного таланта художника современниками в середине 1920-х годов было стремительным. Почти сразу ему удалось встать в один ряд с ведущими писателями эпохи. В письме от 24 мая 1926 года к М.Горькому Вяч. Полонский советует обратить внимание на «совсем молодого Леонида Завадовского»¹. А уже скоро его произведения печатаются в ведущих литературно-художественных журналах, его портреты во многих изданиях соседствуют с портретами М. Горького, М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, Ф. Гладкова, А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, И.Г. Эренбурга, М.М. Пришвина и других. В этой связи нельзя не согласиться с современным исследователем К.Б. Николаевым: «Уже самые первые публикации представили читателю русского прозаика высшего уровня – знатока своей темы, блестящего стилиста и глубокого философа, душу которого разрывала боль за судьбу российского народа»².

Нет сомнений, что в 1920-1930-е годы Завадовский был крупнейшим писателем Черноземья, чей недолгий творческий путь был искусственно прерван предательством некоторых людей из его литературного окружения и последующим расстрелом. Писатель не успел воплотить все свои идеи и замыслы в конкретные произведения, об этом свидетельствуют хранящиеся в разных архивах рукописи романа, пьес, рассказов. В этой

---

¹Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10. Кн.2. С. 93.

²Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 54.

связи характерна самооценка писателя: «Меня, старого политкаторжанина, трудно сломить, но судьбы трагичней и парадоксальней не найти»¹.

Одним из парадоксов стали чрезвычайно интенсивная и успешная творческая деятельность Завадовского, его стремительный взлет как серьезного художника и единодушное признание современников. За неполное пятнадцатилетие плодотворной литературной работы Завадовский сумел издать пять сборников рассказов: «Вражда» (1926), «Песнь седого волка» (1927), «Железный круг» (1928), «Полова» (1928), «Таежники» (1931). Сборник «Вражда» был переиздан в 1928 году и с дополнением – в 1929 году, в этом же году повторно появился «Железный круг». Произведения Завадовского публиковались в журналах «Народный учитель», «Красная новь», «30 дней», «Новый мир», «Красная нива», «Подъем». Писатель активно сотрудничал с издательствами «Недра», «Новая Москва», «ЗиФ». Роман «Великая драга» («Золото») целый год печатался на страницах «Подъема», следом воронежское издательство выпустило произведение отдельной самостоятельной книгой, которая потом вышла и в столице. Таким образом, при жизни Завадовского было издано 18 книг в Москве, три – в Воронеже, более 20 произведений появились в центральных литературных журналах. Всё это свидетельствует о масштабах творческой деятельности писателя, его высокой востребованности как ведущего художника эпохи.

Творческое наследие Завадовского, тесно связанное с Тамбовским и Сибирским краями, представляет собой самобытный мир, воплотивший в себе уникальное авторское миропонимание: «Завадовский – блестящий мастер психологической прозы, прекрасный пейзажист, великолепный знаток национальной жизни»². Художник талантливо описал русского человека и в момент крайнего психологического напряжения, и на переломе жиз-

¹Цит. по: *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С.10.

²*Желтова Н.Ю.* Концептосфера русского пространства в рассказе Л.Н. Завадовского «Корень» // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 954.

ни всего народа. Завадовский ощущал себя свидетелем и выразителем драматического национального бытия в 1920-1930-е годы: «Я просто констатировал, потому что таково было мое представление... мироощущение, я констатировал, может быть, с отчаянием»¹.

Двадцать четыре года тишины после начала репрессивных действий против Завадовского заканчиваются появлением в 1960 году романа «Золото». Через шесть лет в журнале «Подъем» был напечатан рассказ «Соседи». Воронежское Центрально-Черноземное книжное издательство с большими перерывами в несколько лет продолжало знакомить читателей с творчеством Завадовского: 1967 – роман «Золото» и рассказ «Облачный день», 1968 – сборник рассказов «Песнь седого волка», 1987 – сборник «Рассказы, повесть». Уже в 2005 и 2006 годах в Усмани в серии «Зов малой родины» были опубликованы сборники рассказов и повестей Завадовского. Лишь в 2012 году в Москве также в специализированной серии «Золотые россыпи России» вышел роман «Золото».

Наиболее интересные оценки творчества Завадовского принадлежат критикам – современникам писателя. В рецензиях, очерках, статьях Б.А.Губера, В. Красильникова, А.А. Бека, А. Глаголева, В. Егина, Л. Плоткина, С.С. Левмана² и других отмечаются магистральные темы прозы, самобытный характер писательского мастерства, уникальность образного мира, сложность художественной индивидуальности. В 1929 году критик А. Бек выразил квинтэссенцию оценок современников: «Леонид Завадовский – очень интересный писатель. У него свое, особое, отличительное лицо. Он

¹ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

² См.: Бек А. [рецензия] // Красная звезда. 1929. 12 ноября; Глаголев А. О художественном лице «Перевала» // Новый мир, №5. 1930. С. 157-170; Губер Б.А. Вражда: [рецензия] // Красная новь. №5, 1926. С. 218; Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем, 1933. №7. С. 105-108; Красильников В.А. Железный круг: [рецензия] // Красная новь, 1928. №4. С. 245; Левман С.С. Разоблачение Клондайка // Литературная газета. 1935. 10 мая; Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем, 1935. №5. С. 49-54; Плоткин Л.А. На пути к мастерству: (о писателях ЦЧО) // Подъем, 1933. № 5. С. 174.

протаптывает собственную творческую дорогу, а не идет по чужим следам»¹.

Однако отсутствие в произведениях яркой и нарочито подчеркнутой идеологической направленности провоцировало советских критиков к обвинениям писателя в пренебрежении партийными принципами, упрекам в излишнем натурализме и биологизме, что во многом искажало объективную картину художественного наследия писателя. Так, например, критик А. Шафир в том же 1929 году достаточно резко отзывалась о сборниках «Вражда», «Песнь седого волка», «Железный круг», не найдя в них «преобразующую силу революционного класса»². В стенограмме пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского, было четко сказано, что в его произведениях «биологические законы превращаются в законы общечеловеческие, перед которыми все равны... этот принцип и есть как раз та беспартийность, которая чрезвычайно характерна для необуржуазных писателей, и это дает возможность предполагать, что Завадовский находится под сильным их влиянием»³.

Сегодня, когда нет необходимости измерять идейно-смысловое содержание произведений категориями партийности, можно констатировать, что современникам так и не удалось четко определить специфику художественного почерка писателя: «Глубина его несоциалистического реализма открылась всем нам только в эпоху новой России, когда рухнул окостеневший тоталитаризм и читателя поразила необычность художественного метода этого писателя»⁴.

¹ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С.94.

² Шафир А. Леонид Завадовский: очерк // Печать и революция, 1929. № 8. С. 80.

³ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

⁴ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С.212.

Пик писательской деятельности Завадовского приходится на относительно свободные 1920-е годы. В 1930-е годы публикации произведений Завадовского не были столь регулярными, как в предыдущее десятилетие. Переиздаются некоторые рассказы, появляются новые («Сказка», «Клевер»), но главными событиями становятся выход романа «Золото» и создание очерка «Золотой край».

После реабилитации писателя в советское и постсоветское время к исследованию творческого наследия Завадовского приступили воронежские и липецкие краеведы, журналисты: А. Боровик, Г. Дмитриевская, Д. Дьяков, Н. Задонский, Д. Комяков, О. Ласунский, Э. Меньшикова, Н. Нижегородов, В. Поляков, И. Ростовцева, А. Саранцев, М. Федоров, С. Шацких¹. Среди работ, посвященных жизненному и творческому пути Завадовского, наиболее значительной является книга историка и журналиста К.Б. Николаева «Гений русского рассказа», которая вышла в 2013 году в Воронеже ограниченным тиражом в 300 экземпляров. Но, тем не менее, на сегодняшний день книга представляет собой единственное издание, в котором собраны биографические факты, опубликованы неизвестные письма, фотографии.

Однако до сих пор наследие писателя не вписано в общую картину истории русской литературы первой половины XX века, не определена роль Завадовского в литературном процессе 1920-1930-х годов, не выявлены магистральные темы и проблемы его наследия, не прояснены масштаб

¹ См.: *Боровик А.З.* Жестокий удар судьбы // Новая жизнь. 2003. 9 апреля; *Боровик А.З.* Такое долгое возвращение // Липецкая газета. 2008. 5 мая; *Дмитриевская Г.* Воспоминания и встречи // Новая жизнь. 1980. 14 июня; *Дьяков Д.С.* Игрок в железном круге // Ямская слобода. Отделение второе. Воронеж, 2011; *Задонский Н.А.* В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж, 1969; *Комяков Д.В.* Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 24 июля; *Комяков Д.В.* Суровый хлеб правды // Завадовский Л.Н. Рассказы. Повесть. Воронеж, 1987; *Комяков Д.В.* Черные сухари // Подъем. 1988 № 6; *Ласунский О.Г.* Прерванная судьба // Воронежский курьер. 1992. 3 августа; *Меньшикова Э.П.* Леонид Завадовский // Крестный путь, голгофская дорога...: судьбы писателей. Усмань, 2006; *Нижегородов Н.* Год Завадовского в Усмани // Новая жизнь. 2013. 1 января; *Поляков В.Б.* Судьба писателя Завадовского // Панорама. 1992. 27 октября; *Поляков В.Б.* Последние дни писателя Завадовского // Помним поименно... Т. 1. Липецк, 1997; *Ростовцева И.* Россыпи нового // Литературная газета. 1968. 24 июля; *Саранцев А.* Предисловие // Завадовский Л.Н. Золото. Воронеж, 1967; *Саранцев А.* Рассказы Л. Завадовского // Завадовский Л.Н. Песнь седого волка. Воронеж, 1968; *Смирнов И.* Послесловие // Завадовский Л.Н. Золото. Липецк, 1960; *Федоров М.* Дело Леонида Завадовского // «Громкие» дела писателей. Воронеж, 2009; *Шацких С.* Страницы жизни и творчества // Трудовая новь. 1988. 24 июня; *Яблонский А.Я.* Сила жизненной правды // Литературная Россия. 1988. № 34.

творческой личности писателя, своеобразие его художнического почерка. Представляется, что этими обстоятельствами подтверждается острая необходимость и целесообразность полноценного осмысления прозы Завадовского.

Материалом работы стали произведения Завадовского 1920-1930-х годов: рассказы «Бурун» (1925), «Корень» (1925), «На белом озере» (1925), «Вражда» (1926), «В тайге» (1926), «Ищейка Фред» (1926), «Матрос Пунак» (1926), «Скула и Петька» (1926), «Тунгус» (1927), «В лунную ночь» (1927), «Никитино счастье» (1927), «Песнь седого волка» (1927), «В зеленых кварталах» (1927), «Фантастические мечты» (1928), «Перевал» (1928), «Соседи» (1928), «Железный круг» (1928), «Жертва» (1928), «Волки» (1928), «Игрок» (1929), «Лунная тропа» (1929), «Мамка» (1929), «Разведка инженера Панова» (1929), «День жизни» (1929), «Без суда» (1930), «Беленький домик» (1930), «Темные ликом» (1931), «Помбурмастер» (1931), «Клевер» (1935), «Сказка» (1935), очерк «Золотой край» (1930), повести «Полова» (1926), «Соломенская учительница» (1925, 1928, 1938), роман «Золото» (1935), неизданные произведения, а также публицистическое и эпистолярное наследие писателя.

Объектом исследования стала художественная структура прозы Завадовского 1920-1930-х годов. **Предметом** – творческая биография писателя, тематика, проблематика, типологические, циклические, художественно-стилевые особенности прозы Завадовского, ее историко-литературный контекст.

Целью диссертационного труда является рассмотрение художественного наследия Завадовского в контексте основных тенденций развития русской литературы 1920-1930-х годов.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- обозначить основные этапы творческой биографии Завадовского;
- выявить художественно-стилевые особенности прозы писателя;

- проанализировать формы и способы циклизации в творчестве Завадовского;
- рассмотреть типы героев в «деревенском» и «таежном» циклах писателя;
- определить место и роль творческого наследия художника в литературном процессе 1920-1930-х годов.

Целью и задачами обусловлен выбор **методов** исследования: культурно-исторического, структурно-типологического, сравнительного, семантического, биографического.

Теоретико-методологическая база диссертации создавалась с опорой на исследования Аристотеля (понятие поэтики), М.М. Бахтина (вопросы литературы и эстетики, теория хронотопа), Г.А. Белой (литературные объединения 1920-х годов), В.В. Виноградова (литературная циклизация), М.М. Голубкова (литературный процесс 1920-1930 годов), О.Г. Егоровой (циклизация в русской прозе), Н.Ю. Желтовой (поэтика русского характера в прозе 1920-1930-х годов), Н.В. Ковтун (сибирская идентичность в зеркале русской литературы) Н.В. Корниенко (советская критика и литература 1920-х годов), Н.Л. Лейдермана («белые пятна» в литературной истории 1920-х годов), Т.А. Никоновой (типы героев в литературе 1920-1930-х годов), Л.В. Поляковой (теоретические и методологические аспекты русской литературы первой половины XX века).

Учен опыт работы кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина по изучению русской литературы первой половины XX века.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Завадовского можно условно разделить на три периода: 1923-1925, 1926-1928 и 1929-1938. Первый период – ученический – ознаменован вхождением писателя в литературную среду, участием в группе «Перевал». На второй этап – наиболее интенсивной творческой деятельно-

сти – приходится громкое заявление художника о себе, активная публикация его произведений, в прозе преобладает «деревенская» тематика. Третий период начинается с поездки в Якутию, которая открывает «таежную» тему как одну из магистральных в прозе Завадовского. Главным событием этого периода является выход единственного опубликованного романа писателя «Золото» и создание художественного очерка «Золотой край».

2. Творчество Завадовского отражает основные тенденции развития русской советской литературы в 1920-1930-е годы, но вместе с тем писателю удалось создать собственный уникальный художественный мир, который характеризуется новаторством в создании образов, идейно-тематическим, стилевым своеобразием, психологизмом, особым драматизмом в описании острых социально-идеологических, морально-нравственных и философско-эстетических проблем на фоне современной общественно-исторической действительности. Завадовский сознательно отказался от принципа партийности литературы, жестких идеологических установок в творчестве, но вместе с тем прямая критика советской власти отсутствует в его произведениях.

5. Одним из ярких отличительных признаков прозы Завадовского является ее циклический характер. Цикл стал ключевой формой художественного мышления писателя, базой для формирования и воспроизведения авторской концепции, магистральных тем в творчестве. Циклы в прозе Завадовского возможно выделить на основе биографического, идейно-тематического, пространственно-временного, образно-типологического принципов. В творчестве писателя отчетливо прослеживаются «деревенский» и «таежный» циклы, которые создают панорамное представление о художественном мире писателя.

6. В центре «деревенского» цикла находится русское крестьянство и сельская интеллигенция, которые показаны в драматической ситуации «слома повседневности» в 1920-1930-е годы, выраженной в добровольном или принудительном отречении героев от устоявшихся принципов нацио-

нального мироустройства. Важную роль в цикле играют женские образы, а также образы дома, семьи, дороги, лошади, дикого зверя. В цикле ярко выражено автобиографическое начало, писателем пристально исследуются черты русского характера.

7. «Таежный» цикл в творчестве Завадовского представлен произведениями, в центре которых находится новый тип героя – таежника. Герой уникален самобытностью особого мировосприятия, обусловленного как взаимодействием человека и тайги, так и их противостоянием. Сквозным для всех произведений цикла является образ золота, рассматриваемый писателем как сакральное явление, имеющее безграничную власть над человеком. Тема охоты проходит красной нитью через всё творчество Завадовского, но особенно ярко раскрывается в «таежном» цикле.

Научная новизна заключается в том, что впервые осуществлен литературоведческий, монографический анализ художественного наследия Завадовского, восстановлены факты его творческой биографии; доказан циклический характер прозы писателя, описаны ее художественно-стилевые, идейно-тематические, образно-типологические, жанровые особенности, выявлены «деревенский» и «таежный» циклы в творчестве Завадовского, предложена типология их героев, обоснован новаторский характер типа героя-таежника, проведены параллели прозы писателя с основными тенденциями литературного процесса 1920-1930-х годов, определено творческое взаимодействие Завадовского с его литературным окружением, группой «Перевал», критиком А.К. Воронским, изучены и введены в научный обиход новые историко-литературные, критические, публицистические, архивные материалы, уточнен список изданных произведений Завадовского.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в расширении представлений об отечественном литературном процессе 1920-1930-х годов, в уточнении понятий «циклизация», «неавторский цикл», «типизация», в определении конкретных механизмов реализации в

художественных произведениях общественно-исторических, культурных фактов.

Практическое значение исследования заключается в возможности использования его результатов в практике вузовского и школьного преподавания литературы 1920-1930-х годов, в спецкурсах и спецсеминарах по прозе первой половины XX века, а также в курсах литературного краеведения в Тамбове, Воронеже, Липецке, в научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов, аспирантов.

Апробация основных результатов исследования осуществлена в 12 научных статьях (из них 3 помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ), в ряде докладов на научных конференциях разных уровней: на общероссийской научной конференции XVII, XVIII «Державинские чтения» (Тамбов, 2012, 2013), международной научной конференции «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016), международной научно-практической конференции «Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история» (Пенза, 2016), а также на занятиях научного семинара молодых ученых «Русская литература XX века: взгляд из сегодня» при Международном научном центре изучения творческого наследия Е.И. Замятина в Тамбове.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав «Творческая биография Л.Н. Завадовского в контексте литературного процесса 1920-1930-х годов» (параграфы ««Судьбы трагичней и парадоксальней не найти»: творческий путь художника»; «Художественно-стилевые особенности прозы писателя») и «Циклизация и типология героев в творческом наследии Л.Н. Завадовского» (параграфы ««Деревенский» цикл»; «Типы крестьянина и сельского интеллигента: основные черты и способы создания»; «Таежный» цикл»; «Тип таежника: своеобразие и структура»), Заключения. Прилагается Список использованной литературы, включающий 183 источника.

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Л.Н. ЗАВАДОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920-1930-Х ГОДОВ

Русская мысль, русская идея и русская литература в начале XX века претерпели колоссальные метаморфозы, во многом предопределившие дальнейшее движение русской культуры. Для литературы этого времени было характерно «не только обновление и видоизменение проблематики (так, разительно изменялась деревенская проблематика), не только повышение внимания к социальным процессам жизни и смена основных героев. Значительно изменилось само художественное мышление»¹. Тенденции синтеза искусств, эстетического плюрализма, жанровые эксперименты, расцвет научной, философской мысли воплотились в обновлении старых художественных систем (реализма) и появлении новых модернистских концепций.

В истории мировой литературы сложно выделить период, который превзошел бы первую половину XX века русской литературы по «сложности и противоречивости, по непредсказуемости историко-литературного существования и движения, по беспрецедентному многообразию разноуровневых связей»². Особым периодом, характеризующимся своеобразием и исключительностью литературного процесса, стали 1920-1930-х годы. Литература этого периода наследовала не только богатство художественных воплощений серебряного века, но и приобрела ярко выраженный политизированный характер, максимально испытала на себе партийный диктат. Художественная словесность, по мнению большевиков, должна была «выступить в роли проводника идей коммунизма, поэтому определение места литературы в контексте культуры как орудия строительства нового

---

¹ Литература конца XIX-начала XX века: (1881-1917) / ред. К. Д. Муратова. Ленинград: Наука, 1983. С. 781.

² Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 10.

сознания в социалистической России»¹ стало носить главенствующий характер и способствовало расколу в русской литературе, появлению сразу нескольких художественных реальностей: советской литературы, литературы русского зарубежья, «потаенной» литературы.

Советская литература 1920-1930-х годов не только пересмотрела основные фундаментальные позиции серебряного века, но и в корне поменяла художественно-эстетическую направленность. Переход от идеологии РАППа к идеологии Союза советских писателей нельзя назвать эволюцией, скорее, это была смена и переориентировка общей литературной концепции, в первую очередь отражающей политическое движение: «Новая власть нуждалась в такой «культурной революции», которая бы опиралась только на большевистский идеологический диктат»².

Характерная для литературы этого времени партийность и идеологизированность воплотились в выборе проблематики, основных тем произведений, сюжетно-композиционных построений. В литературе 1920-1930-х годов находит отражение формирование базовых понятий новой жизни, в которой человек свободен, хозяев нет, советская власть работает для народа, богатство и кулачество искореняются, а трудящийся человек всегда нравственно чист. Другая тенденция литературы этого времени – воплощение образов революции и гражданской войны («Железный поток» А.С. Серафимовича, «Бронепоезд 14-69» Вс.В. Иванова, «Конармия» И.Э. Бабеля и другие). В произведениях появляется герой, который проникся большевистской идеей, осмыслил её, стал активным защитником советской власти, он трудится во имя светлого социалистического будущего, отвергая все личное ради построения новой жизни.

Завадовский в современном ему литературном процессе принимал достаточно активное участие, в 1920-е годы был членом литературной

---

¹ *Титарева Л.Д.* Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2010. № 4. С. 166.

² *Титарева Л.Д.* Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2010. № 4. С. 166.

группы «Перевал», позднее, в 1934 году, стал членом Союза советских писателей, членский билет ему вручил М. Горький, но при этом в произведениях писателя отсутствуют воспевание советской действительности, воодушевление новыми образами советских героев, хотя «от писателя требовали показать роль партийных организаций, коммунистов и комсомольцев, идущих «во главе масс»¹.

Завадовский часто формально следовал этому партийному заказу, старался его аккуратно обойти. В произведениях писателя встречаются ударники социалистического строительства: Наташа Сизова («Соломенская учительница»), Поля, Петя, Шепетов, Николай Мигалов («Золото»), но писателя интересует не их общественная деятельность, а внутренняя, духовная составляющая этих образов. Завадовский акцентирует внимание на чувствах героев, часто использует разнообразные приемы психологизма. Писателю важнее рассказать о трагичности любовного чувства, тихой и одинокой тоске по семье, душевных терзаниях своих героев, чем об их роли в социалистическом строительстве. Поэтому Завадовского критики-современники часто обвиняли в отставании от социалистического роста литературы, утверждая, что «писатель еще не проникся социалистическим сознанием в такой мере, чтобы оно стало его мировоззрением, и социалистические проблески нашей действительности он дает еще художественно недостаточно сильно и убедительно»².

Однако явных антисоветских убеждений в произведениях Завадовского не высказывается. Герои пытаются понять, определить свое отношение к новой власти, выдвигаемой идеологии, поэтому ведутся бесконечные разговоры о будущем и прошлом («Полова», 1926; «В лунную ночь», 1927; «Соседи», 1928; «Соломенская учительница», 1938 и др.). Герои писателя

¹ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр. Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 130.

² Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 95.

не отрицают советскую власть, но до конца еще не восприняли и не осмыслили ее устроительные принципы.

Историк К.Б. Николаев считает, что Завадовский, решив «выполнить «социальный заказ»»¹, приступил к написанию романа «Золото» (1935), тем самым желая доказать, что «у него достаточно таланта, чтобы сделать новый шаг – создать современный роман о жизни рабочих и инженеров»². Но с этим утверждением стоит поспорить, поскольку оно в корне расходится с философско-художественным мироощущением писателя. Представляется, что главным в замысле романа было не стремление написать произведение, отвечающее партийным требованиям, а в намерение воспроизвести самобытную жизнь Сибири, ее неповторимый колорит.

Мысль об отсутствии специального желания у Завадовского «понравиться» власти подтверждается написанием им рассказа «Сказка» (1935), созданного с «Золотом» в один год. В произведении писатель, прибегая к помощи иносказаний и зашифрованных метафор, на фоне голода 1932-1933 годов воссоздает настоящую сказочную жизнь, которую видит старик Листар, надев специальные очки: «Мимо неслись золотеющие хлеба... По обе стороны ложились ровные квадраты свекловичных, табачных и рисовых полей»³. Таким образом, описывая в произведении прекрасное социалистическое будущее, Завадовский пишет фактически антисоветский, антиутопический рассказ.

По сравнению с советским, пожалуй, ни один период в истории русской литературы, так сильно «не изрезан ножницами цензуры, не претерпел столько насильственных изъятий произведений и даже целых творческих биографий»⁴. Именно два десятилетия 1920-1930-х годов вмещают в

¹ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 130.

² Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 131.

³ Цит. по: Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 149.

⁴ Лейдерман Н.Л. О «белых пятнах» и мифах в истории русской литературы советской эпохи (1920-е годы) // Филологический класс. 2009. № 21. С. 30.

себя смену художественных векторов, установление новой советской литературы с парадным изображением социалистической действительности и формированием единственно верного метода социалистического реализма: «История русской литературы советской эпохи несет на себе печать жестокого идеологического контроля и политического диктата»¹. Все проявления бескомпромиссного давления советской идеологии коснулись трагической судьбы Завадовского в полной мере: неопубликованные произведения, смена настроения от восхваления художественного таланта до разгромной критики, подозрения в антисоветской пропаганде и расстрел. Писателю припоминали неудобное эсеровское прошлое, сотрудничество с «троцкистом» Воронским, цензура не пропускала в печать произведения Завадовского, критики-современники писали о его высоком литературном мастерстве и тут же упрекали за недостаточно убедительное воспроизведение классовых интересов.

***1.1. «Судьбы трагичней и парадоксальней не найти»:
творческий путь художника***

Завадовский родился на Тамбовщине в селе Преображенском Спасского уезда 8 апреля 1888 года. «Отец мой был сначала писцом в имении в Тамбовском уезде, потом – в товарной конторе в Тамбове на Рязано-Уральской железной дороге. По происхождению – безземельный крестьянин»². В семье Завадовских писатель был четвертым ребенком, учился в Тамбовской мужской гимназии, но после смерти отца в 1903 году оставил учебу. В этом же году за революционную подпольную деятельность были арестованы старший брат Дмитрий и сестра Варя.

---

¹Лейдерман Н.Л. О «белых пятнах» и мифах в истории русской литературы советской эпохи (1920-е годы) // Филологический класс. 2009. № 21. С. 30.

²Цит. по: Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 6.

Водоворот революционных событий, кипение радикально настроенных масс захватили Завадовского, и с началом революции 1905 года он вступает в подпольную социал-демократическую организацию, где активно занимается распространением пропагандистской литературы, за что впервые был арестован. Но благодаря царскому манифесту от 21 октября 1905 года будущему писателю удалось миновать серьезного наказания.

После первого ареста Завадовский становится членом Тамбовской эсеровской организации. Экстремистские взгляды будущего писателя и хранение оружия дали основания для следующего ареста. В этот раз избежать уголовного наказания ему не удалось: «Статьи, по которым судили Завадовского за участие в вооруженной сходке в тамбовских мастерских, за хранение и распространение прокламаций революционного содержания, требовали крайне длительного срока заключения»¹. Художнику следовало отбыть на каторжные работы с последующим поселением в Восточной Сибири: «Со звоном сомкнулись на ногах тяжелые кандалы. Впереди – Владимирка – дорога политкаторжан, суровая неведомая Сибирь, тюрьма, каторжные работы. А ему еще не было и 20 лет»². Позже яркий колорит тяжелой жизни нашел отражение в рассказах «На белом озере» (1925), «Вражда» (1926), «В тайге» (1926), «Тунгус» (1927), «Фантастические мечты» (1928), романе «Золото» (1935). Насыщенная жизнь Завадовского в годы после первой русской революции воплотилась в неопубликованной пьесе «О террористе», где автор стремился показать жизнь молодежи в условиях бурлящей оппозиционно-политической деятельности. Пьеса до сих пор не издана и находится в архиве Усманского краеведческого музея. К сожалению, рукопись пьесы не содержит дату ее создания.

Жизнь ссыльных поселенцев была тяжела в первую очередь по причине нехватки заработка, приходилось браться за любую работу. «Писать Завадовский начал еще в ссылке, но тяжелые материальные условия, в ко-

---

¹Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

²Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

торых он там жил, не давали возможности развиваться его склонностям»¹. К сожалению, следов первых писательских опытов обнаружить пока не удалось. Отбывая ссылку в Киренском уезде Иркутской губернии, Завадовский «был батраком на мельнице, косцом у крестьян, кузнецом, грузчиком, плотником, огородником, охотником, рисовал портреты, красил дуги, делал кошевки»².

После февральской революции 1917 года все политзаключенные были освобождены, и Завадовский вернулся в Тамбов, где начал работать, по собственным воспоминаниям, в качестве разъездного агента в Губпродкоме. Уже в 1918 году он был откомандирован в город Усмань в «Центрозакуп» при Наркомпроде РСФСР. Именно в Воронежской губернии в Усмани (ныне Липецкая область) началась новая жизнь Завадовского как художника и, конечно, как писателя.

Семейная жизнь Завадовского складывалась достаточно благополучно. Он женится 6 мая 1919 года на учительнице русского языка и литературы Усманской гимназии Варваре Сергеевне Савенко (Савенковой). Она стала первым читателем и критиком его произведений. А после реабилитации писателя приложила огромные усилия к появлению публикаций произведений мужа. В 1921 году был рожден сын Дмитрий, погибший в годы Великой Отечественной войны.

Получив в Воронежском институте народного образования удостоверение школьного учителя по изобразительному искусству, Завадовский в 1919 году занимает должность учителя ИЗО в городской школе (ныне МБОУ СОШ № 2). Через четыре года в 1923 году «был освобожден от занимаемой должности в виду упразднения преподавания рисования в школах»³. Увольнение не было серьезной потерей, наоборот, Завадовский все-

¹ *Завадовский Л.Н.* Краткие биографические сведения // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «О Завадовском».

² *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 14.

³ *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 25.

цело смог посвятить себя литературе. Из его автобиографии, которую приводит К.Б. Николаев, достоверно известно только, что писатель прошел литературную школу в Москве: «Конец 1923 и весь 24 год посвятил учебе, задумав переключиться на литературно-художественную работу»¹.

Но по свидетельствам краеведов², творческий путь Завадовского начался еще в 1921 году после знаменательной встречи в Усмани с А.К. Воронским, к тому моменту уже известным общественным деятелем, критиком и журналистом. Он и заставил Завадовского писать, даже оставил ему денежные средства на литературную работу. Однако документальных подтверждений тому, что встреча действительно состоялась в этом году и что Завадовского и Воронского связывали дружеские и творческие отношения, пока найти не удалось. Ни в одной своей опубликованной работе Воронский не упоминает о Завадовском, хотя «Красная новь» регулярно печатала произведения писателя. Возможно, переписка двух тамбовцев была изъята как при аресте Завадовского, так и при аресте самого Воронского.

Однако жизненные пути двух земляков имеют удивительное сходство. Завадовский учился в Тамбовской мужской гимназии, Воронский – в Тамбовской семинарии, оба участвовали в подпольных движениях, за политическую неблагонадежность находились в тюрьме и были сосланы, позднее их объединит «Перевал» и «Красная новь».

Несомненно, Воронский сыграл в жизни Завадовского одну из главных и в некоторой степени роковых ролей. Критик организует в 1923 году литературную группу «Перевал», в работе которой принимал участие Завадовский. Именно в «Перевале» Завадовский сформировался как писатель. Также с 1921 года под редакцией Воронского выходил литературно-художественный и научно-публицистический журнал «Красная новь». Журнал сплотил вокруг себя лучших писателей, в нем, например, публи-

¹Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 471. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

²См., например: Федоров М.И. «Громкие» дела писателей. Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009.

ковались произведения О.Э. Мандельштама, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, Б.А. Пильняка, В.В. Маяковского, Н.С. Тихонова, Л.М. Леонова, редкий номер выходил без М. Горького, И.Э. Бабея, С.А. Есенина. Воронский печатал в журнале свои статьи, публиковал работы А.В. Луначарского и Н.И. Бухарина.

Представляется, что именно первый «толстый» журнал 1920-х годов способствовал формированию литературной репутации Завадовского. Уже в 1925 году в четвертом номере выходит рассказ «Корень», который соседствует с произведениями А. Толстого («Голубые города»), Бабея («История моей голубятни»), Есенина («Анна Снегина»), Маяковского («Летающий Пролетарий»). А уже девятый номер открывается рассказом «На белом озере», через полгода в 1926 году в пятом номере печатается повесть «Полова». Как известно, в 1927 году Воронский был отстранен от работы в журнале, на этот же год приходится последняя публикация Завадовского в «Красной нови». Рассказ «Железный круг» вышел в четвертом номере за 1927 год. Буквально через номер (в шестом номере) выходит последняя работа самого Воронского «Об ужасной крокодиле, о федерации писателей и фальшивых фразах: (открытое письмо тов. Гусеву)». Если судить по регулярным публикациям Завадовского в «Красной нови», то становится очевидным, что Воронский поддерживал писателя из Усмани, видел и признавал его талант, ставя в один ряд с выдающимися писателями первой трети XX века.

Долгое время считалось, что первым опубликованным произведением Завадовского является рассказ «Бурун», напечатанный в журнале «30 дней» в 1925 году. Среди личных бумаг и рукописей, находящихся в Усманском музее, в одной из папок вклеен лист «Л.Н. Завадовский. Краткие биографические сведения», написанный от руки и датированный августом 1958 с пометкой «Со слов жены Завадовской В.С.», в котором значится, что «в 1923 году журнал «30 дней» проводил конкурс на лучший рассказ. Завадовский послал на конкурс рассказ «Бурун», который хотя и не полу-

чил премии, но был отмечен жюри конкурса как хороший и в том же году напечатан в журнале»¹. Но здесь, видимо, содержится фактическая ошибка, поскольку журнал начал выходить только в 1925 году. В монографии Николаева впервые доказывается тот факт, что первым опубликованным произведением стал небольшой рассказ «Соломенская учительница», который позже перерастет в повесть (1928, 1938), к сожалению, так и не оконченную писателем. Николаев цитирует анкету Завадовского для Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, где указано, что «в январе 1925 г. в журнале «Народный учитель» был напечатан мой первый рассказ...»².

Необходимо заметить, что писатель работал над повестью «Соломенская учительница» всю свою творческую жизнь, так и не написав устраивавший его финал. В Усманском музее хранится машинописный текст повести под названием «Дыхание весны». Исправлений в нем мало, но с опубликованным текстом имеется ряд расхождений. В письме от 12 ноября 1936 года к писателю и другу Павлу Низовому Завадовский писал: «Тебе нечего объяснять, как иногда бывает, что запутаешься в своей вещи и, как слепой, не знаешь путей... У меня такая трагедия с моей повестью... Я, право, недалек от минуты, когда жгут в печи рукописи, без сожаления и без особого аффекта»³. Уже после реабилитации Завадовского, желая опубликовать произведение, вдова писателя – Варвара Сергеевна – попросила усманского журналиста и краеведа А.З. Боровика дописать повесть, что он и сделал. Ее издание было осуществлено в 1987 году. Автором-составителем стал усманский краевед Д.С. Комяков, который был также знаком с Варварой Сергеевной и знал о ее просьбе к усманскому писателю А.З. Боровику.

¹ Завадовский Л.Н. Краткие биографические сведения // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «О Завадовском».

² Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 43.

³ Цит. по: Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 196.

После январской публикации 1925 года «Соломенской учительницы» произведения Завадовского активно публикуются на страницах советских литературных журналов. В этом же году издательство «Недра» выпускает рассказ «Корень» отдельной книжечкой, который позднее опубликован в 4 номере «Красной нови» (1925). В том же году «Недра» самостоятельным изданием выпустила рассказ «На белом озере». Судя по рукописям Завадовского, которые хранятся в РГАЛИ, в 1925 году им были также написаны рассказы «Светлый день» и «Тунгус». Последний был опубликован в 1927 году в сборнике «Песнь седого волка», а судьба «Светлого дня» остается пока не проясненной.

На протяжении всего творчества Завадовский сотрудничает с издательством «Недра». В архиве писателя в Усманском краеведческом музее сохранились многочисленные письма писателю от директора издательства Н.С. Ангарского и технического редактора Б.С. Леонтьева. За пять лет (1925-1929) совместной работы издательство выпустило три сборника рассказов: «Песнь седого волка» (1927), «Вражда» (1928), «Железный круг» (1928). На эти сборники достаточно резко отозвалась критик А.Шафир в 1929 году со страниц журнала «Печать и революция»: «От взгляда Завадовского ускользают сложные социальные процессы... Он не видит широких перспектив и неохватных возможностей, которые раскрыла революция. У него нет творческой активности, веры в преобразующую силу революционного класса»¹. Видимо, появление этого критического отзыва было «заказным». Известно, что в 1929 году В. Полонский был отстранен от редактирования журнала, а состав редакции существенно обновлен. Издание фактически превратилось в печатный орган «Литфронта» В.Ф. Переверзева, очень скоро уступившему гегемонию в советской критике РАППу. Уже в 1930-м году журнал закрылся.

Отдельными книгами издательство «Недра» выпустило также рассказы Завадовского «Перевал» (1928), «Лунная тропа» (1929). Под маркой

¹Шафир А. Леонид Завадовский: очерк // Печать и революция. 1929. № 8. С. 79.

«Мосполиграф» «Недра» издает повесть «Полова» (1927). Рассказы писателя были включены в тематические сборники издательства. В письме к Завадовскому А.С. Новиков-Прибой писал: «Изд-во «Недра» похоронили и справили по нему поминки с выпивкой. Все вышло так потому, что Николай Семенович был за границей, а Леонтьев не очень старался отстаивать»¹. В письме не стоит дата, но Ангарский в 1929 году уехал в Литву, что дает основания полагать, что речь идет именно о 1929 годе, тем более это был последний год, когда «Недра» издавала Завадовского.

Весьма плодотворным в творческом отношении был 1926 год. К этому моменту вокруг Завадовского уже сформировалось литературное окружение. «Поздней осенью 1926 года в Усмань приехали друзья-писатели Алексей Силыч Новиков-Прибой, Павел Георгиевич Низовой, Петр Алексеевич Ширяев и Петр Семенович Парфенов. Все были заядлыми охотниками и приехали сюда, соблазненные рассказами Завадовского о великолепных охотничьих усманских местах»². Писатели частенько приезжали к Завадовскому. «Им нравилась усманская тишина, они отдыхали здесь от столичной суеты, много времени проводили на охоте, а в ненастную погоду, оставаясь дома, работали над своими произведениями, вечерами же читали их друг другу, делились творческими замыслами»³. Литературное окружение Завадовского составляли А.С.Новиков-Прибой, А.В.Перегудов, П.Г.Низовой, П.А.Ширяев, П.С.Парфенов, Н.П.Смирнов, М.Г.Сивачев. Некоторые из них входили в литературную группу «Перевал». Писателей объединяла любовь к охоте, к родной природе, но самое главное – были схожими творческие ценности, литературные взгляды, что воплощалось в общности тематики, близости идейно-смыслового содержания произведений этих художников.

¹Новиков-Прибой А.С. Письмо к Завадовскому // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

²Задонский Н.А. В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 97.

³Задонский Н.А. В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 97-98.

Среди воронежских писателей друзьями Завадовского были Н.А.Задонский, П.П.Кустов, Б.Г.Песков. Они были моложе Завадовского, но весьма талантливы. Кустов вспоминал в письмах к Задонскому: «Я часто бывал у Завадовских... Стихи свои читал я и тебе лично, и Завадовскому, и выступал с ними на общегородских вечерах и собраниях... Большая дружба, несмотря на разницу в годах, связывала меня не только с тобой, но и с Завадовским... Читал я вам с Завадовским первые свои стихи. Среди них «Осень» и «Аленка»¹.

В журнале «30 дней» в 1926 году в первом номере выходит рассказ «Ищейка Фред», который соседствует с произведениями В.В. Вересаева, Л.М. Леонова, И.Э. Бабеля. Также в журнале была напечатана пара строк об авторе: «Л. Завадовский – писатель современной литературно-революционной эпохи. По происхождению крестьянин, живет в Воронежской глуши и близко связан с крестьянской массой, не мужиковствует и не фальшивит, изображая родную ему деревенскую жизнь»². Журнал «30 дней» был заинтересован в Завадовском. После публикации в 1926 году писателю приходит письмо от редакции: «Нехорошо, совсем нехорошо. Чего же это Вы забыли нас. 1-2 рассказа – вот скромная просьба наша»³. Но Завадовский не спешит отвечать, и вскоре приходит еще письмо: «Почему вдруг такое «роковое» молчание»⁴. В 1928 году журнал «30 дней» все же публикует рассказ «Жертва», после чего Завадовский больше не отправляет свои произведения в редакцию, хотя она неоднократно направляла письма с просьбой о рассказе, очерке: «Как будут готовы очерки, сейчас же присылайте, не стесняйтесь размером» (1929), «Что Вы с нами делаете? Уже конец ноября и ни Вас, ни очерков. Ждем на днях письма, материалов.

¹Задонский Н.А. В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 96-97.

²Цит. по: Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 49.

³Письмо Л.Н. Завадовскому от редакции «30 дней». 18.07.1927г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

⁴ Письмо Л.Н. Завадовскому от редакции «30 дней». 25.10.1928 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

Хотелось бы с первого номера начать печатать Алданские очерки» (1929)¹. Речь идет об очерках по итогам командировки в Якутию. Последнее письмо от редакции датировано 21 июня 1930 года: «Ждем от вас рассказ, вернее рассказы в ближайшие дни. Были ли Вы на приисках «Лена Гольдфильса»? Ежели были, то напишите для «30 дней» очерк о приисках, о хозяйствовании иностранцев, об отношении рабочих с концессионерами и т.д.»². Но в журнале так и не появились ни рассказ, ни повесть, ни очерк Завадовского. Сложно ответить, почему писатель не реагировал на запросы весьма популярного журнала, хотя активно публиковался на протяжении этого времени в других изданиях.

В 1926 году издательство «Новая Москва» выпустило сборник рассказов Завадовского «Вражда». На него рецензией в журнале «Красная новь» откликнулся Б.А. Губер, дав высокую оценку художественному мастерству писателя: «Прекрасная книжка. Полная конкретности, реальности в изображении людей, обстановки и действия»³. Именно этот сборник Завадовский дарит Новикову-Прибою с автографом в подтверждение их крепкой дружбы. Сохранились письма Новикова-Прибой к писателю, наполненные душевностью и теплотой. В них они ведут разговоры о литературной жизни, творческих успехах и поражениях, о семье, охоте. Каждое письмо Новиков-Прибой заканчивает приветом Варваре Сергеевне и фразой «Жму руку»⁴.

В одном из таких писем Новиков-Прибой рассказывает о работе над романом «Цусима»: «Написал я еще предисловие к «Цусиме», $\frac{3}{4}$ листа. Пойдет в «Красной ниве» как отдельный рассказ. В предисловии этом рассказываю, как пропал мой цусимский материал и как он потом нашелся

¹ Письма Л.Н. Завадовскому от редакции «30 дней». 1929 // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

² Письмо Л.Н. Завадовскому от редакции «30 дней». 21.06.1930 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

³ Губер Б.А. Вражда: [рецензия] // Красная новь. 1926. № 5. С. 218.

⁴ Новиков-Прибой А.С. Письма к Л.Н. Завадовскому. Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

через двадцать два года. Упоминаю и твою фамилию»¹. Действительно, в предисловии романа автор говорит об охоте в родных местах в 1928 году: «Вместе со мной поехали на весеннюю охоту писатели: Павел Низовой, Александр Перегудов, Петр Ширяев и Леонид Завадовский. Недели две мы прожили в лесу, среди болот, а затем, перед возвращением в Москву, заехали в село Матвеевское, к моему племяннику»².

Среди писем Новикова-Прибоя хранится открытка, датированная 27 августа 1928 года: «Шлю тебе и твоей семье привет из знакомого тебе Севастополя. Еду в Одессу, а оттуда прямо в Москву. Жму руку. А. Новиков»³. Точно не удалось установить, как был связан Завадовский и южный город, но из письма очевидно, что писатель бывал в Севастополе. Возможно, они с супругой гостили у родственников Варвары Сергеевны Завадовской в Симферополе и проездом были в Севастополе. На это также указывают и акварельные рисунки писателя. На некоторых из них явно угадывается Севастополь. Так, в Усманском краеведческом музее хранятся не менее 12 работ Завадовского, на которых изображено море, причал, корабли, панорама портового города.

В Усманском краеведческом музее хранится фотомонтаж из 80 ведущих советских писателей, присланный, видимо, писателю на согласование. По свидетельству А.Я. Яблонского, художник отреагировал на это так: «Это мне – авансом. Надо отрабатывать»⁴. И, действительно, отработал. Уже 1929 году в свет выходят три сборника рассказов: «Вражда», «Железный круг», «Полова», отдельным изданием – рассказ «Лунная тропа».

Следует отметить, что для писателя 1929 год стал поворотным этапом в творчестве. Завадовский обратился в кооперативное издательство

¹ *Новиков-Прибой А.С.* Письмо к Л.Н. Завадовскому. Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

² *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. Кн. 1-2. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. С.5.

³ *Новиков-Прибой А.С.* Письмо к Л.Н. Завадовскому. 27.08.1928г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

⁴ *Яблонский А.Я.* Сила жизненной правды // Литературная Россия. 1988. № 34.

«Московское товарищество писателей», среди пайщиков которого были его знакомые и друзья Ф.В. Гладков, П.Г. Низовой, А.С. Новиков-Прибой, с просьбой оплатить командировку в Восточную Сибирь, в Якутию. Поездка началась в марте 1929 года. Результатом экспедиции стал очерк «Золотой край», машинописный текст которого с множественными исправлениями, сделанными рукой Завадовского, хранится в архиве Усманского краеведческого музея. Весь текст очерка поделен на части, каждая из которых содержит несколько отдельных глав с наименованиями: «Столбы», «Дом отдыха в тайге», «Город Томмот», «Резиденция» и т.д. Очерк имеет подзаголовком «Алданские впечатления». Предполагалась публикация очерка «Золотой край» издательством «Недра». Текст с сопроводительными фотографиями был подготовлен к печати. С лета 1930 года шла активная переписка между Завадовским и секретарем издательства «Недра» Б. Леонтьевым, обговаривали последние правки, фотографии, эскизы обложки: «Новые фотографии высылай поскорей. Книгу сдали в производство, поэтому нужно иметь окончательный и точный список фотографий», «Посылаю Вам корректуру Вашей книги и прошу не задерживать, по возможности», «Посылаем Вам для утверждения эскиз обложки Вашей книги»¹. Но цензура не пропустила очерк, о чем в марте 1931 года сообщил Леонтьев Завадовскому: «Сегодня, в один день с Вашей открыткой, получил, наконец, окончательный ответ Обллита о «Золотом крае». Ответ этот отрицательный без какого-либо объяснения причин»². В течение работы писателя над очерком, в конце 1930 года, вышел его фрагмент в «Русском журнале». Также в 1930 году увидела свет антология «Перевальцы», в которой А.Г.Малышкин, Б.А.Губер, М.М.Пришвин, Ив.Ив.Катаев, Г.А.Глинка, Н.Н.Зарудин, П.Д.Дружинин, а также Воронский опубликовали свои произведения. Среди них был и рассказ Завадовского «Железный круг».

¹ Леонтьев Б. Письма Л.Н. Завадовскому. 1930. Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

² Леонтьев Б. Письмо Л.Н. Завадовскому. 7.03.1931г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

Литературная жизнь 1930 года приобрела новое политическое звучание. «Идут «проработки» отдельных литературных направлений, неудобных и неудобных для дальнейших мероприятий генеральной линии партии. Провозглашается лозунг самокритики с признанием ошибок, с отказом от прежних установок и с отречением от своих наставников и руководителей»¹. Следует отметить, что в этом же 1930 году Завадовский был арестован, у писателя были изъяты письма и другие личные вещи. Об этом свидетельствует акт протокола. Возможно, причина ареста кроется в том, что «активистам новой литературной общественности было необходимо во что бы то ни стало поставить на колени «Перевал»². И поскольку «термин «воронщина» включал в себя политическое понятие «вражеской вылазки»³, перевальцы оказались под ударом и под зорким оком советской власти.

«Перевал» вел активную борьбу с писателями РАПП. Столкновение двух литературных объединений на почве идейно-философского понимания роли литературы и искусства с началом 1930-х годов приобрело политическое звучание. Завадовский не был участником этих дискуссий и выступлений, большую часть проводил в маленькой Усмани и не собирался переезжать в столицу. Поэтому сложно установить, когда он оставил «Перевал»: после закрытия «Красной нови», когда «стали отходить молодые литераторы, которым было ясно, что при новой политической ситуации, будучи перевальцем, невозможно сделать карьеру в советской литературе»⁴, или остался вплоть до апреля 1932 года, когда вышло постановление о ликвидации всех литературных групп и объединений. Во всяком случае, в 10 номере «Красной нови» за 1927 год, в котором была напечатана декларация «Перевала», имя Завадовского упоминается среди членов московского отделения. В архиве писателя не сохранились письма от коллег по

---

¹ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 29.

² Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 30.

³ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 30.

⁴ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 24.

литературной группе. Хотя сложно поверить, что Завадовский не вел переписку с другими участниками «Перевала». Возможно, письма были изъяты при аресте или уничтожены самим художником.

В столь сложной литературно-политической ситуации Завадовский больше не пытался опубликовать очерк. «Что делать, Леонид Николаевич?! Поставим ряд вопросительных и восклицательных знаков и прикончим дело с «Золотым краем». Будем надеяться, что со следующей книгой Вам повезет больше»¹, – писал Леонтьев. С издательством «Недра» Завадовский не работал, так как оно перестало существовать. В этом же письме Леонтьев пишет: «Может быть еще когда-нибудь столкнемся с Вами на узкой издательской дорожке, и я вновь со славой буду издавать Ваши сочинения»². Тем не менее, два года, 1929 и 1930, были посвящены Завадовским работе над материалом, привезенным из экспедиции на Алдан, подготовке очерка, осмыслению приисковой жизни, формированию собственной авторской позиции.

Несмотря на то, что 1931 год начался провалом публикации очерка, в этом же году «Московское товарищество писателей» издает сборник рассказов Завадовского «Таежники». Материалы, собранные писателем на золотых приисках Алдана, нашли отражение в произведениях «Мамка» (1929), «Разведка инженера Панова» (1929), «Помбурмастер» (1931), «Темные ликом» (1931). Следует отметить, что Завадовский не был первооткрывателем алданской жизни для советского читателя. Об Алдане уже писали корреспондент газеты «Известия» Зинаида Рихтер, писатель Владимир Вережка в повести «Алданские шерифы» (1926) и др. Несмотря на то, что Завадовский привез большое количество фотографий, на которых изображена приисковая жизнь, работы по добыванию золота, старатели, орошены, просто таежные пейзажи, он, тем не менее, не воспроизвел уви-

¹ Леонтьев Б. Письмо Л.Н. Завадовскому. 7.03.1931г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

² Леонтьев Б. Письмо Л.Н. Завадовскому. 7.03.1931г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

денное в акварельных рисунках. Можно лишь предположить, что один-два рисунка посвящены сибирской тематике.

От «Московского товарищества писателей» Завадовский получал в 1931 году письма с призывом показать в своих произведениях социалистическое строительство. В это время писатель начал работу над романом «Великая драга», которая продолжалась до 1933 года. И многие критики-современники увидели в произведении требуемый соцзаказ: «Леонид Завадовский совершил трудный перевал и словно увидел новую страну и новых людей. Развернутое социалистическое строительство, щупальца которого дотянулись и до заброшенных золотых приисков на дальнем севере, не только обнаружило перед глазами писателя новые явления и невиданных людей, но и заставило его пересмотреть его отношение к миру и людям»¹, но содержание произведения куда глубже и сложнее, нежели выполнение отправленных ему издательством предписаний.

Машинописный текст романа «Великая драга» хранится в Усманском краеведческом музее, правки и пометки говорят о тщательной работе писателя над текстом. Также имеется подписанная фотография драги: «Драга имени Дзержинского на ключе Незаметном. Снимок сделан первого июня»². Драга представляет собой комплексное механизированное устройство размером с двухэтажное здание, куда подается для обработки земляной грунт с частицами золота с помощью специальной ленты, состоящей из железных ковшей и работающей по принципу экскаватора. Завадовский, играя словами, соединяет в одном названии технический термин с прилагательным, тем самым добивается двусмысленности и двуплановости в трактовке названия произведения. Николаев так толкует название романа: «...Драга великая потому, что она – символ перестройки примитивной жизни старателей – золотоискателей в далекой сибирской тайге»³. С этой

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. №5. С. 52.

²Фотоснимок // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма Завадовскому».

³Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 132.

трактовкой стоит согласиться лишь отчасти, поскольку драга стала символом власти золота над душами людей.

«Великая драга» впервые появляется на страницах воронежского журнала «Подъем» в 1933 году, публикация растянулась на весь год. Летом этого же года Завадовский входит в состав редколлегии журнала. Одновременно с этим писатель пытается устроить роман в столичные издания. Он пишет письмо редактору отдела прозы журнала «Новый мир» Н.И. Замошкину: «Дорогой Николай Иванович, К Вам большая просьба: напишите мне, можно ли Вам в «Новый мир» послать роман частью, т.е. не весь целиком? Есть ли смысл? Роман закончен и переписывается в последний раз. Я хотел было молчать с ним до полного завершения, но обстоятельства требуют средств для пропитания, которое у нас сейчас катастрофически дорого»¹. Как известно, 1932-1933 годы ознаменованы в истории советского государства страшным голодом, поэтому цены на продовольственные товары были высокие. Среди писем Завадовского сохранился ответ Замошкина, в котором он сообщает об отказе редакции. Из переписки можно сделать вывод, что во время публикации романа писатель все же не оставляет работу над ним, и в 1935 году роман выходит под новым названием «Золото» в Воронежском книгоиздательстве. Именно второй вариант названия произведения обостряет социальный и личный конфликт, выводя на поверхность остроту психологической составляющей романа.

Критика не заставила себя ждать, вслед за романом выходит большая статья С.С. Левмана в журнале «Подъем». Автор достаточно подробно разбирает произведение Завадовского и приходит к выводу, что роман – «это хорошо продуманное, насыщенное богатейшим жизненным материалом произведение, в котором есть и подлинная страсть, и крепкая целеустремленность»². При этом автор статьи сравнивает мастерство писателя как рассказчика и как автора больших жанров: «Но в композиционном отно-

¹Завадовский Л.Н. Письмо Н.И. Замошкину // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма Завадовскому».

²Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 53.

шении роман значительно слабее многих ранних рассказов Завадовского»¹. Причину критик видит в том, что «Завадовский много лет работал в области небольшого рассказа, и навыки новеллиста оказались недостаточными при построении большого романа»². По оценке критика, «в стилистическом отношении роман «Золото» еще более неровен, чем первые рассказы Завадовского: целые главы, особенно те, в которых описываются жизнь и переживания Мигалова, Лидии монотонны и даже серы»³. В другой статье «Разоблачение Клондайка» («Литературная газета») Левман выявляет художественные недостатки романа: «Иногда писатель слишком уж сдержан и даже холоден, словно боится рассказать и показать все, что он знает о людях, их страстях и переживаниях. Сдержанность заметна и в языке произведения, и порой она кажется чрезмерной, замораживающей»⁴. Такая неоднозначная оценка, в которой умаляются достоинства Завадовского как мастера слова и выдвигается на первый план его желание показать героев-коммунистов, ударников социалистического труда, представляется не до конца объективной и пропущенной через штампы советской идеологии.

После выхода романа Новиков-Прибой в письме к Завадовскому писал: «Твоим романом «Золото» очень заинтересовались в «Литературном агентстве» и хотят его прочитать, чтобы перевести на иностранные языки. А у меня нет экземпляра. Если у тебя есть экземпляр, то немедленно пришли мне»⁵. К сожалению, неизвестно, как дальше развивались события, и что помешало переводу романа, но, тем не менее, очевидно признание со стороны читателей, издательств и критики.

Говоря о творчестве Завадовского, стоит упомянуть о неопубликованных произведениях писателя. В личном архиве писателя сохранились рукописи его неизданных трудов, черновики романа «Гнездо» со множеством авторских исправлений. Его сюжет разворачивается в 1920-е годы в

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 53.

²Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 53.

³Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 53-54.

⁴Левман С.С. Разоблачение Клондайка // Литературная газета. 1935. 10 мая.

⁵Цит. по: Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

небольшом городке. Писатель обращается к теме постреволюционной жизни провинции, раскрывая ее в двух плоскостях. В первой автор сталкивает старое и новое, воплотившееся в образах старика Серафима Астафьевича и его молодых квартирантов из Петрограда, а во второй – рассматривается вопрос нравственной несостоятельности человека в условиях советской жизни. Большое количество редакций, перепечатанные листы говорят о долгой и кропотливой работе писателя над романом.

Писатель пробовал себя и в роли драматурга. Среди неизданных произведений есть пьеса «О террористе» («Смертник») в пяти действиях. Ее герой – молодой человек Иван Васильевич Васильев. «Действие происходит в 1906 году в ноябре месяце в губернском городе средней России»¹. Его прообразом возможно послужил родной художнику Тамбов. Революционная молодость Завадовского, собственный опыт тюремного заключения воплотились в неопубликованной пьесе. Рукопись не датирована, но в документах сохранилась часть пьесы в машинописном варианте без исправлений. Завадовским были написаны еще две пьесы: «О царе, мужике, рабочем» (о русском крестьянстве) и «Великан» (о соперничестве мужчин за обладание женщиной). Пьесы написаны убористым почерком Завадовского без исправлений, пометок, датировок. Это говорит о том, что писатель только начал работу над ними, не успел еще внести изменения, напечатать тексты на машинке.

В РГАЛИ хранится неизданный рассказ «Золотой осенью», полностью подготовленный к печати². Здесь же хранятся машинописные рукописи романов «Золото», повести «Полова».

В произведениях Завадовского нет четкой позиции в отношении советской действительности, своим героям писатель дает возможность высказаться как за советскую власть, так и против нее, герои размышляют, как изменилась жизнь после прихода большевиков, но нет вывода из этих

¹ Завадовский Л.Н. О террористе. Рукопись // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. папка «Рукописи Л.Н. Завадовского». Пьесы. Инв. № 1396. С.1.

² Завадовский Л.Н. Золотой осенью // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 6391.

разговоров, итога размышлений. Завадовский останавливается на этапе рефлексии, словно сам для себя еще не определил личное отношение к советской действительности. Отсюда – не ярко выраженная социалистическая идеология в произведениях, творческие искания, незавершенные произведения. Хранящиеся в Усманском музее рукописи Завадовского свидетельствуют о том, что писатель не реализовал многие свои задумки и начинания.

Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1932 году приняло решение о роспуске всех литературных объединений, на их месте был создан Союз советских писателей (ССП). Непосредственно в Воронеже в 1934 году организовали оргкомитет ССП, членом правления которого избрали и Завадовского. Сохранился его билет члена Союза советских писателей, подписанный М. Горьким. В 1936 году разворачивается настоящая идеологическая чистка, повлекшая страшную волну репрессий. НКВД начал активную борьбу против «троцкистов» и членов бывшей партии социалистов-революционеров.

Воронежское отделение ССП получило рекомендацию «разоблачать классового врага в среде писателей»¹. Исходя из этого задания, в ССП Воронежа было решено обсудить творчество Завадовского и Б.Пескова. Выбор пал на них по ряду причин: во-первых, прошлое писателя из Усмани вызывало сомнение – бывший эсер, перевалец, во-вторых, писателя не раз упрекали в недостаточной идеологизированности его творчества, в-третьих, художник сильно выделялся среди других воронежских писателей: печатался в столичных изданиях, дружил с уже тогда признанными мастерами слова, поэтому конкуренция, соперничество и элементарная зависть могли сыграть здесь не последнюю роль.

Что касается Пескова – молодого, еще начинающего писателя, то он попадал в поле зрения собрания, поскольку был близок к Завадовскому и

---

¹Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 154.

считал себя его учеником. Об этом свидетельствует дарственная надпись на его первом сборнике рассказов «Страсть»: «Чуткий художник – Леонид Николаевич, примите сей ничтожный труд от Вашего ученика Бор. Пескова! 14/IX 33»¹. Более того, по утверждению М.И. Федорова «таскать» Пескова начали чуть раньше². За месяц до заседания, посвященному разбору творчества писателей, в августе состоялось собрание по вопросу неподобающего поведения Пескова, который, не стесняясь в выражениях, называл воронежского писателя М.Я. Булавина «паршивым человеком», а прозаика М.М. Сергеенко «бездарью», признавал, что «фашизм обострил классовые противоречия и приблизил пролетарскую революцию»³, за что в 1937 году был исключен из ССП Воронежа. И именно это, видимо, спасло ему жизнь, так как он оказался в тени литературной жизни Воронежа.

Члены ССП разбирали творчество Завадовского и Пескова отдельно, последний попросту не явился на собрание. В архиве Усманского краеведческого музея сохранилась стенограмма заседания. Докладчиками выступили Н.В. Романовский, М.М. Сергеенко, М.Я. Булавин. Заседание началось со вступительной речи М.М. Подобедова. Редактор «Подъема» утверждал, что Песков интригами, бесчестными уловками прокладывал себе дорогу и добился того, что «главные писатели в области – это Завадовский и Песков, что Завадовский – это писатель чуть ли не мирового значения»⁴. Такое положение дел совсем не устраивало Подобедова: «А между прочим, никакого мирового масштаба у Завадовского нет, обычный рядовой писатель. С чрезвычайно ограниченным кругозором и с грубым эмпириз-

¹ Песков Б. Страсть. Рассказы. Книгоиздательство «Коммуна». 1933. Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Книги из архива Завадовского.

² Федоров М.И. «Громкие» дела писателей // Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С. 7.

³ Федоров М.И. «Громкие» дела писателей // Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С.7.

⁴ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

мом, не говоря о разных идеологических вывихах»¹. Несмотря на долгое и плодотворное сотрудничество Завадовского и Подобедова во время публикации романа «Великая драга», работу в редколлегии журнала «Подъем», общий тон Подобедовым был задан достаточно жесткий и непримиримый. Подобедов дает молодежи (Романовскому и Сергеенко) направление, в котором следует рассматривать творчество Завадовского: «В прошлом в его творчестве очень сильно выпирала идея торжества биологического над социальным, и в последних произведениях, как здесь уже упоминалось, не все благополучно»².

Молодой воронежский писатель Романовский в своем докладе рассматривал творчество Завадовского с позиции «необходимости перевоспитания людей в духе социализма», считая этот критерий основополагающим в творчестве каждого советского писателя. Докладчик ставил в укор Завадовскому то, что в его творчестве «люди оказались беспомощными перед железными законами природы», а «природа человека не может быть ограничена только чувством зверимости, патологической чувствительностью в отношениях мужчины и женщины»³. Но Романовский понимал и признавал талант Завадовского: «Я ни в коей степени не собираюсь заявить, что все в творчестве Леонида Николаевича неприемлемо. Я неслучайно акцентировал свое внимание и ваше на наиболее ярких ошибках в творчестве Леонида Николаевича. Я сознательно форсировал и свое и ваше внимание на том, что нужно преодолеть, от чего нужно отказаться Леониду Николаевичу и что является серьезной угрозой для него»⁴.

¹ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

² Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

³ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

⁴ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

Выступление Сергеенко не было таким корректным. Рассматривая рассказы поверхностно, не пытаясь размышлять над идейно-смысловым содержанием, начинающий писатель выхватывал фразы и предложения, утрированно и примитивно толковал сюжетную линию произведений Завадовского. Доклад Сергеенко наполнен обвинениями: «Не о аполитичности Завадовского, а его тенденциозности, враждебной советской действительности, следует говорить... Если писатель не сдвинется с мертвой точки, он может оказаться отброшенным с дороги жизни, а тогда он перестанет существовать, как писатель, как художник»¹.

По сути, этим заседанием правление Воронежского отделения ССП уже косвенно выдвинуло подозрение в антисоветских убеждениях Завадовского, и художник тяжело пережил удар судьбы. Писатели, друзья и коллеги, с которыми Завадовский делал общее дело, делился своими мыслями, те, кто составлял его близкое литературно-творческое окружение, клеймили его и обвиняли в антисоветчине, пытались доказать, что он классовый враг.

До 1937 года в письмах Подобедова Завадовскому присутствует достаточно дружеская атмосфера: «Жму крепко, крепко вашу трудовую, многострадальную руку. Одолевайте поскорей ваши недуги», «Однако все же мне хочется сказать вам, что в Воронеже есть человек, который всем сердцем сочувствует вашему тяжелому положению, который искренне хочет поскорей увидеть вас на Под'емовском диване», «Очень хочется повидаться, поговорить... Л.Н. если вы вздумаете приехать к нам сообщите заранее, мы попросим у Александра Илларионовича Швера машину и, если дороги не испортятся, прикатим за Вами»². Подобедова не смущали и литературные взгляды Завадовского: «Вы же человек мужественный да и физически относитесь к «волчьей» породе в хорошем смысле этого слова, в смысле

¹ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

² Подобедов М.М. Письма Л.Н. Завадовскому // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

выносливости»¹. Но по мере сгущения туч над Завадовским тон писем, а, значит, и отношения становились все более официальными: «Вы располагаете, примерно, двумя месяцами для работы над романом. Что же касается рассказа, то ежели он у Вас готов, я просил бы выслать его сейчас», - писал Подобедов 18 января 1938 года. Следующее письмо было датировано 12 февраля 1938 года, то есть уже после ареста Завадовского: «В начале февраля я написал Вам ответ на Вашу сердитую открытку. Теперь Вы молчите. А между прочим мне нужно знать справитесь ли Вы с романом в те сроки, которые я указал»².

Это письмо, в котором Подобедов строит планы, просит прислать рассказ и еще не знает, что уже больше недели прошло с момента ареста писателя, он заканчивает фразой: «Пишите, как проходит Ваше отшельническое житие»³. Очевидно, Завадовский после собрания ССП Воронежа обрывает все связи с коллегами. К слову сказать, «в последние годы жизни вокруг Завадовского образовался вакуум. Он писал Новикову-Прибою, а тот не отвечал. Время было такое: люди боялись и обрывали отношения. Только Павел Низовой не отвернулся»⁴. Рассмотрение его творчества с откровенной и слишком вульгарной ориентацией на социалистический реализм и восхваление политики большевиков, непонимание его художественной концепции заставило писателя на время отойти от работы. В своем письме к Низовому он писал: «Настроение у меня сверхпакостное. Редко такое бывает у людей... Я почти не работаю. Даже не почти что, а совсем не работаю с тех пор, как началась эта история. Я даже не собираюсь как будто бы больше работать»⁵.

¹Подобедов М.М. Письмо Л.Н. Завадовскому. 10.10.1934г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

²Подобедов М.М. Письма Л.Н. Завадовскому // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

³Подобедов М.М. Письмо Л.Н. Завадовскому. 12.02.1938 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

⁴Федоров М.И. «Громкие» дела писателей. Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С. 5.

⁵Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 159.

В 1937 году Завадовский выдерживает еще более сильный удар. Ревекка Шпунт в «Комсомольской правде» опубликовала статью «Еще одна писательская канцелярия», где очень грубо высказывалась о деятельности Воронежского отделения ССП, посвятив непосредственно характеристике Завадовского несколько колких строк: «Бывший «лидер» местного отделения Завадовский в прошлом эсер, старый член бывшей литературной группы «Перевал», как известно, руководившейся троцкистом Воронским»¹. На страницах советской прессы это было достаточно серьезным обвинением.

Сотрудники Усманского районного отделения НКВД арестовали писателя 2 февраля 1938 года прямо у него дома по обвинению в проведении антисоветской агитации. Из протокола заседания «тройки» (начальник областного управления НКВД, второй секретарь обкома партии и областной прокурор) следует, что писатель «систематически вел контрреволюционную агитацию пораженческого характера. Высказывал повстанческие настроения и террористические намерения против коммунистов. Восхвалял фашизм. Распространял клеветнические измышления о положении крестьян в СССР. Клеветал на соввласть»². Согласно показаниям одного из свидетелей, Завадовский высказывал следующую мысль: «Партия эсеров, в которой я состоял, была единственной партией, которая вела правильную линию, и в ней состояли лучшие люди... Все население ужасно голодает, а это благодаря сталинскому руководству»³.

В документах по делу никак не освещается литературная деятельность Завадовского: членство в ССП, дружба с Воронским, участие в литературной группе «Перевал». «О литературной работе и творческих связях арестанта в документах 3-9 февраля не упоминается ни строчки. Эта сторона личности Завадовского жрецов большевистской фемиды абсолютно

---

¹ Шпунт Р. Ещё одна писательская канцелярия // Комсомольская правда. 1937. 15 марта.

² Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 172.

³ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 170.

не волновала»¹. Но согласно протоколу обыска у Завадовского были изъяты 119 писем и произведения: «Золото», «Лунная тропа», «В тайге», «Железный круг», «Волки», «Никитино счастье», «Полова», «Песнь седого волка», «Соседи», «Темные ликом», сборники «Избранные рассказы», «Вражда», «Таежники», а также «литературные труды, отпечатанные на машинке с исправлениями от руки»². Из чего следует, что сотрудники НКВД в первую очередь в своих поисках были ориентированы именно на творческую работу Завадовского. Косвенно подтверждает этот факт, что сборник «Песнь седого волка», посвященный советской деревне, был «авторским приказом» запрещен к выдаче в советских библиотеках. Этот запрет был снят только в 1958 году.

Писателя приговорили к расстрелу, приговор привели в исполнение. В выписке из акта об аресте Завадовского сказано: «Постановление Тройки УНКВД по Воронежской области от 9 февраля 1938 г. о расстреле Завадовского Леонида Николаевича приведено в исполнение. 21 февраля 1938»³. Фамилия писателя была вписана от руки в напечатанный на машинке текст акта, подписанный начальником спецотделения УНКВД В.О. старшим лейтенантом Черниковым.

Следует отметить, что первый съезд Союза советских писателей, в котором принимал участие Завадовский, не дал желанной свободы в литературе, более того, в 1935 году цензура (Главлит, Облит) ужесточила контроль. Начинаясь борьба с инакомыслящими. Первый удар принял на себя Воронский. Весной 1937 года был арестован И.И.Катаев, потом Б.А.Губер, А.Е.Заурин, И.Г.Лежнев. Были расстреляны перевальцы И.М.Касаткин, Г.О.Куклин, В.Ф.Наседкин, В.П.Правдухин, в их числе оказался и Завадовский. Избавлялись от писателей, от перевальцев, от их идей, хотя они давно уже не провозглашали своих лозунгов, а большинст-

¹Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «О Завадовском».

²Протокол обыска от 2.02.1938 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «О Завадовском».

³Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 172.

во из них были такими же сынами революции. «Очевидно, все преступление перевальцев состояло в том, что они... продолжали защищать, казалось бы, совершенно неотъемлемое право художника быть самим собой»¹.

После предъявленного обвинения прекратилась публикация произведений Завадовского, под запретом было упоминание фамилии автора в советской прессе. Через 20 лет, 4 июня 1958 года, Оргкомитет союза писателей РСФСР постановил: «Восстановить посмертно в правах члена Союза писателей СССР с 1934 года писателя Завадовского Л.Н.»². В это время на литературной арене гремели уже другие имена, а творчество Завадовского стало интересным только краеведам. Большая часть произведений Завадовского из фондов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) оставалась даже не распечатанной до 2013 года. Автору диссертации пришлось разрезать листы старых книг и журналов, чтобы прочесть произведения писателя.

Работу по изданию творческого наследия Завадовского нельзя назвать активной. Началась она в 1960 году, когда в Липецке вышел роман «Золото». Спустя шесть лет в журнале «Подъем» появляется рассказ «Соседи» (жанрово его тогда определили как повесть). В 1967 году в Воронеже переиздается роман «Золото» с предисловием доцента Елецкого пединститута А. Саранцева, который за год до этого отправил письмо Варваре Сергеевне Завадовской о начале исследовательской работы по творчеству писателя и просил оказать помощь в поиске архивных данных. Через год выходит сборник рассказов «Песнь седого волка». Следующая публикация датируется 1973 годом, в усманской районной газете «Новая жизнь» печатается отрывок из незавершенной повести «Соломенская учительница». Спустя три года воронежское Центрально-черноземное книжное издательство выпускает сборник рассказов «Чистое поле», во втором томе которого помещается произведение Завадовского «Облачный день». И только по

---

¹ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 409.

² Оргкомитет союза писателей РСФСР. Постановление бюро. Протокол № 8. 4.06.1958 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Выставочный зал.

прошествии одиннадцати лет после последней публикации в Воронеже вновь вспоминают о Завадовском. Выходит книга «Рассказы, повесть», вступительная статья к которой принадлежит краеведу Д.В. Комякову. Следующие публикации были также в Усмани: в 1999 году напечатали рассказ «Соседи», в начале 2000-х – повести и рассказы. В 2012 году в Москве переиздается роман «Золото». Как видно, произведения Завадовского выходят с многолетними перерывами, издания носят эпизодический, случайный характер. Они в основном печатаются либо воронежским Центрально-Черноземным книжным издательством, либо усманской районной газетой «Новая жизнь», то есть только землякам и краоведам дорога память о Завадовском. Широкому читателю его имя остается до сих пор неизвестным.

Изучение жизни и творческого пути писателя, осмысление его литературного наследия не имеют формы академической научно-исследовательской работы. После восстановления в правах писателя первым, кто знакомит советского читателя с биографией Завадовского, становится А. Саранцев. Именно ему принадлежат вступительные статьи к роману «Золото» (1967) и сборнику рассказов «Песнь седого волка» (1968). Но поскольку в стране все еще продолжают строительство коммунизма, попытки интерпретации идейно-смыслового содержания представляют собой стремление связать художественную мысль Завадовского с идеологической направленностью партии.

В 1967 году в издании «Заря коммунизма» (Уваровский район Тамбовской области) выходит публикация Н. Колюкаевой ««Золото»: читатели о книгах». И только в 1968 году в «Литературной газете» появляется рецензия И.Ростовцевой «Россыпи нового» на вышедший в Воронеже сборник рассказов «Песнь седого волка». В этом же году в Воронеже в газете «Новая жизнь» выходит заметка Д.В. Комякова, посвященная биографии и творчеству Завадовского – «Рассказы писателя-земляка». Усманский краевед Комяков активно занимался изучением воронежских писателей. В ар-

хиве Завадовского хранится экземпляр сборника рассказов, подаренный музеем от краеведа: «Усманскому историко-краеведческому музею о замечательном писателе-земляке Леониде Николаевиче Завадовском на добрую память. Помните, что я – Комяков Дмитрий Васильевич написал о Завадовском 19 очерков и статей в районной и областной печати... Помните и вы о нем» (23 октября 1999 год, Усмань)¹.

Завадовскому посвящена глава «Усманские встречи» литературного этюда «В потоке жизни» (1969) писателя Н.А. Задонского. Писатели были знакомы, дружили: «Вскоре я познакомился с Леонидом Николаевичем Завадовским. Он тогда только начинал литературную деятельность... Леонид Николаевич входил в литературу как сложившийся мастер слова, имея за плечами трудную судьбу и большой жизненный опыт»², - писал Задонский. Как следует из книги, он был свидетелем и непосредственным участником лучших писательских лет в жизни Завадовского.

К семье писателя был близок краевед, писатель А.Боровик. Лично с писателем он не был знаком, но дружил с Варварой Сергеевной. Именно по ее настоятельной просьбе он сочинил финал повести «Соломенная учительница». Боровик не раз писал о Завадовском, в двухтысячных выходят его любопытные работы: в 2003 году – статья «Жесткий удар судьбы» (усманская газета «Новая жизнь»), в 2008 – повесть «Такое долгое возвращение» («Липецкая газета»). О жизненном пути и творчестве Завадовского писали Г.Дмитриевская, С.Шацких, О.Ласунский, В.Поляков, Э.Меньшикова, Н.Нижегородов.

Интересен труд писателя М.И. Федорова «“Громкие” дела писателей» (2009), где автор воссоздает писательскую атмосферу того времени, царившую в ССП Воронежа. Сложные творческие и личные отношения,

¹ *Завадовский Л.Н.* Рассказы. Повест. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во. 1987. Подписано Д. Комяковым 23.09.1999 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Книги.

² *Задонский Н.А.* В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 91.

интриги и скандалы, портреты Завадовского, Подобедова, Сергеенко, Пескова, Мандельштама и других предстают в разных жизненных ситуациях.

Самым современным, наиболее обширным и информативным изданием, посвященным жизни и творчеству Завадовского, является книга К.Б. Николаева «Гений русского рассказа» (2013). В ней собраны документальные материалы, письма, фотографии из личного архива Завадовского. Николаевым охарактеризованы прижизненные издания произведений писателя, приведены оценки критиков. Многие сложившиеся в предшествующие годы стереотипы подвергается сомнению, раскрываются новые биографические факты.

После ареста Завадовского его семья, несмотря на усилия Варвары Сергеевны, не получила никакой информации о местонахождении писателя. Липецкие и воронежские краеведы высказывают предположения о действительном положении дел после 2 февраля. Согласно документам, находящимся в Государственном архиве Липецкой области, писателя до расстрела содержали в воронежской тюрьме, но Николаев подвергает сомнению данный факт, аргументируя это тем, что сотрудникам НКВД нецелесообразно было отправлять писателя, а значит и трех свидетелей, в Воронеж. Он считает, что в Воронеж отправили только протокол дела, по которому и был вынесен приговор о расстреле. Также Николаев сомневается в достоверности изложенных фактов в трудах Боровика и Федорова.

Другим вопросом остается место захоронения писателя. Воронежский краевед В. Глебов выдвинул предположение, что Завадовский был расстрелян под селом Дубровка Воронежская область. Писатель числился в расстрельном списке от 9 февраля 1938 года, который был предоставлен воронежским управлением КГБ. Участники раскопок в расстрельной яме № 19 нашли личные вещи, принадлежавшие людям из этого же списка. «Тройка УКВД уже 9 февраля вынесла им смертный приговор, причем заочно, подписав заготовленный следователем НКВД список жертв. И этот приговор убийц жертвы узнали, стоя у края ямы под дулами револьверов

своих палачей»¹. Но на данный момент существует ряд документальных нестыковок и несоответствий, не дающих полной и безоговорочной уверенности в выдвинутых Николаевым предположениях.

Почему никто не усомнился в предъявленном Завадовскому обвинении, не потребовал детального рассмотрения дела? Этими вопросами задается Федоров. Он считает, что многие члены Воронежской писательской организации завидовали успехам Завадовского: «Особо раздражало то, что их коллега попал в число самых известных советских писателей, и в московских журналах среди портретов Горького, Шолохова, Фадеева, Леонова, Эренбурга, Новикова-Прибоя нет-нет да и появлялся портрет писателя из Усмани»².

Липецкий журналист А. Яблонский в 1988 году в статье «Сила жизненной правды» в газете «Литературная Россия» утверждал, что накануне ареста писатель в разговоре с женой сказал следующее: «Жизнь моя, по сути, вмещается в три строки: 17 лет детства и юности, 12 лет каторги и ссылки и почти 20 лет Усмани, любви к жизни, литературе. А впереди – тревога!»³. Словно предчувствуя скорый финал жизни, Завадовский подводит черту собственной судьбы: «Царь меня колотил и Сталин меня колотит. Парадокс. На царя я не в обиде: за дело колотил. Теперь-то за что? Как вынести навет, ложь? Совесть моя чиста перед моим народом и Родиной»⁴. Завадовский оставил недописанной повесть «Соломенская учительница», где рассказывал о жизни провинциальной учительницы. Ее по доносу должны были арестовать как врага народа, но оправдали. Писатель в своей повести не усомнился в честности и справедливости власти. Но в его жизни все оказалось наоборот. Доносам поверили, его расстреляли...

В настоящее время Завадовскому посвящена экспозиция в краеведческом музее им. Б.П. Княжинского города Усмани Липецкой области, где

¹Глебов В. Дубровка обретает имена // Воронежский курьер, №52 11 мая 2002.

²Федоров М.И. «Громкие» дела писателей // Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С. 5.

³Яблонский А.Я. Сила жизненной правды // Литературная Россия. 1988. № 34.

⁴Яблонский А.Я. Сила жизненной правды // Литературная Россия. 1988. № 34.

хранятся его личные вещи, фотографии, документы, рукописи, акварельные рисунки, протоколы арестов. В музей они были переданы родственницей Варвары Сергеевны Завадовской. Среди мебели должен быть рояль, на котором музицировала Завадовская, но он не был принят музеем из-за нехватки места. Сохранился рисунок карандашом с изображением супруги писателя за роялем. Завадовский как-то сказал супруге: «А знаешь, Варя, мне кажется, что музыка сильнее даже литературы. Она в состоянии и точнее, и полнее выразить чувства человека»¹. Сегодня изучением творческого наследия писателя занимаются в основном краеведы, но интерес к произведениям Завадовского возрастает. С каждой новой работой, статьей, заметкой в прессе появляются все новые данные, факты, документы. Жизнь и творчество Завадовского до конца не изучены, не на все вопросы найдены ответы, а на многих документах до сих пор стоит гриф «секретно».

1.2. Художественно-стилевые особенности прозы писателя

Творческая деятельность Завадовского приходится на 1920-1930-е годы. Социальную, культурную и литературную жизнь этого периода можно определить как переломная: «Обострение экзистенциальной проблематики в социальной сфере и насильственная замена статуса писателя на «ударника» и «делопроизводителя» актуализировали вопросы литературно-бытового характера»². Это время поиска нестандартных художественных форм, обусловленных соединением реализма и модернизма, воплощения ультрасовременных эстетических идей, партийного давления и цензурного контроля над искусством в целом. Советскую власть литература интересовала, прежде всего, как инструмент идеологической пропаганды.

---

¹Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

²Сорокина С. Жанр романа с ключом в русской литературе 20-х годов XX века. Новые исследования // URL: http://vestnik.ysspu.org/releases/novye_issledovaniy/32_6/ (дата обращения: 15.07.2015).

На развитие реализма в 1920-1930-е годы социально-исторические преобразования оказали сильное влияние, что проявилось не только в теоретическом переосмыслении, но и в самом «формировании собственно реализма XX века с его жанровыми и структурно-стилистическими особенностями, а далее в возникновении социалистического реализма»¹. Расстановка новых идеологических приоритетов, спровоцированная ожиданиями и надеждами нового времени, обусловила изменения и в доминантных тенденциях искусства. Так, «творческий импульс, исходивший от метода социалистического реализма, породил, таким образом, эстетическую мысль, по-своему совершенствующую и обновляющую содержание классического реализма»². В 1920-1930-е годы в литературе такой эстетической мыслью стал «тезис о партийности литературы, положение о «социалистическом по содержанию и национальном по форме» произведении»³.

На Первом всесоюзном съезде советских писателей Горький объявил социалистический реализм ведущим художественным методом в советской литературе. «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле»⁴. Литературе были выдвинуты жесткие требования, выполнение которых отслеживалось цензурой, а автор нес ответственность за изображение в художественном произведении советской действительности. В соцреализме писателю уже изначально задавался шаблон, были «предопределены нормативные характеры (враг, коммунист, обыватель, кулак и т.п.), определены конфликты и их исход (неприменно в пользу добродетели, победы индуст-

---

¹ Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 55.

² Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 56

³ Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 56.

⁴ Дубровина Н.В. Социалистический реализм: метод или стиль // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Т. 99. 2011. № 7. С. 181.

риализации и т.д.)»¹. Это означало, что советский писатель при создании произведения должен был обязательно опираться на основные принципы социалистического реализма.

Провозглашалась доступность литературы для народа, простота и понятность изложения. Этот критерий в подавляющем большинстве произведений Завадовского соблюден, герои говорят на народном языке, используя просторечия, пословицы, поговорки, диалектизмы. Но, вместе с тем, стоит отметить, что при раскрытии темы золотопромышленности на Алдане, описания процесса добычи золота, писатель активно использовал профессионально-производственную терминологию («В зумфе шахты №4 толпились забойщики и откатчики»; «Скоро на прииск привезут невиданную драгу, ту единственную в мире по величине драгу с семнадцатифунтовыми черпаками...»; «Из штрека появился младший смотритель Мигалов»; «Россыпь помельче Жорж кайлил с песками и потом мыл в ямке с водой прямо в шахтерке»²), не понятную простому читателю, но придающую особый колорит произведению.

Другой принцип метода социалистического реализма заключается в показе героического начала в жизни народа, его стремления к новой советской жизни и новым достижениям. Парадность советской действительности, счастливое коммунистическое будущее должны привлекать читателя. Завадовский, описывая современную ему действительность, стремится к изображению слома прежнего уклада жизни советской идеологией. Для писателя важно показать психологию человека в этот кризисный момент, его чувства и переживания, восприятие этой борьбы старого и нового. В соцреализме герой уверен в величии советской жизни, он горд, что является ее частью, ее носителем. У Завадовского же герой формально согласил-

---

¹ Дубровина Н.В. Социалистический реализм: метод или стиль // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Т. 99. 2011. № 7. С. 182.

² Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 13-16.

ся с советскими постулатами, но далек от них, в нем есть сомнение в правильности происходящего.

Социалистический реализм требовал от писателей показа позитивных изменений в жизни героя, как только он проникается идеей социалистического строительства и грядущего коммунизма. Но в творчестве Завадовского нет ни одного такого героя, который бы внутренне преобразился, поверив советским лозунгам и призывам. Формально этот критерий соцреализма реализуется в воплощении образов Мишки Косолапого и Николая Мигалова («Золото»), но первый поверил не в идеологию, а в человека, которому для преобразования нужно дать культуру вместо карт и алкоголя, а второй – в себя, именно движимый собственной неудовлетворенностью и поиском своего места в жизни.

Метод социалистического реализма не был в полной мере воплощен в творчестве Завадовского. Литература соцреализма подразумевала, что писатель «имел ряд установок на то, что писать и как писать»¹. Но Завадовский, вслед за Воронским, понимал, что «истинное искусство начинается там, где явления, люди живут своей независимой от художника жизнью, являются прекрасными безотносительно к тому, как к ним он относится»². Но критика требовала от писателя изображения образов коммунистов, комсомольцев, показа работы партии, преобразующей жизнь народных масс. Важным и нужным было не художественно-эстетическое наполнение произведения, его стилистическая уникальность, а пропагандирующая функция, которую исполняет художественный текст: «Большое значение в критике соцреализма играли анализ и оценка тематической части, ее актуальности, идейности»³. Творчество Завадовского не отвечало самому

¹ Дубровина Н.В. Социалистический реализм: метод или стиль // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Т. 99. 2011. № 7. С. 182.

² Воронский К.А. Искусство видеть мир (о новом реализме). 1928. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

³ Дубровина Н.В. Социалистический реализм: метод или стиль // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Т. 99. 2011. №7. С. 182.

главному принципу социалистического реализма – идеологическому воспитанию народных масс.

Было бы неправильным утверждать, что писатель сознательно и целенаправленно отказался от соцреализма. Во-первых, потому что до утверждения соцреализма в литературе и во время относительной художественной свободы Завадовским было написано достаточно произведений, которые потом условно рассматривались именно в рамках этого метода. Во-вторых, на заседании воронежских писателей Завадовский сказал, что роман «Золото» (написанный уже после съезда писателей) является попыткой перестроиться, уйти от показа влияния страстей на человека, победы природного инстинктивного начала: «Я написал роман, который говорит, что я пытался эти взгляды оставить»¹. И эту попытку «я не только продумал, но и прочувствовал, это не только влияние рассудка. Я не принадлежу к числу таких людей, я могу писать только искренно»². Это звучит не как оправдание Завадовского перед членами собрания и даже не как желание защитить себя, это вызов, брошенный бывшим перевальцем: «Перевальцы проповедовали органичность творчества, слияние мировоззрения с мироощущением, необходимость в искусстве быть до конца искренним»³. Своими словами писатель больше обращался к Подобедову, имея в виду, что он не из раповцев, приспособившихся под нужную конъюнктуру и писавших под диктовку советской власти. Завадовский даже в кризисные 1930-е годы, будучи даже на грани обвинения в «воронщине» остается перевальцем. И если он и примет соцреализм, то это будет действительно его искреннее желание. Но именно авторская искренность и честность, истинный писательский талант мешают соцреализму захватить весь роман «Золото», на первый план выходят конфликты совести и долга, сложные пси-

¹ Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации». «Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского».

² Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации». «Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского».

³ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С.18.

хологические процессы, нравственно-моральные вопросы. Вместе с тем, было бы некорректным сегодня давать оценку произведения в русле соцреализма, говорить о яркости и полноте воплощения этого метода в произведении, поскольку соцреализм – явление больше политическое, нежели литературное.

Если принимать во внимание, что задача реализма «показать скрытые закономерности бытия, сложность человеческой реакции на окружающую реальность, неизбежность нравственного выбора личности, определенной как логикой социально-исторического развития, так и неопределенными, подчас необъяснимыми движениями внутренней жизни»¹, то тогда можно говорить о творческом развитии Завадовского в русле реализма.

Краевед Д.В. Комяков в работе «Суровый хлеб правды» отмечал, что в 1920-1930-е годы «Леонида Завадовского относили к числу «крестьянских» писателей»². Следует отметить, что раскол литературы произошел не только на ее национальном уровне (советская литература и литература русского зарубежья), но и внутри советской литературы, которая делилась на два крыла: пролетарская, крестьянская литература и литература «попутчиков», что было официально закреплено в положении ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» в 1925 году. «В качестве важнейшего факта, указывающего на принадлежность автора к Союзу (позже – к Обществу) крестьянских писателей, указывалась социальная принадлежность, жизненный опыт литератора»³. На основании этих критериев Завадовского вполне можно отнести к крестьянским писателям, так как он был родом из крестьянской среды, всю жизнь прожил в провинции и посвятил более десятка произведений крестьянской теме. Более того, писатели в крестьянской литературе стремились «раскрыть человеческое содержание исторических процессов, показать воздействие событий на ха-

¹ Панеш У.М. Об эволюции метода и особенностях реализма XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. №3. С. 54.

² Комяков Д.В. Суровый хлеб правды // Рассказы. Повесть / Л.Н. Завадовский. Воронеж, 1987. С. 11.

³ Лебедева С.Н. Критики и литературоведы о прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 8. С. 24

рактеры людей, обозначить соотношение современности с национальными традициями, с исторически сложившимися особенностями мировосприятия – национальным характером»¹. Такие же цели преследовал и Завадовский в произведениях «Корень», «Никитино счастье», «В зеленых кварталах», «Клевер», «Облачный день», «Полова», повести «Соломенская учительница» и в других произведениях, где писатель показал «свидетелей и участников трагических революционных преобразований в деревне», «деформации сознания русского мужика»². Таким образом, Завадовского формально можно отнести к крестьянским писателям, он близок к ним в содержательном и тематическом планах, до 1929 года творческим приоритетом писателя была деревенская проза. Но сам Завадовский не считал себя крестьянским писателем, не входил в литературное объединение ВОКП. Он показывал новую советскую деревню, опираясь, прежде всего, на художественно-эстетические принципы, сформулированные Воронским. Будучи участником «Перевала», он считал, что «в выборе художественных средств участники содружества не ставят никаких ограничений. Их роднит общность взглядов на философию искусства, единство эстетического мировоззрения»³.

В «Липецкой газете» в 2008 году вышла статья, посвященная творчеству писателя, где ее автор заявлял, что Завадовский «был привержен к натурализму в прозе»⁴. Следует отметить, что для советских критиков и литературоведов на протяжении долгого времени «верным был тезис о перерождении критического реализма в натурализм, который понимался почти исключительно как отрицательное явление»⁵. Это было связано с тем, что, по представлениям советского литературоведения, критический

¹ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С.35.

² Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 35.

³ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 25.

⁴ Боровик А.З. Такое долгое возвращение // Липецкая газета. 2008. 5 мая. С. 4.

⁵ Проваторова О.Н. Проблема русского натурализма в современном литературоведении // Вестник ОГУ. 2009. № 11 (105). С. 35.

реализм был характерен для «буржуазного» восприятия действительности, считалось, что ключевая фигура советской литературы – М. Горький в своем творчестве «активно противостоит натурализму, борется с его ведущими эстетическими принципами и творческой практикой русских писателей-натуралистов», видя «в натурализме тормоз на пути развития русской литературы»¹.

«В литературоведении сложилась традиция определять натурализм... как разновидность реализма»², и хотя такое понимание натурализма достаточно условно и схематично, общие принципы создания художественного текста очевидны. В этой связи писатели-натуралисты в произведениях «стремились к объективно точному и бессмертному изображению реальности и человеческого характера, обусловленного физиологической природой и социальной средой»³, также натуралисты подчеркивали зависимость героя от окружающей среды. Исходя именно из этого представления натурализма как части реализма, Боровик делает предположение о натуралистической концепции в творчестве Завадовского, поскольку писатель, действительно, стремился показать жизнь со всех ее сторон, описывал психологию человека, обращаясь к его биологическим, инстинктивным началам. Но, тем не менее, подлинный натурализм не находит отражения в творчестве Завадовского. Реальность для писателя всего лишь материал, «действительность сама по себе не имеет значения для художника, она служит для него лишь своего рода трамплином»⁴. Совершенно не характерны для творчества Завадовского такие принципы писателя-натуралиста, как «видит вещи, человека часто очень отчетливо, но они у него не живут своей собственной жизнью, они, в сущности, мертвы, неподвижны... все

¹ Красовский В.Е. Натурализм в русской литературе конца XIX-начала XX в. И его осмысление в литературно-эстетической концепции М.Горького: дис. ... канд. филол.наук. М., 1984. С. 6.

² Егорова Л.П., Фокин А.А., Иванова И.Н. и др. История русской литературы XX века. Первая половина. М.: Флинта, 2014. С. 155.

³ Егорова Л.П., Фокин А.А., Иванова И.Н. и др. История русской литературы XX века. Первая половина. Под ред. Л.П. Егоровой. М.: Флинта, 2014. С. 156.

⁴ Воронский К.А. Искусство видеть мир (о новом реализме). 1928. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

запечатляется в застывшем состоянии, в них нет динамики, становления, развития, действия»¹.

На протяжении 1920-1930-х годов советская власть стремилась к тому, что «культура должна стать универсальным средством решения определенных партией задач строительства социализма»². Задачи литературы также заключались в пропаганде советской идеологии, правительство большевиков стремилось к контролю и подчинению единой политической платформе культурной жизни страны. Система идеологической организации деятельности культуры и прежде всего литературы в 1920-х годах лишь начинает формироваться, поэтому это десятилетие считается относительно свободным в отношении самовыражения писателей. Появлению множества оригинальных художественно-эстетических концепций способствовало существование большого количества литературных кружков, групп, объединений. Среди них самыми яркими были ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), ЛЕФ (левый фронт литературы), ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей), «Кузница», «Серрапионовы братья», «ОБЭРИУ», «Перевал».

В первые годы своего существования «Перевал» (1923-1932) представлял общество молодых, только что вошедших в литературу писателей: «Честная открытая борьба за литературную культуру, за чистоту литературных нравов, за искренность в искусстве и за овладение писательским мастерством была основой «Перевала» с первых его шагов»³. В группе не были сформулированы литературно-художественные принципы, так как фиксированные правила ущемляли свободу творчества, идеи, мысли писателя. «Перевал» не объединял писателей общностью формальных исканий, он никогда не выдвигал и не ставил для своих членов каких-либо обязательных канонов. Больше того, перевальцы считали, что формальные уст-

¹ *Воронский К.А.* Искусство видеть мир (о новом реализме). 1928. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

² *Титарева Л.Д.* Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода // Гуманитарный вектор. Сер.: Педагогика, психология. 2010. № 4. С. 166.

³ *Глинка Г.А.* На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 13.

ремления не могут и не должны быть целью художника»¹. Они выступали против вульгарного, казенного восприятия литературы. В группе сосредоточились писатели с разными творческими принципами, эстетическими позициями, но которые стремились работать не по «казенному» шаблону, а согласно собственным художественным ориентирам.

Безусловно, творчество Завадовского в полной мере отражало взгляды группы. В 1925 году Лежнев на страницах журнала «Красная новь» говорил о перевальческом творчестве, которое только-только начинает заявлять о себе: «Особенно большое место уделяется деревне, новой, взбудораженной революцией деревне... Перевальцы не декламируют, не показывают только парадные комнаты своего я, не заслоняются вывеской»². Завадовский к моменту выхода этой работы известного критика еще не опубликовал свои лучшие произведения, но в них через несколько лет слова Лежнева найдут подтверждение. А уже в 1930 году, когда усилиями рапповцев, советских органов власти, приближался закат «Перевала», Лежнев подвел некий итог его деятельности, и опять же его слова можно отнести и к творчеству Завадовского, поскольку в нем воплотились «мысль о необходимости психологизма, идея о «живом человеке», об основном герое нашей переходной к социализму эпохи (взятой не плакатно, а во всей ее сложности), как о центральном образе современной литературы, или тезис о борьбе со схемой и бытовизмом во имя большего реалистического искусства»³.

Писатели Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей, а позднее содружества писателей революции «Перевал», опираясь на основные литературно-художественные принципы группы, стремились показать «человека не как винтик огромной машины, а как личность во всей ее

---

¹Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 18.

²Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 17.

³Лежнев А. Вместо пролога // Ровесники: Сборник содружества писателей революции «Перевал». М.; Л. Земля и фабрика. 1930. С. 7.

цельности и полноте проявлений»¹. И хотя «перевальцы декларировали безоговорочное признание революции, считали основной задачей своей работы выражение творческого пафоса построения социализма»², тем не менее, в своих произведениях писатели стремились перенести «конфликт из области идеологии в область вечных конфликтов долга и совести, личности и общества»³.

Перевальские концепции понимания личности человека как высшей ценности нашли отражение в произведениях Завадовского, но вместе с тем писатель признавал несовершенство человека, не идеализировал своих героев, находя возможным показывать пороки и нравственные бреши. Представление перевальцев о том, что в творчестве художника должны органично сочетаться коммунистические идеи и творческая индивидуальность художника, в прозе Завадовского также носит сильно трансформированный характер. Часто коммунистическая идеология у него воплощается через изображение картин голода, нищеты, страданий, неизбежно сопровождающих перемену старой жизни на новую.

Поскольку писателям «Перевала» описательный реализм был тесен, они искали способ демонстрации действительности, в котором «бытовая данность является лишь материалом»⁴. В связи с чем ими провозглашен принцип «трагедийного искусства», то есть такого искусства, «которое берет основные конфликты эпохи, ставит их во всей глубине и значимости, не урезывая их, не смягчая, не боясь их резкости, и старается их так или иначе развязать»⁵. Именно трагедийное искусство есть ключ к пониманию общего настроения творчества Завадовского. Писатель без прикрас и маскировки, порой слишком прямо и откровенно, приближаясь к грани нату-

¹ Овчаренко А.Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1920-1930 годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

² Овчаренко А.Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1920-1930 годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

³ Овчаренко А.Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1920-1930 годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

⁴ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 40.

⁵ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 41.

рализма и биологизма, показывает жизнь во всех ее проявлениях. Завадовский и другие перевальцы вслед за Воронским стремились к «искусству видеть мир», не менять его под своим взглядом. Но вместе с тем «художник познает жизнь, но не копирует ее, не делает снимков»¹, главное для него увидеть то, мимо чего проходят другие, отсюда новизна и откровение.

И хотя Воронский был неофициальным лидером «Перевала», он все же старался держаться в стороне, чтобы не давить своим авторитетом на молодые писательские умы, дабы разглядеть истинный талант. Но вся молодежь «Перевала» внимала словам критика, и его художественно-эстетические концепции в большей или меньшей степени находили отражение в произведениях первого состава литературной группы. Истоки творчества Завадовского также находятся в литературно-философских размышлениях Воронского, который считал, что «в основе подлинного искусства лежит опыт. Художник – экспериментатор и наблюдатель. Его произведение всегда обусловлено духом эпохи, психологией класса, условиями, группы, к которым он принадлежит»².

«Многие перевальцы в недавнем прошлом были участниками гражданской войны. Они принесли с собой в литературу навыки боевого товарищества, романтику фронта и юношескую веру в идеи революции, в светлое будущее обновленного мира»³. Они верили лозунгам и идеям революции, верили в свободу художественной мысли, «воспринимали революцию как новый Ренессанс»⁴. Но советская идеология и диктатура партии, сжимающееся кольцо цензуры, государственное стремление поставить литературу на рельсы пропаганды дало понять перевальцам, что их ожидания новой свободной жизни обмануты. «Перевальцы острее других чувствовали неполноту представлений пролетарских писателей об эстетических отно-

¹ Воронский К.А. Искусство видеть мир (о новом реализме). 1928. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

² Воронский К.А. Искусство видеть мир (о новом реализме). 1928. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

³ Глинка Г.А. На перевале. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С.12.

⁴ Белая Г.А. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. С.1.

шениях художника с миром действительности, искажение вопроса о творческой личности в теориях рапповской и лефовской критики, упрощенность трактовки вопросов о задачах искусства, об объективном смысле художественного образа, о связи мировоззрения и творчества»¹.

Неудержимая революционная волна первого десятилетия XX века, насильственная модификация жизненных приоритетов в последующее время спровоцировали новое звучание вопроса о русском национальном характере в литературе 1920-1930-х годов. «Почти все крупные писатели, определившие облик русской литературы ушедшего века, приоритетно исследовали и художественно воплощали именно черты национального характера»². В творчестве Завадовского национальный характер воплощен в таких героях, как Арина («Полова»), сторожика Васильева («Соломенская учительница»), Василий Корневой («Корень»), Никита («Никитино счастье»), Марфа («В зеленых кварталах») и других, которым присуще стремление «к внутреннему взаимодействию с национальной бытийной средой, к духовной рефлексией на совершающиеся события, к осознанию своей личностной принадлежности к неписанному кодексу национального поведения»³.

Писатели первых десятилетий XX века писали о духовно-нравственном потенциале русских людей, их способности преодолевать трудности, художников вдохновляла «вера в реальное существование сильных, здоровых основ народного духа, непоколебимых ни при каких самых трагических обстоятельствах»⁴. Творчество Завадовского развивается в этом же русле, в своих героях он подчеркнуто акцентирует внимание на корневых основах национального характера. Не случайно один из первых напечатанных рассказов писателя назывался «Корень», в котором по-

¹Белая Г.А. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. Писатель, 1989. С.3.

²Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 9.

³Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 286.

⁴Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 62.

казан русский мужик, выживающий наперекор всему и воплощающий все сильные стороны национального духа.

В период таких бурных литературных и социально-идеологических перипетий писатель создает уникальный художественный мир, самобытность которого заключается в своеобразии художественно-философских и жанрово-стилистических особенностей прозы писателя. Трудно не согласиться с оценкой Николаева: «В творчестве Леонида Николаевича наиболее полно реализован принцип трагедийности, характерный для классиков русского реализма»¹. В этом смысле писатель продолжает традиции русской литературы, но вместе с тем опирается на эстетику нового реализма, предложенную Воронским.

Существующий в русле реалистической эстетики новый реализм предложил «исследование исторической действительности XX века и мироощущение личности, погруженной в нее»². Современность в прозе Завадовского предстает в мироощущениях его героев в условиях трагедийного исторического времени. Писатель за основу сюжета берет существующую действительность (жизнь доколхозной деревни или быт приисковых старателей), социальный конфликт (слом старых пережитков, внедрение новой советской идеологии, изменившиеся ценности в отношениях мужчин и женщин, разрушающийся институт семьи). Писатель «поставил героя в жестокую зависимость от макросреды, от глобальных исторических обстоятельств»³. Вместе с тем, Завадовский стремился подать изображение действительности согласно установкам Воронского, без собственной рефлексии, «чтобы прекрасное и безобразное, милое и отвратительное, радостное и горестное казалось нам таким не потому, что так хочет художник, а потому, что оно содержится, есть в живой жизни»⁴.

¹ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 211.

² Голубков М.М. Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 158.

³ Голубков М.М. Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 167.

⁴ Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме) // URL:

http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

Термин «стиль» в литературоведении определяется как «эстетическое единство всех элементов художественной формы, обладающее определенной оригинальностью и выражающее известную содержательность»¹. Соответственно, стиль произведения следует понимать как целостность и взаимообусловленность всех художественных элементов, определяющих особенности произведения. Так, стилистическая индивидуальность произведения (и творчества писателя в целом) заключается в авторском воплощении единства художественной формы и содержания. Языковое своеобразие, наличие уникальных образов, мотивов, идейная и тематическая содержательность, общая композиция и проблематика произведения формируют стилистическую особенность художественного текста. А цикличность и дублирование в нем тех или иных элементов определяют своеобразие стилистики всего творчества писателя.

Рассматривая произведения Завадовского с точки зрения стилистического построения, в первую очередь стоит указать на языковые характеристики. Экспрессивность и выразительность повествования достигается за счет монологов и диалогов героев, отличительной особенностью которых является использование многочисленных просторечий и диалектной лексики («Пошто скотину бьешь?»; «Пусти, корова б в зыбун не пошла»; «Народ, мол, сумлевайтца, а ну-ка на кого зря покажет. Село агромадное...»; «Сумленье идет в народе»; «Суды правь... Ты, Михей, садись на маво мерина...»; «Ты чего, миляга, сумлеваешься? Иди в избу, все в порядке будет. Ешшо есть» и т. д.).

Писатель наделяет каждого героя особой индивидуальной речевой манерой. Так, в рассказе «Фантастические мечты» речь главного героя Вилкина насыщена словами из советских постановлений («Этот вопрос относительно об Коське, неизвестность формальная», «По современной идеализации брака совесть не позволяет поступать», «Присаживайтесь в моем дворце труда и отдыха», «Этот факт рациональный»). В рассказе «На

¹ Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2003. С. 49.

белом озере» монолог старика-тунгуса больше напоминает притчевый сказ. Речь старателей («Золото», «Темные ликом», «Разведка инженера Панова») отличается грубостью и резкостью, изобилует специальной лексикой («Руки отсохли братья за кайлу»; «Крой, пока ярмарка»; «Тут и самородочки есть, оказывается. Ты как, Жорж, отдельно их выбираешь или с породой кайлишь»). В рассказах «Фантастические мечты», «Железный круг», «Тунгус», «Лунная тропа», «Темные ликом», «В тайге» писатель наделяет особым содержанием речь героев, в которой заключено знание таежной жизни, умение не просто охотиться, а понимать логику охоты, относиться к тайге как к одушевленному существу («Не заглядывайся, паря, до ночи пробегаешь, проищешь, не токмо сохатого – белки не увидишь»; «Мало пользы, что вперед уйдешь: не узнаешь, где охота ожидает, может, от нее бежишь»; «Язык надо держать в тайге»; «Наговорил хорошую охоту, язви те в жилу. Коль не добудем, попомни, ничего не посчитаю за долг»).

Типичная деревенская лексика, хаотичность мыслей, многочисленные внутренние монологи, оборванность фраз способствуют созданию объемного образа героев: «Задушил. Потом дорезал, разбойник, – повторял раненный, словно пьяный. – Ваше благородие, будьте милостивы... Меринка вел, всей скотины решился...»¹. Уже в этих немногочисленных словах главного героя рассказа «Корень» можно увидеть радость Василия Корневого тому, что остался жив, и великую нужду его жизни, а обращение к врачу «ваше благородие» показывает образ крестьянства, еще мыслящего категориями прошлого и по-прежнему осознающего свое бесправие в новой советской жизни. В этом плане писатель выступает как знаток мужицкой души, современной ему национальной жизни.

Самобытность образа советской деревни воплотилась не только в речи героев, но и в сюжетах рассказов «Ищейка Фред», «Корень», «Без су-

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков, худож. Л.А. Клочков. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 116.

да», «Никитино счастье», «В зеленых кварталах». В них показано, как русский мужик пытается жить в условиях новой советской действительности. То он, оставаясь верующим, оправдывается советским безбожеством и со смертельным страхом грабит церковь, то по принципу советских собраний устраивает неофициальный суд, где решается судьба конокрадов. А любое взаимодействие с представителями советской власти заканчивается взяточничеством («Корень», «В зеленых кварталах») или обманом («Никитино счастье»). В этих сюжетах проявилось не столько отношение писателя к советской реальности, сколько видение жизни в полном ее проявлении. Завадовский знал ту среду, которую описывал в произведениях, психологию своих героев, особенности новой жизни. Писатель в этом смысле следует за Воронским, который утверждал, что «искусство есть познание жизни в форме чувственного, образного созерцания ее..., подлинное художество требует точности, потому что имеет дело с объектом, оно опытно»¹. Этот принцип создания сюжетов для Завадовского является основополагающим на протяжении всего творчества.

Принимая во внимание, что сюжет – это событийный ряд в той последовательности, как он представлен в произведении, следует отметить, что сюжетное конструирование подавляющего большинства произведений Завадовского построено в классическом порядке: экспозиция – завязка – развитие действия – кульминация – развязка. Такая последовательность важна для писателя своей логичностью раскрытия идейно-тематического содержания и максимальной соотнесенностью движения сюжета с реальными жизненными процессами.

В большинстве произведений Завадовского композиционная структура представляет собой деление текста повествования на главы, части, эпизоды, которые не подчинены строгой причинно-следственной связи, но при этом не являются самостоятельными единицами. В рассказе «Никити-

---

¹Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме) // URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

но счастье» каждая глава имеет свое название («Светлана», «Пеганка», «Таинственный мужик», «Светланушка, Светлана!»), предопределяющее ход сюжетного повествования. Рассказ «Песнь седого волка» имеет две части, внутри которых также существует дробление. Первая часть знакомит с героем, рассказывает предысторию, завязывает конфликт, вторая – история разрешения этого конфликта. Такая композиция произведений, во-первых, помогает существованию и взаимодействию нескольких сюжетных линий, во-вторых, конструирует пространственно-временной компонент. А в ряде рассказов («Ищейка Фред», «Без суда», «Облачный день», «Клевер» и другие) деление на части текста нужно писателю для создания особого темпа повествования, его ритма.

«Изучение стиля художественного произведения подразумевает исследование не только речи, или языка (и автора, и персонажа), но и всех других компонентов художественной формы»¹, взаимосвязь и соотнесенность которых и создает целостность произведения. Значит, задачей стилевого анализа произведения «должно быть выявление тех компонентов художественной формы, которые, сочетаясь и взаимодействуя между собой, создают органичное художественное целое»². Художественное своеобразие произведений Завадовского определяется не только сюжетным, но и тематическим наполнением.

Стилистическая особенность, воплощенная в тематическом компоненте в некоторых произведениях Завадовского, заключается в синтезе патриархального миропонимания с советскими реалиями. И именно это архаическое восприятие действительности придает повестям «Полова», «Соломенская учительница», рассказам «Лунная ночь», «Ищейка Фред», «Соседи» общую сюжетно-тематическую направленность. Также общая тематика противостояния человека и природы (воплощением которой мо-

¹ Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения. М.: Наука, 2012. С. 108.

² Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения. М.: Наука, 2012. С. 108.

жет быть как конкретное географическое пространство, так и инстинктивное начало) проявляется в рассказах «Игрок», «Лунная ночь», «Тунгус», «На белом озере» и других. Тематическая концепция творчества Завадовского также во многом основывается на биографическом принципе, то есть на тех картинах жизни, которым он был свидетелем.

Сюжетно-композиционное выстраивание текста произведения призвано выражать авторскую позицию через прием противопоставления и «сюжетной рифмы»¹. Принцип противопоставления во многом является основополагающим в творчестве Завадовского, реализуясь на разных уровнях. На основе противопоставления построен рассказ «Никитино счастье», где не только композиционная организация, но и фабула рассказа подчинены оппозиционной структуре. Принцип противопоставления заложен в основу рассказов «Лунная тропа», «Облачный день», «Соседи», «Клевер», «Темные ликом», «Вражда», в которых сталкиваются мировоззренческие, социальные, революционные, нравственные представления. Принцип антитезы также проявляется в противопоставлении женского и мужского начал в «Полова», «Соломенская учительница», «Беленький домик», «Золото», «Мамка».

Антитеза в творчестве Завадовского часто служит главным принципом построения образов. В рассказе «В лунную ночь» на основе сложности определения политической принадлежности гостей, выстраиваются конструкции их образов. В повести «Соломенская учительница» раскрытие психологии двух героинь основывается именно на контрасте их мироощущения. Образная антитеза ярко и экспрессивно раскрывается в рассказе «Песнь седого волка», проблематика которого выстроена именно на оппозиции психологии человека и зверя. Подобный принцип прослеживается в рассказах «Бурун», «Железный круг» и других.

---

¹ Великанова И.В. Сюжетно-композиционная организация произведения как внесубъектная форма выражения авторского сознания в прозе Б. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. С. 44.

Сюжетная рифма – это «композиционный прием сопоставления двух эпизодов»¹ произведения, способствующий выявлению психологии героев. В рассказе «Разведка инженера Панова» прием сюжетной рифмы, воплотившийся в эпизоде бегства Панова и нахождении им чужой записки, определяет кульминационный момент произведения. Сюжетная рифма в рассказе «Путник» помогает лучше понять поведение и действия героев, избавляя повествование от описательных фрагментов, и заставляя точно передать эмоции главного героя.

В творчестве Завадовского принцип противопоставления иногда выходит за рамки текста одного произведения, приобретая интертекстуальное звучание. С этой точки зрения могут быть рассмотрены образы художников («Облачный день», «День жизни»), образ зверя («Бурун», «Песнь седого волка», «Железный круг»), образ революции и гражданской войны («Бурун», «В лунную ночь», «Соседи»), женские образы («Полова», «Беленький домик», «Мамка», «Жена провокатора», «Фантастические мечты», «Соломенская учительница», «Золото»), образы старателей («Мамка», «Темные ликом», «Разведка инженера Панова», «Золото»), образы крестьянства («Без суда», «Ищейка Фред», «Корень», «Никитино счастье», «В зеленых кварталах»).

В творчестве Завадовского ряд персонажей не слишком обширен, зачастую это таежник, старатель, художник, учитель, крестьянин, но рядом с ними встречаются совершенно уникальные образы. В рассказах «Тунгус», «Лунная тропа» представлены образы коренного таежного населения: тунгусы (эвенки) и орочены; в романе «Золото» - образы китайцев. Главными героями в рассказах «Бурун», «Железный круг», «Песнь седого волка» являются волки и собаки. Создавая образы героев, писатель не останавливает пристального взгляда на их портретных характеристиках или предметном окружении героя. Важна жизнь героя до момента повествования, поэтому

---

¹ Великанова И.В. Сюжетно-композиционная организация произведения как внесубъектная форма выражения авторского сознания в прозе Б. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. С. 44.

писатель дает предысторию героя, находя в ней причинно-следственные связи с настоящим персонажа («На белом озере», «Мамка», «Клевер», «Золото»).

Рассматривая стилистические особенности творчества Завадовского, следует рассмотреть пространственно-временной компонент. Как правило, в произведениях писателя пространство изображается замкнутым, лаконичным (тайга, деревня, провинциальный городок, золотой прииск), отсутствует масштабность, открытость, целостное воспроизведение образа страны. Даже в романе «Золото» логика существования и передвижения героев ограничены территорией Восточной Сибири. В рассказе «Бурун» за счет постоянно находящегося в динамике героя могли бы быть расширены пространственные рамки, но автор, наоборот, сужает их особым видением собаки.

Время в произведениях Завадовского соответствует времени творческой деятельности писателя, т.е. все события разворачиваются во второе и третье десятилетие XX века, в период становления и закрепления советской власти. Более раннее историческое время (первое десятилетие XX века) показано только в одном и неопубликованном произведении – пьесе «О террористе» («Смертник»). Для показа предшествующих лет относительно времени повествования в произведениях, писатель оформляет это время как прошлое героя, о котором он вспоминает, при этом не сдвигая основного временного пространства.

Другим стилистическим приемом, к которому прибегает Завадовский, является детализация. Описывая эпизоды охоты или добычи золота, в которых подробно вырисовывается каждая тонкость процесса, писатель стремится передать и психологическую составляющую происходящего, ее отражение на эмоциональном состоянии героя. В совокупности такие эпизоды произведения оказываются достаточно экспрессивными, создавая его общую тональность. Образы героев выстраиваются не через детализацию их предметно-вещественного окружения, а через подробное описание дея-

тельного процесса. Это может быть стремление к воссоединению с природой героя рассказа «В зеленых кварталах» во время покоса, азарт артельцев в процессе добычи золота («Разведка инженера Панова», «Золото»), терпение и смирение в пути («Никитино счастье», «Корень»), стремление к истинному творчеству («Облачный день»).

Рассматривая жанрово-стилистические особенности произведений, следует обратить внимание на собственно авторское воплощение позиции писателя. Образ автора во всех произведениях представляет собой сущность надтекстуальную, знающую мысли и намерения всех героев, находящуюся вне пространственно-временного контекста произведения. Завадовский воплотил принцип нового реализма, высказанный Воронским: художник должен «вызвать особое ощущение, особое чувство данности, самости мира, независимого от впечатлений художника»¹. Часто авторская позиция в произведении выражается каким-либо героем. В рассказе «Полова» таким героем выступает Арина, в рассказе «На белом озере» – Варнак, в рассказе «Корень» – Василий Корневой, в рассказе «Соседи» – Савелий Трифоныч. Но также в ряде произведений авторская позиция высказывается не героем, а проявляется через общий ход повествования, где автор сам расставляет нужные акценты.

«Одним из аспектов анализа сюжетно-композиционного уровня, рассматриваемого в качестве формы выражения авторского сознания, заключается в определении соотношения динамических и статических элементов»², где под динамическими элементами понимается событийный, а под статическими – описательный блоки произведения. Процент событийности и описательности, их соотношение и функционирование в произведении напрямую зависит от замысла автора. В творчестве Завадовского преобладают описательные (статические элементы), способствующие созданию

¹Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме) // URL:

http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).

²Великанова И.В. Сюжетно-композиционная организация произведения как внесубъектная форма выражения авторского сознания в прозе Б. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер/ 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. С. 47.

особой тональности произведения. Соотношение событийного и описательного зависит от поставленных автором задач, писателю важно показать не только динамику сюжета, но и внутреннюю составляющую как героя, так и самого события. Часто писатель обращается к образам природы для более экспрессивного воплощения эмоциональной стороны произведения. Так, соотношение и воспроизведение описательного и событийного начала в творчестве писателя способствует более глубокому пониманию его художественного мировоззрения, глубины выдвигаемым им концептуальных положений.

Жанровые особенности в творчестве Завадовского проявились в преобладании в нем жанра рассказа, характерной особенностью которого является моносюжетность повествования. Следует отметить, что «Полова», «Никитино счастье» и «В зеленых кварталах» на момент их издания в 1926 и 1927 году определялись как повесть, позднее в критике сложилась традиция относить их к рассказам.

В творчестве Завадовского жанр рассказа, с одной стороны, соответствует классическим жанровым признакам (наличие одной или двух сюжетных линий, небольшое количество персонажей, повествовательная форма, минимализация роли диалогов, небольшой объем произведения, определенность конфликта и др.), с другой – дополняется индивидуально-авторскими особенностями. Завадовский выбирает для своих рассказов новое место действия – тайгу, золотые рудники Алдана, образы которых до этого так обстоятельно и объемно не были разработаны предшественниками писателя. Это обстоятельство способствовало появлению в литературе совершенного нового типа героя – таежника.

В 1920-1930-е годы рассказ приобретает героико-романтический пафос, оформившись в таком виде в творчестве Вс.В. Иванова, И.Э. Бабеля, Б.А. Пильняка, М.А. Шолохова. Но Завадовский отказывается от этого пафоса, его рассказы практически лишены героического или романтического начала, они отражают всю сложность существования человека в условиях

реальной жизни. При этом писатель не вступает в идеологическую дискуссию, никак не комментирует политику партии в произведениях, лишь констатирует ее отражение на жизни самых обычных людей.

Принято считать второе десятилетие XX века в литературе временем малой жанровой прозы, но вместе с тем именно в это время создаются такие романы, как «Мы» Е.И. Замятина, «Разгром» А.А. Фадеева, «Чевенгур» А.П. Платонова и другие. Но уже к 1930-м годам окончательно оформляется тенденция к созданию больших прозаических форм. Так, с момента появления советской литературы начинает формироваться жанр советского романа. Его лицо определили во многом следующие произведения: «Мать», «Жизнь Клима Самгина» М.Горького, «Тихий Дон», «Поднятая целина» М.А.Шолохова, «Чапаев» Д.А.Фурманова, «Как закалялась сталь» Н.А.Островского, «Железный поток» А.С.Серафимовича.

Роман Завадовского «Золото» – одно из самых противоречивых и неоднозначных произведений в его творческой деятельности. В 1934 году писатель вел активную работу над текстом романа, после которой он выходит с изменениями и под новым названием. Поскольку к этому времени «основным методом советской литературы был провозглашен метод социалистического реализма, требующий от писателя правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»¹, Завадовский совершает попытку показать в своем творчестве «социалистическое строительство, щупальца которого дотянулись и до заброшенных золотых приисков на дальнем севере»². И не только советская критика так прочитала текст произведения и интерпретировала его в соответствии с требованиями партии. Сам писатель говорил о своем перестроении, но это отнюдь не означало, что Завадовский встал на сторону пролетарской литературы и начал писать по указке партии. Писатель действительно пытался прочувствовать, пропустить через себя ту идеологиче-

---

¹Стрельцова Е.А. Своеобразие литературного процесса в 20-30-е годы XX века // Наука и современность. 2010. № 5-1. С. 252.

²Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 52.

ски-воспитательную лозунговость, которую требовали от него нести в массы.

По оценке Левмана, Комякова, Саранцева и других советских критиков и литературоведов, Завадовский действительно показал трудящуюся коммунистическую реальность, наполненную самопожертвованием, коллективным мышлением, улучшением уровня жизни: «Он понял великую силу социальных факторов, формирующих человеческую индивидуальность, и развенчал своего старого героя»¹. Формально Завадовскому удается написать произведение в духе соцреализма, есть герои-коммунисты, личность, вставшая на путь социализма, враг-индивидуалист. Но роман в психологическом отношении гораздо сложнее. Завадовский понимал, что не может измениться человек, жизнь, эпоха от принятия декларации, всегда процесс эволюции подразумевает чьи-то страдания и потери, победы и поражения. Поэтому преобразование героев – это вымученные собственные судьбы, пережитые личные трагедии, а не приказ на бумаге с печатью.

«Содержательные моменты, обуславливающие стилевые особенности произведения, называют стилеобразующими факторами»², к которым относят наряду с тематикой и жанрово-родовой принадлежностью проблематику и общую тональность произведения. Ставя в центре художественного мира человека, писатель значительно больше внимания уделяет его внутреннему наполнению, а внешнюю сферу рассматривает как дополнение и следствие внутреннего содержания героя. Конфликт произведения основывается именно на душевном напряжении героев, их мыслях и определении собственного пути.

Мировоззрение и мироощущение Завадовского проявляется в проблематике его творчества, где писатель ставит философские, морально-нравственные вопросы бытия, при этом не касаясь вечных вопросов и тем. Проблематика творчества Завадовского максимально приближена к жизни

---

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. №5. С. 50.

²Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения. М.: Наука, 2012. С. 108.

и обусловлена художественным воплощением реальной действительности. Определение единой проблемы, рассматриваемой писателем на протяжении всего творчества – достаточно сложная задача, так как многообразие вопросов, возникающих в произведениях, касается большого круга жизненных явлений. Но все же центральное место в творчестве писателя занимает человек во всем своем морально-нравственном, жизненно-бытовом, эмоциональном и философском проявлении.

Тематика творчества Завадовского раскрывается в воплощении гендерной темы («Полова», «Соломенская учительница», «Беленький домик», «Мамка», «Золото»), тем одиночества («На белом озере»), удачи и форта («Игрок», «Темные ликов», «Золото», «Разведка инженера Панова»), любви («Фантастические мечты», «Беленький домик», «Жена провокатора», «Золото», «В зеленых кварталах»), судьбы крестьянства («Никитино счастье», «Корень», «В зеленых кварталах», «Соломенская учительница»), гражданской войны и революции («Бурун», «Соседи», «Соломенская учительница»). Круг этих тем создает особый художественный мир писателя, который является отражением реального мира, «вздыбленного революцией», гражданской войной, золотой лихорадкой, в котором «уже произошла переоценка ценностей»¹. Уже началась новая жизнь с проблемами и сложностями, и в центре такого мироздания находится человек, цель которого – упорядочить жизненный хаос и определить свое дальнейшее бытие.

В альманахе «Ямская слобода» в 2011 году было опубликовано два рассказа Завадовского «Игрок» и «Железный круг». Предисловие к ним написал воронежский журналист Д.С. Дьяков, который заметил, что «вряд ли можно найти другого отечественного литератора, у которого, как у Завадовского, человек и зверь – абсолютно смежные понятия»². Действительно, одной из особенностей творчества Завадовского стало изображение взаимодействия человеческого и звериного начал. В 1929 году в газете

¹Ростовцева И. Россыпи нового // Литературная газета. 1968. 24 июля. С. 5.

²Дьяков Д.С. Игрок в железном круге // Ямская слобода. Отделение второе. Воронеж. 2011. С. 165.

«Красная звезда» публикуется рецензия, в которой автор отвечает на вопрос, в чем заключается своеобразие творчества Завадовского: «В том, что он человека дает как зверя. Он сосредотачивает свое внимание на раскрытии простейших, примитивных «животных» инстинктов и выбирает всегда те моменты в жизни человека, когда инстинкты обнаженно властвуют над ним»¹.

Образ зверя (волка, собаки) проходит через все творчество Завадовского, являясь главным («Железный круг», «Бурун», «Песнь седого волка», «Скула и Петька») или второстепенным («Фантастические мечты», «Ищейка Фред»). Более того, в неопубликованных и незаконченных произведениях снова появляется данная тема. Так, в Усманском краеведческом музее хранятся две страницы машинописного текста с пометкой «Памятки для романа», где Завадовский записал: «Облава на волков... Вражда мужиков из-за охотничьих мест... Ловля сомов летом на переметы...»². Это еще раз свидетельствует о том, что писатель всегда возвращается к образу волка, зверя, к описанию охоты.

Одно из писем 1930 года к Завадовскому от редакции «30 дней» заканчивается словами: «Как жизнь, охота, волчица?»³. Оказывается, Завадовский обзавелся маленьким волчонком, которого смог приручить. «Из волчонка выросла взрослая волчиха, почти такая же покорная и ласковая, как обычная собака»⁴. Сохранились фотографии с изображением Завадовского за работой, на которых рядом в ногах или на соседнем стуле неизменно сидит или лежит лайка по кличке Бурун, привезенная писателем из ссылки. Позднее в доме Завадовских появилась немецкая овчарка.

Завадовский видел в животных особую силу. В его произведениях зверь хотя и противопоставляется человеку и во многом ему враждебен, но

¹Бек А. [рецензия] // Красная звезда. 1929. 12 ноября

²Завадовский Л.Н. Памятка для романа // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. папка «Рукописи Л.Н. Завадовского».

³Письмо Л.Н. Завадовскому от редакции «30 дней». 1930 г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Письма к Завадовскому».

⁴Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

при этом они являются достойными соперниками друг другу. В этом взаимодействии образов заключается авторский принцип поисков звериного в человеке и человеческого в звере. В 1937 году Завадовский в письме к Низову рассказывает о недавней волчьей облаве, в которой сам принимал участие: «Невольно мечталось о простой немудреной жизни без нервных, часто мучительных усилий. Без огорчений, которые не прекращаются даже от физической усталости и во время сна. Хотелось быть просто охотником на зеленой лужайке...»¹. В этих словах приоткрывается идея художественного мира писателя, в котором герои стремятся к душевному покою, тихой жизни, наполненной трудом, но не страданиями. Эти слова доказывают, что слияние человека с природой – это не только художественная позиция писателя, но и истинное видение жизни, человека.

Дьяков обозначил «в творчестве Леонида Николаевича две природные стихии, которые управляют поведением любого человека: охота за пищей и инстинкт размножения»², но тем самым он упростил героя Завадовского, сведя все его бытие к законам природы и инстинктивному их постижению. Такое ошибочное понимание творческой концепции Завадовского присутствует и в корреспонденции с заседания воронежских писателей, на котором «собрание хотело сосредоточить внимание на тех сторонах творчества писателя, которые в свое время увели его в дебри «волчьей» психологии»³. Также Романовский видел в «зверимости» выдвинутую Завадовским на первый план силу «биологических токов между мужчиной и женщиной, а их социальные отношения неоправданно забыты»⁴. На самом деле Завадовский не умаляет влияние общественно-социальных факторов, но он «считает их бессильными перед лицом биологических зако-

¹Цит. по: *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 168.

²*Дьяков Д.С.* Игрок в железном круге // Ямская слобода. Воронеж. 2011. С. 165.

³Цит. по: *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 158.

⁴Цит. по: *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 158.

нов»¹. Кем бы ни был герой по социальному статусу: коммунист, таежник, золотоискатель, простой деревенский мужик, какую бы жизнь ни вел, он остается человеком, в естестве своем наполненным страстями, эмоциями, желаниями и страхами. И эти страсти берут верх над теми, кто не в силах ими управлять, кто нравственно слабее.

Уникальность таланта писателя определяется не только идейно-эстетической наполненностью его произведений, но и жанрово-стилистическими особенностями, анализ которых позволяет выявить наиболее характерные для него способы создания художественного произведения: «Большой жизненный опыт, накопленный почти за сорок лет, удивительная наблюдательность, природное чувство слова как главного инструмента литературного творчества – все соединилось в небывалый сплав, родивший на свет готового мастера»².

Таким образом, творчество Завадовского во многом отразило основные тенденции литературного процесса 1920-1930-х годов, но при этом писателю, несмотря на недолгую творческую жизнь, удалось выработать собственные уникальные примы творчества, сформировать оригинальную образно-стилистическую систему, создать индивидуально-авторскую картину мира, в которое нашли выражение все грани выдающегося таланта Завадовского.

---

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. №5. С. 50.

²Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 54.

ГЛАВА 2. ЦИКЛИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л.Н. ЗАВАДОВСКОГО

В конце XIX – начале XX века в литературно-критическое мышление входят понятия «цикл» и «циклизация». Чаще всего понятие цикла применяется к поэтическим произведениям. «Первые серьезные попытки осмысления циклизации в русской лирике, как известно, принадлежат самим творцам поэзии»¹, которые видели в циклизации новые возможности словесно-художественного творчества. Теоретиком лирической циклизации был А. Белый, уравнивавший поэтический цикл с полноценным произведением.

На рубеже веков М. Горький «тяготеет к тематической и стилевой циклизации»² произведений, А.И. Куприн «объединяет ранние рассказы в циклы»³. В эпоху серебряного века явления циклизации доходят до своего пикового развития, «идея цикла отразилась в прозаическом творчестве ведущих представителей русского модернизма»⁴. В своем творчестве к циклизации прибегали Ф.К.Сологуб, З.Н. Гиппиус. К.Д. Бальмонт, В.В. Розанов, Н.С. Гумилев, О.Э.Мандельштам, В.В. Хлебников, Б.Л. Пастернак, В.В. Набоков и другие модернисты, постмодернисты и также авангардисты. Так, тенденция к циклизации в русской литературе начала XX века объясняется стремлением авторов к новым формам и художественным возможностям. В прозе 1920-1930 годов стремление к циклизации прослеживается в творчестве А.К. Толстого, К.А. Федина, Л.М. Леонова, В.В. Вишневского и многих других.

Цикл – «тип эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, принадлежащих одному виду искусства, созданных одним автором и скомпонованных им в определенную последова-

¹ Дарвин М.Н. Художественная циклизация в постсимволистском сознании А. Белого // Постсимволизм как явление культуры. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 53.

² Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2003. С. 25.

³ Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2003. С. 25.

⁴ Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2003. С. 26.

тельность»¹. То есть О.Г. Егоровой цикл рассматривается как объединение произведений самим автором по жанровому, тематическому, идейному принципам, по общности героев, фоновых исторических событий. Другие исследователи выделяют первичные и вторичные (М. Дарвин), авторские и читательские (И. Фоменко), связанные и свободные (Е. Хаев), авторские и неавторские циклы (П. Панченко)². Общий принцип разделения цикла на две категории в целом схож у разных ученых. По М. Дарвину, первичный цикл – «это такой цикл, который создается поэтом с самого начала как художественное целое»³. Вторичный цикл – это объединение по общим критериям лирических (прозаических) текстов, которые могут быть написаны писателем в разное время. Близко к определению вторичного цикла понимание неавторского цикла (терминология П. Панченко), который представляет собой выделение групп произведений «в творчестве того или иного автора на основании некоего объединяющего принципа читательского восприятия, связанного часто с биографией литератора»⁴. Именно в этом понимании термина «цикл» и процесса циклизации представляется целесообразным рассматривать творчество Завадовского.

Циклизация творчества Завадовского возможна, в первую очередь, на основе биографического принципа. С этой точки зрения выделяются «деревенский» цикл, куда входят произведения, в которых отражена провинциальная и деревенская действительность. Завадовский хорошо знал изнутри эту среду, будучи близок деревенской и провинциальной жизни. «Таежный» цикл написан писателем под воздействием впечатлений от царской ссылки и от поездки в Якутию в 1929 году.

¹Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2014. С. 8.

²Панченко П.В. Циклизация как прием создания художественного единства в книге рассказов В. Шаламова «Левый берег»: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. С. 10.

³Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2014. С. 9.

⁴Панченко П.В. Циклизация как прием создания художественного единства в книге рассказов В. Шаламова «Левый берег»: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. С. 10

Также в творчестве писателя можно выделить «деревенский» и «таежный» циклы на основе пространственно-временного принципа. В «деревенский» цикл включаются произведения, действия которых происходят в деревне, селе или провинциальном городе. В «таежный» цикл – произведения, где основными топосами являются тайга, золотые прииски Алдана, Восточная Сибирь. Действие во всех произведениях циклов происходит в 1920-1930-е годы.

Наконец, еще одним принципом циклизации произведений может служить образ героя. Так, главными героями большинства произведений, написанных до 1929 года, являются крестьяне (иногда сельская интеллигенция). В «таежном» цикле в центре повествования находится герой-таежник, воплощенный преимущественно в образах золотоискателей.

Следует отметить, что «в процессе циклизации элементы внутренней формы, представляющие своеобразные «блоки информации», синтезировались в новые идейно-смысловые комплексы, в результате чего возникал новый слой художественной информации, не сводимый к смыслу каждого отдельного элемента»¹. Так, при объединении произведений в циклы каждая отдельная единица (роман, рассказ, повесть) не только не теряют своей художественно-эстетической индивидуальности, но и в синтезе приобретают новые оттенки звучания. Но при этом базовый принцип цикла заключается в «наличии особого художественно-эстетического содержания», которое в свою очередь не является суммой художественно-эстетических содержаний каждого произведения, а представляется общей надсодержательной идеей цикла в целом. Тем самым «объединение произведений в циклы должно приводить к возникновению добавочных смыслов, не выраженных по отдельности в произведениях»².

---

¹ *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 25-26.

² *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 25.

После анализа материалов архива писателя, его творческой лаборатории, воспоминаний современников можно с уверенностью утверждать, что Завадовский специально не стремился к созданию прозаических циклов. Циклизация творчества писателя возможна лишь в результате тематически-сюжетного анализа произведений. Вследствие этого возникает вопрос правомерности использования терминов «цикл» и «циклизация» вместо понятия «сборник произведений». Но поскольку сборник произведений «не ставит себе цели явной смысловой или какой-либо другой соотнесенности произведений»¹, то по отношению к творчеству Завадовского целесообразнее использовать именно понятие цикла.

Объединение произведений в циклы позволяет выявить не только частную идейно-тематическую особенность того или иного произведения, но и воссоздать общую картину творчества писателя. Циклизация позволяет сформировать полноценное представление о художественном мировоззрении писателя, которое особенно ярко проявилось в «таежном» цикле Завадовского. В нем достаточно ярко и глубоко отражены сложность и многогранность сибирской жизни 1920-1930-х годов XX века.

В процессе циклизации изменяются и усложняются связи между произведениями, тем самым они получают дополнительную значимость внутри цикла: «Изначально интертекстуальные, в процессе циклизации они приобретают качества контекстуальных»². Составляющими циклов являются «жанровая, идейно-тематическая и сюжетная общность, «сквозные» персонажи, обобщающие отступления автора»³, также в циклах присутствуют единые образы и мотивы, схожие хронотопы.

Быстрое и стремительное становление советской литературы в 1920-1930 годы спровоцировало появление новых типов героев, которые само-

---

¹ *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. №1. С. 25.

² *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. №1. С. 26.

³ *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. №1. С. 27.

отверженно строят социалистическое будущее. Претерпевая лишения, они верят в идею построения коммунизма, а «сфера трудовой деятельности в самом широком ее понимании стала предметом внимательного изучения и эстетического освоения»¹.

Характерно в этой связи высказывание секретаря ЦК ВКП(б) А.В.Жданова: «В нашей стране главные герои литературного произведения – это активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры»². Таким образом был обозначен круг героев, которые должны были стать центром внимания советских писателей.

Произведения, посвященные Гражданской войне и революции, выдвинули на первый план героя, представляющего собой личность творящую историю. В творчестве Б.А.Пильняка («Голый год»), Д.А.Фурманова («Чапаев»), И.Э.Бабея («Конармия»), А.П.Платонова («Чевенгур») показано, что главные герои были неотъемлемой частью исторического процесса, «потому события и поступки героев часто становятся неотторжимыми от их личной жизни»³.

Вс.Вс. Иванов («Партизанские повести»), Д.А. Фурманов («Чапаев»), А.С. Серафимович («Железный поток»), А.А.Фадеев («Разгром») на первый план выдвигают коллективного «героя, олицетворением которого является народ, объединенный единством целей и жизнеустроительных задач. <...> Остановившись на биографических, психологических, духовных особенностях одной личности, авторы, вместе с тем стремились «дать объективную оценку массового порыва к победе»⁴.

¹Имхелова С.С. Основные тенденции развития русской советской драматургии 70-х годов (к проблеме современного героя): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1984. С. 11.

²Первый Всероссийский съезд советских писателей: стенографический отчет. М.: Худож. лит, 1934. С. 498.

³Федорченко В.А. Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 9.

⁴Федорченко В.А. Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 9.

В литературе конца 1920-х – 1930-х годов появляется герой, являющийся «сильной, незаурядной, духовно-целостной» личностью, мысли и действия которой направлены на будущее. Такая ведущая личность показана в произведениях Л.М.Леонова («Дорога и Океан»), К.Г.Паустовского («Кара-Бугаз»), Е.И.Замятина («Ела») и других, в которых «ощущение человека, органически связанного с другими людьми, является главной особенностью человека новой формации»¹. Новизна этого героя заключается в стремлении писателей показать «не только противоречия жизни, бедствия народа, его нищету и унижение, но и способы, формы и пути их преодоления. Провозвестниками и участниками этой борьбы стали новые литературные герои»².

Наряду с исторической, ведущей личностью в литературе 1920-1930-х годов «возникают образы обыкновенных людей из масс («созерцателей»)»³. Именно такие герои представлены в творчестве Завадовского. Писатель не стремится к показу грандиозной фигуры, воплощающей идеологические новации, способной на исторические деяния. Наоборот, герои – обычные люди, словно выхваченные из толпы, в них нет героически-активного, идеалистического начала.

2.1. «Деревенский» цикл

В творчестве Завадовского до 1929 года преобладала крестьянская тематика. Писатель ярко показывает жизнь деревни на фоне общественно-исторических событий: революции, гражданской войны, период НЭПа, голода, коллективизации. Художник зафиксировал сложные социальные процессы, которые происходили в деревне в период ее реформирования

¹Федорченко В.А. Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 10.

²Федорченко В.А. Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 12.

³Федорченко В.А. Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 12.

советской властью. Не маскируя и не пряча за социалистическими лозунгами правду, писатель показал обнищавшее русское село, которое «протянулось, как черная грязная холстина», «темные, хмурые, в седых лохматых шапках; как древние старики» избы, в которых «близорукими глазами глядят позеленевшие стекла»¹.

К «деревенскому» циклу можно отнести довольно много произведений: рассказы «Бурун» (1923), «Корень» (1925), «Ищейка Фред» (1926), «Матрос Пунак» (1926), «Скула и Петька» (1926), «В лунную ночь» (1927), «Никитино счастье» (1927), «Песнь седого волка» (1927), «В зеленых кварталах» (1927), «Соседи» (1928), «Железный круг» (1928), «День жизни» (1929), «Без суда» (1930), «Беленький домик» (1930), «Клевер» (1935), «Сказка» (1935), повести «Полова» (1926), «Соломенская учительница» (1938).

Героями этих произведений являются деревенские жители, крестьяне, а также представители провинциальной интеллигенции. Их своеобразие заключается в том, что они показаны Завадовским как бы на периферии общественно-политической жизни страны. Они не являются творцами истории, а лишь ее свидетелями и очевидцами, которые пытаются как-то наладить свою жизнь в столь трудное для страны время. В «деревенской» прозе Завадовского отсутствуют герои, захваченные конкретной идеологической борьбой, защищающие свои убеждения с оружием в руках. Нет ни одного главного героя, который был бы солдатом Красной Армии или ярким сторонником белых. Лишь по отношению к малому количеству второстепенных персонажей писатель буквально парой слов позволяет себе обмолвиться об их участии в гражданской войне или других сражениях. Отсутствуют прямые описания военных действий, они находятся как бы за пределами хронотопа произведения. В рассказах «В лунную ночь», «Бурун», «Соседи», повести «Соломенская учительница» Завадовский через

---

¹ Деревня на путях к новой жизни // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Папка «Неразобранное». С. 10.

отдельные детали намекает, что где-то идут революционные сражения, но к главным героям все эти страшные события имеют опосредованное отношение. Писателя больше интересует социально-бытовая жизнь русского крестьянства, его психология, способность выживать во времена великих перемен: «С большой теплотой, с детальным знанием жизни, языка и психологии пишет писатель о крестьянах-бедняках и середняках»¹.

В рассказах «деревенского» цикла ярко отражены события постреволюционного времени. И здесь творчество Завадовского вписывается в контекст русской советской литературы 1920-1930-х годов, отражает ее основные тенденции и пути развития. Разумеется, каждый писатель изображал современные ему события под определенным углом зрения. Например, Б.А.Пильняк «увидел в Гражданской войне своего рода апофеоз всей русской истории», В.Я.Шишков в «Ватаге» показал «жуткую картину революционного насилия», А.С.Серафимович в «Железном потоке» разглядел «историческую «заслугу» большевиков», М.А.Шолохов в «Тихом Доне» выразился «неоднозначно в «классовом» отношении», «многие авторы старались опоэтизировать «пролетарский авангард» революции»². Отношение Завадовского к революционным событиям, Гражданской войне, переменам в советской деревни также неоднозначно.

Важно заметить, что писатель принимал активное участие в революционных событиях 1905-1907 годов как социалист-революционер (эсэр), он никогда не принадлежал к партии большевиков. Сведений об этом периоде жизни Завадовского почти не сохранилось, не нашел он отражения и в творчестве писателя. Исключение составляет лишь неопубликованная пьеса «О террористе» («Смертник»). В февральских событиях 1917 года художник уже не участвовал, так как отбывал ссылку в Восточной Сибири.

¹Булданов В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 115.

²Булданов В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5. С. 118.

Октябрь он встретил, уже находясь в Тамбове, вдалеке от эпицентра революции.

В архиве Завадовского хранится книга писателя тамбовского происхождения П.А. Ширяева «Цикута» с дарственной надписью: «Милому Леониду Николаевичу Завадовскому. С любовью на добрую память. Петр Ширяев. 1927. 29/Х. Москва»¹. В рассказе «Цикута» речь идет о работе подпольной организации во время революции, среди участников которой был предатель. Им оказался человек, которому доверяли больше всех. Само слово «цикута» обозначает одно из самых ядовитых растений, обманывающее своим видом, схожим с петрушкой. Завадовскому как бывшему эсеру была знакома подпольная деятельность. Он, как никто другой, мог по достоинству оценить труд Ширяева, но сам в творчестве он тщательно обходил эту тему. Нет ни одного опубликованного произведения писателя, полностью посвященного революции 1917 года или Гражданской войне. Тем не менее, собственно-индивидуальное осмысление Завадовским этих событий нашло отражение в его произведениях.

Как уже отмечалось, в творчестве писателя всегда акцент в повествовании смещен с прямого описания революционного действия на изображение его рефлексии в конкретных жизненных реалиях, с изображения героя-борца на образ простого русского мужика, который пытается жить в предлагаемых ему исторических обстоятельствах. Писатель Б.А.Губер, впечатленный книгой «Вражда», отмечал, что «мужиков Завадовского читатель не может не любить. Зачастую забытые и не осознававшие своих прав, показаны они с такой сложностью характеров, что это делает честь любому из очень опытных писателей»².

Самые кровавые последствия революции и Гражданской войны показаны Завадовским и вовсе дистанционно, через сознание не человека, а собаки – лайки Буруна (рассказ «Бурун»), что, видимо, позволило писателю

¹Ширяев П.А. Цикута. М.: Недра. 1927г. // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Книги.

²Цит. по: Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С. 68.

избежать прямых оценок событий, их интерпретации: «Однажды, когда Бурун пробирался по улицам, над городом вдруг погас белый ночной свет. Раскатился грохот, словно гром. Вслед за громом раздался треск ружейных выстрелов... По дорогам скакали люди, после них оставались мертвые лошади»¹. Непрямое повествование позволяет писателю короткими, лаконичными и предельно точными фразами рисовать страшные картины войны: «Ночью вскоре после пожара и грохота пушек на лугу в примятой траве Бурун в первый раз увидел свежий человеческий труп... приезжала огромная повозка без лошадей... Из повозки быстро соскакивали вооруженные люди, ставили связанных рядом, валили выстрелами на землю и уезжали»².

В своем творчестве писатель не пытался подретушировать и замаскировать разрушительное влияние революционных событий, Гражданской войны на жизнь русского народа. Завадовский ярко показывает, что они не принесли обещанной свободы и всеобщего благоденствия, а только грабежи, голод, убийства. В новой действительности ясно звучит безбожный и антигуманный голос, воплощающийся в братоубийстве и абсолютной неудержимой ненависти.

Именно в «деревенском» цикле наиболее ярко показаны серьезные деформации, которым подверглась жизнь простого человека, разрушение его внутреннего мироустройства

Так, в рассказе «Соседи» Завадовский описывает, как красноармейцы, войдя в город, начинают забирать последнее продовольствие: «На площадях у складов тоже толпились подводы. Шла горячка. Как попало кидались на телеги тяжелые мешки с солью, с мукой и сахаром»³. Через несколько дней казаки нападают на город, который наполняется разбой-

¹ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 36.

² Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 37.

³ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 234.

ным хаосом и братоубийством. Герой рассказа Савелий Трифонич, идя по оккупированному белыми казаками городу, видит, как разграбляют склады, как люди растаскивают соль и муку. Казаки убивали евреев и грабили их дома: «...Из окна на тротуар упал старик Нойхель... В окно высунулась винтовка, за ней синяя бритая голова без папахи. Прищурился левый глаз, раздался выстрел: Нойхеля качнуло, он клюнулся головой в зеленую сточную канаву, оставив ноги на тротуаре»¹. Старик-еврей совсем недавно гулял с внуками по городу, он не был военным, не имел отношения к политическим распрям. Гибель невинных волнует Завадовского в этих революционных катаклизмах.

«Шквал смертей» врывается в тихую жизнь героев рассказа «В лунную ночь». Образ Гражданской войны в деревне воплотился в тихом перешептывании людей: «Сумленье идет в народе. Ждут»². А ждал деревенский люд, когда все кругом разрешится и прояснится, когда навоюются. И главный герой рассказа Никанор Васильевич ждал: «Тонкими ушами ловил все, что доносилось, и твердо решил не ввязываться в «грязное дело»³. Война казалась сложной и непонятной деревенским мужикам и бабам. Ее окружали слухи, вымыслы, сплетни. Никанору Васильевичу принадлежат слова, отражающие отношение деревенских людей к Гражданской войне: «Не пойму только, за что дерутся меж собой. Чего не поделили? Век прожил, а в политике – дурак»⁴.

Рассказ «Соседи» интересен не только революционным ужасом, коснувшимся простых людей, но и своей документальной основой. Краевед Комяков предполагает, что в «Соседях» описываются реальные события нападения мамонтовцев на город Усмань в 1919 году: «Мела поземка из

¹ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 241.

² Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.79.

³ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.79.

⁴ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.80.

пуха и пера – это казаки, ища спрятанное золото и драгоценности, вспоролли сотни перин и подушек... В замершем, притихшим городке то тут, то там хлопала выстрелы, слышались душераздирающие крики»¹. Свидетелем этих событий был сам Завадовский: «Леонид Николаевич быстро ходил по комнате, набивал трубку махоркой, нервно курил... Увиденное на улице потрясло его и запечатлелось на всю жизнь»². Позднее пережитые эмоции воплотились писателем в художественной форме одного из самых трагичных произведений. В критике не раз отмечалось, что в основе сюжета рассказа «Никитино счастье» также находятся реальные впечатления писателя, который лично знал прототипа своего героя.

Наиболее ярко автобиографическое начало прослеживается в рассказе «День жизни». В центре повествования находится учитель рисования Николай Иванович, уволенный со службы и живущий на содержании жены Анны Васильевны, учительницы русского языка. Следует отметить, что Завадовский также был уволен из гимназии по той же причине, что и его герой. Он, как и автор рассказа, – художник, отдающий предпочтение акварельной живописи, мечтающий о создании полотна, где «бы он мог выплеснуть свои эмоции в понимании вечного конфликта «безобразно плоских людей» на черной земле и «хрустально чистой» природы»³. Так же, как у Завадовского, маленького сына героя рассказа зовут Димка, так же, как и семья писателя, герои живут в доме родителей жены. Возможно, рассказ назван не случайно «День жизни», поскольку в нем отражена типичная судьба нищего провинциального интеллигента, когда газету выписывают на две семьи, женщина измучена тяжелой ежедневной работой, а мужчина не может найти себе место и кормить семью.

Но всё же, видимо, следует обозначить границу между биографией Завадовского и судьбами героев. Им писатель не оставляет надежды на

¹ Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

² Комяков Д.В. Рассказы писателя-земляка // Новая жизнь. 1968. 27 июня.

³ Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 2013. С.50.

счастливое будущее. Рассказ предельно пессимистичен, кажется, что нет выхода из нищеты, душевной апатии, что тяжелый и копеечный труд – это удел всей жизни. А ведь жизнь Завадовского после увольнения из школы кардинально изменилась в лучшую сторону, он становится писателем со всесоюзной известностью. Возможно, художник на примере собственной жизни стремился показать катастрофичность бедственного существования провинциальной интеллигенции, где ежедневной задачей является выживание. Приспосабливаясь к жизни, герои словно тлеют и физически, и духовно.

Сложно утверждать, были ли такие столь непростые отношения между Завадовским и его женой, как это показано в рассказе. Федоров в книге ««Громкие» дела писателей» пишет, что в семье Завадовских был разлад. В Усмань приезжали друзья-писатели, и однажды приехал Низовой. Завадовский пригласил его к себе погостить. «Павел согласился, поселился у Завадовских. И у него получился роман с женой Завадовского Варварой Сергеевной»¹. Так ли это было на самом деле или нет, на сегодняшний день неизвестно. Федоров также утверждает, что Завадовский был увлечен писательницей Любовью Воронковой: «Она взяла творческую командировку в Сибирь, поехала туда от «Комсомольской правды», и они в Иркутске встречались»². Тем не менее, тема семьи и супружеского счастья в творчестве Завадовского всегда наполнена драматизмом. Во всем творчестве писателя, и в особенности в «деревенском» цикле, нет ни одной благополучной семьи. Революция, Гражданская война мешают счастью героев. В повести «Соломенская учительница» главная героиня Наташа Сизова полюбила комиссара продотряда Петрова. Некоторое время девушке казалось, что она нашла родного и единственно близкого человека. Но война потребовала от комиссара выполнения служебных обязанностей, возникла

¹ Федоров М.И. «Громкие» дела писателей // Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С. 280.

² Федоров М.И. «Громкие» дела писателей // Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. С. 280.

необходимость оставить учительницу и, несмотря на возникшие чувства и отношения, ехать с отрядом дальше. Наташа «проводила молча, старалась быть спокойной, но лишь только стихли шаги на ступеньках, свалилась возле кровати на пол и долго рыдала. Показалось, что это конец»¹. Родив от Петрова дочку, учительница ни в чем не обвиняет комиссара, считая, что в их разлуке виновато само революционное время.

В рассказах, в которых присутствует тема семьи, писатель часто показывает, как между супругами образуется сначала невидимая, брешь, которая позднее приводит к разрыву некогда близких людей. Так случилось с героями рассказа «В зеленых кварталах». Супруги Алексей и Зинаида Васильевна кажутся совершенно чужими людьми. Их семейная жизнь не складывается из-за разного понимания собственной жизни, разного представления о совместном будущем. Одна из самых печальных историй семьи представлена Завадовским в рассказе «Беленький домик», где картина вполне нормальной семейной жизни сменяется разочарованием в родном человеке, обманом и предательством.

Раскрывая тему семьи и семейного счастья, Завадовский детально описывает переживания молодых женщин, их слезы и страдания: Дина («Беленький домик»), Люба («Полова»), Наташа Сизова («Соломенская учительница»). Герой-мужчина в этих произведениях изображен достаточно статично, либо он пропадает навсегда («Соломенская учительница»), либо обвиняет возлюбленную в своих несчастьях («Беленький домик», «Полова»). Показательно, что рядом с каждой из этих героинь, олицетворяющих новое советское поколение, которому дарована свобода любви и супружества, об которую они сломали свои жизни, находятся взрослые женщины. Рядом с Диной оказалась Анна Михайловна, с Любой была рядом ее мать Арина, с Наташей Сизовой – сторожиха Васильевна. И каждая из них в сердцах ругала это свободное счастье, которое приводило к аморальному,

---

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 288.

безответственному поведению мужчин: «Теперь ступай за ним побегай. Да как еще побегаешь. Пошел – ухмыляется во всю морду, как блинов масляных наелся. Добился своего»¹.

«Патриархальная форма организации супружеского союза складывалась в российской культуре на протяжении нескольких столетий»². И в 1920-е годы все христианские законы и традиции, регулировавшие существование семьи, оказались ниспровергнутыми идеологией свободной любви. В повестях «Полова» и «Соломенская учительница», рассказе «Клевер» писатель изображает уже развалившийся институт семьи и его губительные последствия, особенно для женской судьбы. Во многих произведениях Завадовского показано, как робкое чувство любви сменяется физиологией, как формируется новая этика понимания брака, семьи, гендерных отношений.

Самой крупной прозаической формой в «деревенском» цикле стала повесть. В русле традиций этого жанра писатель показывает трансформацию жизненных принципов главного героя в конкретных социально-исторических условиях: «В повести, как правило, освещается отдельный этап или значимый эпизод из жизни человека, уже обладающего определенным характером, воспроизводится его эволюция, происходящая под воздействием жизненных обстоятельств и в соответствии с логикой развития самого характера»³. В повестях «Полова» и «Соломенская учительница» Завадовский обращается к вопросам духовного и социального мироустройства постреволюционной деревни, описывает отношение героев к стремительно формирующимся новым формам общественной и личной жизни.

С темой семьи и семейного счастья неразрывно связан образ женщины, который показан писателем ярко и экспрессивно. В «деревенском»

---

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 288.

²Бурмистрова С.В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник ТПГУ. 2010. Вып. 8(98). С.73.

³Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести. М.: Наука, 2010. С. 77.

цикле она почти всегда является главной героиней произведений, в отличие от «таежного цикла», где ей в основном отводится второстепенная роль. Во многих рассказах, в особенности в повестях «Полова» и «Соломенная учительница» главенствующими становятся женские вопросы, Завадовский пытается осмыслить процессы изменения социальной роли женщины, ее новое жизненное предназначение. Но и здесь писатель идет вразрез с формирующейся в советской литературе традицией изображения женщины. В пьесах «Любовь Яровая» (1926) К.А.Тренева, «Разлом» Б.А.Лавренева (1928), «Оптимистическая трагедия» (1933) В.В.Вишневского в характерах женщин преобладает героическое начало, революционный пафос, сила и мощь. Она – товарищ, красноармеец, комиссар, часто отважнее, смелее, жестче мужчины. В 1928 году в журнале «Красная новь» была опубликована повесть А.Н.Толстого «Гадюка», в которой героиня Ольга Вячеславовна Зотова не по-женски стойко проходит все этапы своей трудной жизни. У Завадовского женщина значительно слабее, она гнется под ударами судьбы, в ней нет романтической революционной героики. Писатель обращает внимание на то, что в глобальном переустройстве национальной жизни в первую очередь пострадали институт семьи и морально-нравственный статус женщины, которая оказалась в новых условиях совершенно не защищенной. Писатель занимает твердую позицию в сохранении патриархальных нравственно-этических принципов формирования и существования семьи. В то же время Завадовский приветствует идею равноправия в гендерных отношениях, возрастание социальной роли женщины, ее самостоятельность и независимость от мужчины.

Схожая с произведениями «деревенского» цикла Завадовского присутствует в романе Н.И. Кочина «Девки» (1928), в котором разворачивается трагедия главной героини – Прасковьи Козловой. Влюбленная в Мишку Бобонина и доверив ему себя, она оказывается жестоко обманутой: «Порядочная девушка сразу не поверит. Сразу на шею каждому не бросится. Она взвесит все... Досконально. А ты – сомнительный элемент. Сама ко мне

своим товаром напросилась. Я считал невеликодушным отказаться...»¹, – говорит Мишка после страшной сцены надругательства над деревенской девушкой. «Все увидели, Бобнин с Парунькой шмыгнули за занавеску. Что-то зазвенело. Послышался шепот: – Уйди! – Ишь, неженка. Не сахарная, не растаешь... Бобнин указал Ваньке на Паруньку и сказал: Пришел, увидел, победил»². С похожим обвинением выступает и герой повести Завадовского «Полова» Васька: «Только в рождении мы не виноваты, товарищ судья. Как она человек, прямо сказать, гулящая»³. Обвинения, позор и унижения обрушиваются на женщину в произведениях Кончина и Завадовского. Общественное осуждение, публичное признание в грехе, исковерканная мужчиной судьба – вот ответ на надежду любви. Оба автора, осуждая поступки героев, описывают душевные муки героинь, жгучую боль, через которые они проходят: «Любка словно упала в черную яму на острые колья. В притихшем зале не было воздуха. Она ловила ртом и не могла крикнуть, что он врет, что он подлец и негодяй... Казалось, все в зале поверили в то, что она распутная девка»⁴.

Народный суд над женщиной, согрешившей с мужчиной и отступившей от традиционного патриархального устоя жизни, не только отличается от заявленного большевиками понимания женской свободы, но и представляет собой одну страшную картину женского унижения. Завадовский описывает в повести, как Васька ворвался в дом Арины и Любы: «Васька ослабилась и пьяными руками потянулся к зыбке. Позади со смехом лезли парни, за ними в открытую дверь заглядывала вся улица»⁵. В рассказе П.Г. Низового «Народным судом» (1928) в адрес героини слышны такие оскорбления: «Расстрелять ее из поганого ружья... Учить их, паскуд,

¹Кочин Н.И. Девки. URL: <http://fanread.ru/book/9954027/?> (дата обращения: 9.03.2016).

²Кочин Н.И. Девки. URL: <http://fanread.ru/book/9954027/?> (дата обращения: 9.03.2016).

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 136.

⁴Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 136-137.

⁵Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 140.

надо! Бросаются, словно воронье на падаль... косу на руку, да в воду; потому, как в этом деле всего виновнее бабы»¹. Самую страшную картину народного суда над женщиной описывает Кочин: «Вытолкнули обезумевшую Паруньку на середку, и один уж набросил на шею ей веревку... во всю спину к шубе прилепили бумагу, а на бумаге углем коряво, явственно написано оскорбляющее женщину слово... Паруньку вел за веревку подряженный пьяница-мужик. Он изредка потряхивал веревку, – как это делают с собакой, когда хотят ее разозлить, – вызывая радостное гоготанье окружающих... Сзади и спереди в нее бросали комья снега. После особенно удачного удара, по голове или по лицу, всех охватывал неудержимый взрыв смеха»².

В «деревенском» цикле Завадовского представлена обширная галерея женских типов. Помимо образов деревенской бабы и деревенской девушки («Полова», «Соломенская учительница», «Облачный день») представлены городские женщины («Клевер»), молодые учительницы («Облачный день», «Соломенская учительница»), любящие самоотверженные женщины («Бурун», «Беленький домик»). Но главным для Завадовского становится образ матери («Полова», «Соломенская учительница», «Клевер», «Беленький домик»), в котором писатель раскрывает духовное богатство женщины.

Одним из самых архаичных образов в русской литературе является образ лошади – труженицы, помощницы крестьянина. Ее наличие имело огромное значение в хозяйственном, бытовом аспекте жизни русского крестьянина во все времена. Именно она давали уверенность в завтрашнем дне, кормила семью: «Тоже, поди, коровенку загнал за лошадь, страдал в дороге, какую-никакую скотину вел, хотел попахаться на своей...»³. В произведениях «деревенского цикла» немало подобных ситуаций, когда

¹ Низовой П.Г. Народным судом. М.: ГИЗ, 1-я образцовая типография Госиздата, 1928. С. 2.

² Кочин Н.И. Девки // URL: <http://fanread.ru/book/9954027/> (дата обращения: 9.03.2016).

³ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.100.

образ лошади находится в центре повествования. Мужик дорожит конем и по-отечески заботится о нем, рискуя жизнью, прячет скотину от продотрядчиков. В рассказе «Никитино счастье» писатель показывает, как герой «буквально вырвал из лап смерти»¹ лошадь Пеганку. Никита возлагал на нее самые лучшие надежды на собственное будущее: «А как только Пеганка совсем наладилась, работы оказалось хоть отбавляй. Свои мужики безлошадные просят посеять проса, там в город нужны лошади, да и своя работа»². В рассказе «Корень» писатель показывает, что герои готовы пойти на убийство с целью украсть лошадь. Два эпизода казни конокрадов в рассказе «Без суда» говорят об отношении к лошади, о ее незаменимости в хозяйстве. Слова одного из героев лаконично определяют значимость скотины в жизни простого мужика, если он ее лишается по каким-либо причинам: «В гроб живьем кладем мужиков. Обижаем»³.

Перед героями «деревенского» цикла остро стоят вопросы будущего. В произведениях мужиками ведутся разговоры о дальнейшем выборе своей судьбы, герои стремятся наладить сегодняшнюю жизнь, дабы изменить завтрашний день. Но чаще всего вопросы о будущем русского крестьянства остаются открытыми, писатель обрывает повествование тогда, когда обстоятельства жизни героев требуют от них дальнейшего определения пути.

Обращение Завадовского к вопросам существования крестьянства в условиях всеобщей коллективизации и укрепления советской власти, а также интерес к процессу перехода крестьянского патриархального сознания к новым ценностным ориентирам продиктованы особенностями изменений в социально-нравственной сфере в 1920-1930-е годы. Необходимость постановки и решения насущных вопросов морально-этического характера побуждают писателя к использованию принципов реализма в изображении деревни и русского крестьянства.

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.142.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.172.

³Завадовский Л.Н. Полова: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 69.

Стремление Завадовского к выявлению и обличению безнравственности в деревенской действительности способствовало и выбору основных тем, основанных на столкновении русского мужика, сельского интеллигента и власти. При этом Завадовский находится на стороне крестьянина, остро сочувствует ему, в «деревенских» произведениях нет никаких обвинений в его сторону, лишь констатируется слом в жизни героя, попавшего в страшный маховик жестокого времени.

Писатели 1920-1930-х годов в своих произведениях часто писали о «классовой ненависти, мести, проявившихся в период разрушения старых социальных порядков, в нарушении нравственных принципов, утрате ощущения греха, отсутствии боязни «страшного суда» – «антропологическом сдвиге»¹. Завадовский также обращается к этим темам, но сложность художественной индивидуальности усманского писателя проявляется именно в его стремлении к постижению изменений человеческого бытия в контексте исторического времени. Это творческое кредо писателя современниками воспринималось как однозначно враждебное новой идеологии. По мысли критика А.Шафир, «деревня, изображаемая им – деревня вчерашнего дня. Даже внешние картины деревенского пейзажа однотипны и статичны... Революция, в представлении Завадовского, чужда деревне...»². Конечно, эта оценка творчества писателя продиктована во многом требованиями вульгарно-социалистической крыла советского литературоведения, что мешает критику по достоинству оценить собственно художественные достоинства прозы писателя.

Так, образ деревни показан автором не в прошлом, а именно в ее настоящем воплощении, где особенность этого настоящего заключается в сложности и порой невозможности быстрого разрыва с исконными национальными ценностями, веками определявшими жизнь русского народа и русской деревни. В связи с этим и возникает тезис о чуждости крестьянам

¹ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 40.

² Шафир А. Леонид Завадовский: очерк // Печать и революция. 1929. № 8. С. 79.

революционных идей. Но всё же «новые ощущения, навеянные революцией, освобождение от патриархальной общинной морали, отказ от традиционных ценностей»¹ воплотились в стремлениях и желаниях молодых людей таких героев, как Люда («Полова»), Наташа Сизова («Соломенская учительница»), Сыч («Никитино счастье»), Алексей («В зеленых кварталах»), Пронька («В лунную ночь»), Настя («Облачный день») и другие. Однако все эти герои наряду с формальным освобождением от старой морали одновременно в личном плане являются жертвами новой. Конечно, «деревенские» произведения Завадовского плохо отвечали социальному заказу партии о необходимости формирования положительного образа советской действительности: «Советским читателям необходимы были художественные эпические тексты о социально-исторических преобразованиях в городе и деревне, о человеке в контексте времени – во всем разнообразии поступков, ощущений, в процессе его духовного роста или разрушения, трансформации сознания»². «Человек в контексте времени» и «трансформации его сознания», безусловно, показаны у Завадовского, но не с теми акцентами, какими требовала партийная литература.

Неотъемлемой частью произведений «деревенского» цикла является образ дороги, наиболее ярко представленный в рассказах «Корень», «В лунную ночь», «В зеленых кварталах». Дорога осмысливается писателем не только как воплощение движения жизни, но и как воплощение жизненного пути. Завадовский трактует образ дороги в русле национальной фольклорной традиции, которая оценивает дорогу как враждебное пространство для русского человека. Так, например, именно на дороге совершается смертельно опасное нападение на Коренева («Корень»), убийство Никанора Васильевича и двух других героев («В лунную ночь»), состоялась роковая встреча Алексея с Марфой («Зеленые кварталы»).

¹ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 43.

² Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 37.

Дорога для героев Завадовского всегда полна препятствий, опасностей, она олицетворяет трудный путь человека к счастью и противопоставлена безопасному топосу родного дома. «В народной культуре дом всегда является средоточием основных жизненных ценностей... он представляет собой космос, в котором человек чувствовал себя хорошо, уютно, счастливо»¹. В произведениях Завадовского внешне деревенский дом часто представлен как покосившееся строение с прорехами на крыше, маленькими грязными окнами, внутри дома всегда тесно, неприятный запах от зимовавшей в нем скотины, всюду царит нищета: «...Стояла избенка с одним маленьким слепым оконцем, с провалившейся крышей. Словно стыдясь своего убожества...» («Скула и Петька»)² или «Двумя крошечными окошками, словно сощуренными глазами, изба глядела в пустую широкую улицу» («Соломенская учительница»)³.

Дом в «деревенских» рассказах Завадовского лишается и внутренней сакральной сути, поскольку утрачивает свою основную функцию защиты и сохранения. В эпизоде раскулачивания в рассказе «Никитино счастье» Павел Наумов сожалеет не столько о растасканном добре, сколько о разобранной печи, которая символизирует нравственное осквернение крепкого дома: «...Печи до самого пола разобрали... Чего в год не настроишь – они в три дня по кирпичику разнесут. Зубами так не изгрызешь...»⁴. В описании крестьянского дома Завадовский подчеркивает нищету и бедность как отражение и итог всех революционных преобразований в стране.

Наряду с образами крестьянства и сельской интеллигенции также в «деревенском» цикле показан представитель советской власти, который всегда является второстепенным персонажем. Образ этого героя воплоща-

¹Пыхтина Ю.Г. О пространстве деревни и русском характере (на материале произведений Л. Толстого «Утро помещика», А. Чехова «Мужики», И. Бунина «Деревня») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. №4. С. 39.

²Завадовский Л.Н. Скула и Петька // Друзья: рассказы о животных. М.: Недра, 1926. С. 8.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 267.

⁴Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 175.

ется через формализм и клишированность его поступков, действий, слов. Писатель демонстрирует произошедшие в сознании новых советских партийных людей нравственные трансформации. Например, муж сторожихи Васильевной («Соломенская учительница») изменился настолько, что жена его даже не узнала. Прикрываясь советскими постановлениями, он стремится выжить молодую учительницу: «Повидали белый свет, какой он есть. Вот у вас в классе картинки висят с князьями разными, а люди на белом свете их уничтожили... Ежели не может педакок который, конечно, увольняйся»¹. Сближает таких героев бездуховность, отсутствие индивидуального, «своего» взгляда на мир. Они противопоставлены своей шаблонностью, обезличенностью настоящим крестьянам, способным на сильные эмоциональные переживания, другие индивидуально-личные проявления характера. В некоторых произведениях автор наделяет представителей советских органов грубостью и жестокостью по отношению к другим, причем эти качества в сочетании с имеющейся у них властью приобретают черты тирании, а порой и беззакония.

В 1929 году в газете «Красная звезда» появилась статья А. Бека, посвященная творчеству Завадовского, где автор рецензии видит уникальность мастерства усманского писателя «в том, что он человека дает как зверя. Он сосредотачивает свое внимание на раскрытии простейших, примитивных «животных» инстинктов и выбирает всегда те моменты в жизни человека, когда инстинкты обнажено властвуют над ним»². Конечно, эта оценка является весьма упрощенной и прямолинейной. Но, как уже отмечалось, инстинктивное, природное начало в человеке, формы его проявления всегда интересовали Завадовского. Он иногда пытался в одном художественном пространстве сблизить звериную и человеческую натуры, чтобы лучше понять последнюю. В большей степени эти принципы художест-

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 322.

²Бек А. [рецензия] // Красная звезда. 1929. 12 ноября

венного изображения нашли воплощение в рассказах «Песнь седого волка» и «Железный круг».

В рассказе «Песнь седого волка» речь идет о противостоянии человека и волка, которое основывается не на их различии, а, наоборот, на схожести. Завадовский в повествовании уравнивает силу и мощь человеческой и волчьей природы, сознательно не выделяя кого-то одного. Необычное умение лесника Игната Шугаева выть, как волк, создает вокруг героя ореол некой мистической атмосферы, пугающей окружающей близкой схожестью с естественными звериными повадками. В то же время хитрость и ловкость матерого волка подтверждают в нем наличие таких качеств, как ум, опытность и даже изощренная избирательность, что, конечно, больше свойственно человеку. Волк, попав в капкан, отгрызает себе ногу, но освобождается от ловушки. Животным руководил звериный инстинкт жизни, который также дает силы и Игнату со сломанной ногой ползти к жилищу: «Так, в борьбе за жизнь познают свое кровное родство два живых существа – человек и волк»¹.

Игнат уважает волка больше, чем человека: «Волк зря не тронет. А человек вот сейчас голову отмахнет»². Герой признает в звериной природе большую честность, нежели есть в человеке, способном на подлость и обман: «Человек бывает хуже волка, какая минута в нем, а в иную минуту он настоящий, правильный человек. Зверь этого не знает. Завсегда – зверь. Нет в нем никакой минуты»³. Тема «человек-волк» в творчестве Завадовского раскрывается с позиции схожести человека и волка, убежденности в их кровной тождественности. Писатель видит преимущества зверя перед человеком в верности самому себе, своим чувствам: «Зверь он лют, да прост, а человек и лют и хитер»⁴. Игнат вспоминает, что, будучи участни-

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. №5. С. 49.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 191.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 193.

⁴Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 198.

ком Первой мировой войны, раненный очнулся в воронке от снаряда в окружении волков и, мысленно готовясь умирать, задается вопросом ради чего человек убивает, что заставляет убивать и грабить? Игнат высказывает авторскую мысль: «Хуже нет зверя, как человек»¹, которая проходит через всё творчество Завадовского, в котором показано низкодушие и бесчестность человека.

«В русской и национальной литературе образ волка достаточно частотен, но семантически разнопланов»², вследствие чего у разных писателей в разных произведениях художественная нагрузка образа волка весьма разнообразна: «В фольклоре волк предстает одновременно как хищник и чудесный помощник. В литературе расширяется его ролевая функция»³. В понимании Завадовского, волк выступает как достойный соперник главному герою. В 1928 году в «Красной нови» литературный критик В. Красильников в своей рецензии о творчестве Завадовского писал: «Избрал Завадовский и любимого героя-человека, близкого к жизни природы, жестокого и бесстрашного, как волк»⁴. Эти слова достаточно лаконично характеризуют героя рассказа «Песнь седого волка».

Красильников высказал мысль, что «Железный круг» – «рассказ о жизни волков, о непреложном законе размножения в природе»⁵. Такая оценка упрощает авторский замысел рассказа, который заключается в метафорической проекции волчьей жизни на человеческое бытие. Следует отметить схожесть рассказа Завадовского «Железный круг» и рассказа Перегудова «Казенник». Роднит произведения то, что авторам важно поставить во главу сюжета не человека, а зверя (волчицу, лисицу). Завадовский и Перегудов сходятся в представлении о том, что мир животных, основан-

¹ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 191.

² Хазанкович Ю.Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 2. С.187.

³ Хазанкович Ю.Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. №2. С.188.

⁴ Красильников В.А. Железный круг: [рецензия] // Красная новь. 1928. № 4.

⁵ Красильников В.А. Железный круг: [рецензия] // Красная новь. 1928. № 4.

ный на базовых, первичных инстинктах, более честен и понятен. Писатели с нескрываемым восторгом описывают повадки зверей, их мощь и силу. Завадовский замечает, что Волк «нашел волчонка в кустах на опушке. Он лежал в самой чаще и лизал кровь, бегущую из лапы. Опыяненный кровью, яростно бросился, чтоб уничтожить молодого самца, но в шею его вонзились острые огненные зубы Волчицы. Она была возле своего волчонка»¹. Не менее красочно описывает подобную сцену Перегудов: «Лиса, стиснув челюсти и полузакрыв глаза, чувствуя во рту раздражающий запах теплой крови, замерла, наслаждаясь предсмертной дрожью умирающей птицы»². В рассказах одинаково ярко показано стремление зверей к жизни, их чуткость к опасностям, страх перед залпами ружья. Основная мысль рассказа «Железный круг» – идея продолжения жизни, ее течение, несмотря на сжимающийся железный круг. В рассказе Завадовский пишет: «...Волчицы отряхнули вырванную шерсть на снег и снова бросились каждая своим путем, своим железным и кровавым кругом, ведущим к единой цели, к жизни»³. Критик Егин отмечал, что «волчица с волчатами заключена в железном круге борьбы за существование, где властвует жестокий отбор сильных и неизбежно погибает слабый, где все живое – в замкнутом кольце могучих биологический инстинктов»⁴. Завадовский признавал власть природных инстинктов не только над зверем, но и над человеком, но в отличие от животного мира, человек всё же способен к их преодолению, в жизни, руководимой нравственным законом, а не природным.

В произведениях Завадовского, как и в творчестве Новикова-Прибоя, Перегудова, охотничья жизнь насыщена русским колоритом, особым психологизмом. В «деревенском» цикле простой сюжет, пафос единения человека с природой часто сочетаются с обостренными и тяжелыми думами героев, через которые открывается истинное бытие человека. Перегудов в

¹Завадовский Л.Н. Волки: рассказы. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 22.

²Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 5.

³Завадовский Л.Н. Волки: рассказы. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 37.

⁴Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем. 1933. №7. С. 105.

рассказе «На родине Силыча» (имеется в виду родина Новикова-Прибоя – село Матвеевское Тамбовской губернии) ярко описывает, как друзья-писатели находят вдохновение в русской деревенской жизни, красной нитью через нее проходит тема охоты. Перегудов отмечает, как Новиков-Прибой в беседах со стариком-охотником подмечает самобытные мысли отшельника: «В его рассказах часто мелькают такие подробности из жизни зверей, птиц и рыб, каких не найти в литературе. Эти подробности, меткие определения Новиков-Прибой жадно ловит, и если я присутствую при разговоре, полушутя, полусерьезно предупреждает меня: – Ты, смотри, не воспользуйся этим. На это я заявку делаю»¹. В этом рассказе во время охоты, на фоне природы звучат слова, определяющие творчество Новикова-Прибоя, Перегудова и, конечно же, Завадовского: «Сколько тем здесь можно почерпнуть, сколько рассказов можно написать об охоте, о деревне! Новой жизнью начинает жить деревня, ломается, рушится старое. Какие сдвиги происходят в крестьянской массе, а мало об этом написано. Хорошо бы написать книгу рассказов о деревне... А написать это мог бы писатель-охотник, обязательно охотник! Такой писатель и природу знает, и с деревней знаком...»². Именно знание деревенской жизни, психологии русского мужика, понимание его душевных мук позволяют Завадовскому создать в «деревенском» цикле драматический образ постреволюционной русской деревни.

Советские краеведы уверенно утверждали: «Со страниц Завадовского встает еще старая деревня, мучительно раздумывающая, лишь одной ногою, да и то нетвердо, стоящая у порога социалистического обновления»³. Но на самом деле писатель максимально выразительно и правдиво показывает картины обнищавшей деревни, ввергнутой в нестерпимо бедственное положение: «Промораживаемые зимой насквозь, с земляным по-

¹ Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 56-57.

² Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 57.

³ Комяков Д.В. Суrowый хлеб правды // Завадовский Л.Н. Рассказы. Повесть. Воронеж, 1987. С.142.

лом, убогие избышки, крытые соломой, подслеповатые окна»,¹ – вот подлинные декорации произведений «деревенского» цикла в творчестве Завадовского.

Сюжетные схемы цикла основаны не столько на показе глобальных исторических событий, сколько на описании самого процесса изменения национального бытия после этих событий, на отражении индивидуальной переоценки ценностей и ориентиров каждого героя. Завадовского интересует в первую очередь то, как насильственное прививание властью новых принципов жизни, слом прежнего миропорядка меняет самосознание внутри человека.

В одном из самых печальных рассказов Завадовского «Клевер» (1935), написанном фактически перед его арестом, наметились новые сюжетно-тематические пути развития творчества писателя: появляются образы столичных людей, которые противопоставляются крестьянам; более широко показана городская жизнь. Писатель постепенно уходит от темы постреволюционной жизни русской деревни, от показа всех ее тягот, от вопросов разрыва связей с прошлыми ценностями.

В «деревенском» цикле Завадовским рассматривается ряд вопросов, определивших общую тематику всего цикла. Автору важно показать нечеловеческие условия жизни, но при этом без четкого определения политических приоритетов. Также писатель стремится воспроизвести всю сложность процесса переосмысления ценностей и зыбкость новых принципов мироустройства.

2.2. Типы крестьянина и сельского интеллигента: основные черты и способы создания

В «деревенском» цикле Завадовского главными героями произведений являются представители крестьянства. Писатель показывает, как кор-

---

¹ Комяков Д.В. Суровый хлеб правды // Завадовский Л.Н. Рассказы. Повесть. Воронеж, 1987. С. 11-12.

ректируется мировоззрение крестьян в сложные годы после революции и гражданской войны, когда еще новые порядки не вошли так тесно в жизнь. Писатель тонко подмечает, как трансформируется взгляд крестьянина на окружающую его действительность, на самого себя, весь исторический ход событий. «Веками отлаженный уклад деревенской жизни в эпоху коллективизации пришел в движение, жизнь деревни менялась до неузнаваемости прямо на глазах»¹. В творчестве Завадовского крестьянская тема показана с самых мрачных сторон: «Пожалуй, столь жестокого повествования о нищенском существовании крестьян российского Черноземья давно не встречалось в русской литературе»².

В рассказе «Никитино счастье» писатель рассказывает историю бедного русского мужика, единственным счастьем которого стала лошадь Пеганка. Герой привел на двор больную пегую лошадь и ценой невероятных усилий выходил животное: «Никита совал ей сладкую резку под морду, кунал в месиво, но она только шевелила отвислыми губами... Никита с потом на лице терял хладнокровие от непосильной тяжести и беспомощности перед этим почти неживым, бессловесным скотом...»³.

Как только лошадь вошла в силу и стала работать, жизнь Никиты и его жены, доведенных голодом до полуживого состояния («Цвет лица у обоих стал серо-зеленый с налетом пепла. Тело набухало, словно наливалось травяной похлебкой...»⁴), начинает постепенно налаживаться: «К уборке Никита выглядел прежним молодцом... Перевез он избу на новую усадьбу, на новое место с песков, поставил два дубовых венца, привез кирпича на печь, заработал парочку овец»⁵. Но тут кормилицу семьи, пе-

¹ Пчелкина Н.А. Бытописание деревни 1920-30-х гг. в романе Николая Кочина «Девки» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 43.

² Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 44.

³ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 168.

⁴ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 172.

⁵ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 172.

гую лошадь, забирают «ее прежние хозяева, бывшие помещики, сумевшие хитро приспособиться к новой жизни»¹. Битый и обманутый со всех сторон герой словно выпадает из реальной жизни, заложенные веками крепостничества робость и немощность русского мужика перед господами, помещиками и властью делают его слабым и податливым, не способным к противостоянию: «Никита сидел и дрожал так, что под ним скрипела скамья»².

В рассказе показаны образы бывших кулаков Павла Наумова и его сына Митрофана. Во многих произведениях 1920-1930-х годов начала присутствует образ бывшего хозяина, имущество которого растаскано по деревне, а он побежден и уничтожен идеями революции. Завадовский же описывает Наумовых с другой стороны, обращая внимание на их умение изворачиваться и существовать в изменившихся условиях жизни, классовый враг становится частью руководящей советской системы: «Ну, ну, Митрошка, действуй там. Только уши ставь вострее. Время хитрое: нынче они, у них служишь, завтра надо петь на старый голос, – постоянно говаривал старик сыну»³. И, действительно, младший Наумов «старался и заботился. Наполнялись кадки рожью и просом, кули овсом»⁴.

На первый взгляд может показаться, что герой рассказа «Никитино счастье» – маленький человек, типичный герой русской литературы XIX века, но герой Завадовского – это не гоголевский Акакий Акакиевич, это «мужик-средняк», который живет собственным непосильным трудом и чья жизненная философия определялась вековыми заветами предков. Способность и силы к сопротивлению пробуждаются в героях с пониманием простой истины: «Будешь жить, коль надо жить, куда денешься»⁵.

¹Комяков Д.В. Суровый хлеб правды // Завадовский Л.Н. Рассказы. Повесть. Воронеж, 1987. С. 142.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С.184.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 162.

⁴Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 176.

⁵Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 117.

Умение противостоять невзгодам жизни показаны и в рассказе «Корень», главный герой которого Василий Корневой ведет домой купленного на последние деньги меринка. Герой – крепкий деревенский мужик с крестьянским патриархальным пониманием жизни, благодаря собственной ловкости и смекалистости заслужил уважение среди таких же мужиков: «За ним тянулись, зная, что с ним не проспишь, не удержишься минуты лишней в тягостном пути, надоевшем, набившем мозоли на глазах и в голове»¹.

Самобытность героя рассказа «Корень» заключена в его железной хватке, которой он зацепился за жизнь. Ни одни препятствия: ни природные, ни социальные, не могут остановить крестьянина в достижении его цели. А цель у него одна – хоть небольшое, но все же благополучие семьи, ради этого и был куплен меринок. Именно таким неуклонным, настырным, работающим представляется крестьянин писателю. Вне зависимости от времени и власти, труд крестьянина, провоцируемый постоянной нуждой, его простая, но в то же время созидательная жизнь давала основу будущему.

В рассказе «Корень», так же, как и в рассказе «Никитино счастье», писатель критически оценивает представителей новой власти. На страницах этих произведений появляется не только плутоватый советский служащий, но и описывается неприглядная картина взяточничества, демонстрирующая беспринципность милиционера, который задержал мужиков под предлогом неверных документов. На протянутые Корнем деньги «полушубочек с выпушкой поднялся, спиной загородил деньги, рукой проводил в карман»², после чего вкрадчиво объяснил задержанным: «Документы они правильные, только не в том порядке, не военные. Вы как-нибудь объезжайте мимо. Чего сами лезете в лапы»³.

---

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 101.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 107.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 107.

Оппозиция к власти и властвующим во имя собственных убеждений представлена в рассказе «Матрос Пунак». Писатель в неприглядном свете показывает советских судей, начальника тюрьмы, наделяя их жестокостью и низменной злобой, но при этом они оказываются побежденными нравственной силой и благородными идеалами матроса Пунака, который отказался служить такой власти, хотя эта победа стоила ему зрения и душевных мучений: «Пять лет Пунак вставал во фронт в форменной матроской фуражке. Трудными глубокими мыслями пришел к решению восстать против унижения... ввел боевой патрон в винтовку против тех, кому пять лет кричал «Здравия желаю». А здесь опять... Двадцать лет бессмысленных унижений после праздника, после красных флагов на судах и крепости!»¹. Завадовский не просто показал конфронтацию героев с разными жизненными принципами, он представил борьбу, где победителями являются честь, совесть, нравственная чистота вне зависимости от идеологических убеждений.

Тема противостояния крестьянина и власти раскрывается в рассказе «В лунную ночь». Главный герой – Никанор Васильевич – старик, большую часть жизни проживший в царской России, служил приказчиком, но с приходом большевиков стал именоваться завхозом. Вся суть его крестьянского восприятия и видения революции, Гражданской войны и преобразований последующих лет отразилась в одной мысли: «Кто-нибудь должен настоящий взять верх... только бы не Пронька и не председатель Дерюгин»². Другими словами, ни бандиты, ни большевики, по мнению героя, не имеют силы, способной наладить жизнь. Никанору Васильевичу остается верить в белых, то есть в прежнюю власть, при которой был устоявшийся порядок. Никанор Васильевич ругает большевиков за развалившиеся хозяйство, от бандитов не ждет изменений, потому что внутри банды нет системы. Суждения героя основываются не на идеологических позициях, а

¹Завадовский Л.Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С. 170.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 84.

на общем разумном понимании мироустройства жизни: «Мужику работать бы и работать, а его качают, всего расшатали, никудышным сделали»¹.

На примере героя рассказа автор показывает, как хозяйственный мужик, работник, привыкший к постоянному труду, пытается осмыслить течение нового времени и как не поддается ему понимание смысла происходящего. Не случайно Завадовский вводит в рассказ историю о крестьянине, который даже внешне не различает белых и красных и оказывается битым и теми, и другими.

Поставленные в начале рассказа вопросы: «кому теперь служить и что будет завтра»² остаются без ответа и в финале произведения. Писатель мастерски воссоздает тревожность времени, неоднозначность и спорность позиций враждующих сторон. С трудом в гостях завхоза угадываются большевики, только по некоторым обрывкам фраз можно предположить, что люди «с документами чека по борьбе с бандитизмом в одном кармане и пропусками за подписью начальника штаба Антонова – в другом»³ на самом деле являются сторонниками советской власти. Жестокими показаны большевики, убивающие старика, но не менее кровожадными предстают и бандиты. «Биологизация» человеческой нравственности в период революционных преобразований стимулирует низшие формы активности⁴, отсюда желание убивать и бесчинствовать.

Итоги деморализации масс после революции и Гражданской войны ярко воплотились в рассказе «Ищейка Фред». Его сюжет прост. Деревенский парень Васька грабит церковь. В сообщники он берет себе старика-отца, который работает сторожем при храме. Рассказ выходит в сборнике «Вражда» в 1929 году, то есть в то время, когда пропаганда атеизма была

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 86.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 77.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 93.

⁴Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 42.

на самом пике. Но в произведении отсутствует призыв отречения от церкви, пропаганда безбожия. Наоборот, писатель показывает верующую деревню, воспринимающую воровство в храме как преступление и как грех. Еще в 1922 году вышел декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, но, тем не менее, все село бежит за собакой-ищейкой, чтобы найти вора, а Васька, желая сбить след, зажигает в доме ладан, что весьма символично, поскольку ладан зажигается перед молитвой. И для Васьки зажженный ладан является шансом на спасение: «Мамка, по нашей стороне идет собака, все село бежит. Чует, нечистая сила, окаянная. Приведет сюда сейчас... Ладан-то где у тебя, закурить избу надо»¹.

Завадовский достаточно лаконично воспроизводит пошлую суть характера Васьки, не побоявшегося ни отца, ни народного суда, ни Бога: «В советской деревне упразднена важнейшая норма крестьянской общины – уважение и почитание представителей старшего поколения, обесценена роль стариков как хранителей нравственно-этических традиций»². Такая оторванность от дедовских порядков не только приводит к душевному сиротству, но и демонстрирует отсутствие праведности в жизненных принципах новых героев. Писатель еще раз обращается к проблеме хрупкости нравственных начал в человеке.

Психологизм в показе русского характера ярко выражен в рассказе «Соседи». Завадовский изображает жестокость ворвавшихся в город казаков, убийства мирных людей. Напомним, что в рассказе нашли отражение реальные события осени 1919 года, когда мамонтовцы ворвались в провинциальный город Усмань. Принимая этот факт, следует еще раз подчеркнуть стремление писателя в ярких красках передать весь небывалый ужас, пережитый людьми. В этом рассказе автору удается показать все грани эмоционального состояния человека, находящегося перед лицом смерти.

¹Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы / рис. А. Кравченко. М.: Недра, 1928. С. 79.

²Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 42.

Размышления героев рассказа, Савелия Трифоныча и Мойши, о жизни и смерти, о правах и свободе человека, о его статусе человека и ценностях кажутся объективными, соответствующими всем нормам человеческой жизни, элементарному здравому смыслу, но поведение налетчиков расходится с этим пониманием жизни, словно у них своя правда, разрешающая убийства и беззаконие.

«Духовная деятельность может существовать и существует на уровне субъективной реальности человека»¹, то есть на уровне личностного восприятия действительности. И когда складывается картина субъективной реальности, тогда встает вопрос о справедливости и свободе, разрешение которого опять же сводится к индивидуальным качествам. Другими словами, поступки и поведение героя рассказа «Соседи» обуславливаются чертами национального характера русского человека: «Справедливость и свобода являются ключевыми ценностями русского менталитета. О постоянном поиске справедливости русского человека говорит нам вся классическая литература»². Савелий Трифоныч, размышляя о справедливости, задается вопросами: «А как думаешь, если бы нас начали бить за то, что мы русские; Ни сном ни духом не виноват, никакого преступления не делал – беги прячься, как прокаженный; А наша нация хороша? Разграбили склады и весь город поднимут с тресухой, если не уйдут, разбойники!»³. Герой, рискуя собственной жизнью, спасает еврейскую семью от казаков не потому, что он сторонник каких-либо политических убеждений, а потому что так по-человечески, по-христиански, он сам себе не простил бы, поступи иначе. Мойша, держа в руке подарок, который подарил соседу за спасение и который ему вернули, вдруг понял: «Там, в саду под яблоней, сосед Савелий Трифоныч оценил его жизнь выше своей собственной жизни, а те-

¹Хомяков В.И., Винская О.В. Парадигмы русского национального характера // Вестник Омского ун-та, 2012. № 3. С. 226.

²Хомяков В.И., Винская О.В. Парадигмы русского национального характера // Вестник Омского ун-та, 2012. № 3. С. 226.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 248.

перь вдруг понял, что своим подарком он оскорбил лучшее, что есть в человеке»¹.

Мужик, по оценке писателя, не в силах понять происходящее с точки зрения политики, осознать масштабность исторического течения, но он, отражая общую позицию простого крестьянского народа, складывает свое суждение из того, что видит, какими предстают перед ним жизнь и люди. Герой Завадовского – не деятель, а созерцатель, не участник, а очевидец. Единственное, на что направлены его мысли, так это на поиск ответов на вопросы о том, как наладить свое бытие в современных реалиях. Герой цепляется за жизнь обеими руками, но ухватить всецело ее не может: «На проклятую нашу жизнь черную тучу надо с молнией, с грозой, а потом – закон»², – восклицает героиня повести «Полова».

Показывая жизнь крестьян и саму постреволюционную деревню, которую советская власть должна привести к благоденствию, Завадовский находит в ней все больше неразрешенных вопросов. Писатель не проводит временные параллели с точки зрения того, как было «тогда» и как стало «сейчас», но он выводит на поверхность социальные, моральные, этические конфликты, появившиеся в ходе кардинального переустройства всего жизненного уклада. В этой связи характерна повесть «Полова», которой ставится женский вопрос в условиях формирования новой морали. Николаев отмечает «глубокую разработку характера главной героини, которой новые времена дали возможность осознать себя не безропотной матерью-одиночкой, а личностью, способной бороться за свои гражданские права»³. Хотя такая трактовка образа Любы представляется всё же упрощенной.

В повести действительно рассматриваются актуальные вопросы изменения роли и функции женщины в советском обществе, идеи равнопра-

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 254.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 158.

³Николаев К.Б. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 2013. С. 68.

вия полов. Главной героиней повести является девушка Люба, родившая вне брака, что в патриархальной крестьянской среде считается большим грехом и позором. Люба носит платок по-бабьи, ее ребенок спит в люльке, но рядом нет мужа. Так, правильная в традиционных ценностях жизнь Любы сломлена ее легкомысленным поступком, новыми представлениями о свободной любви. Но девушка оказалась брошенной своим возлюбленным, она зла и обижена на него и не знает, как жить дальше. Мать Любы – Арина настаивает на подаче в суд заявления в надежде получать алименты, так как понимает, что двум женщинам будет сложно вырастить ребенка, большую роль играет и желание наказать парня за поруганную девическую честь.

Со становлением советской власти, с построением новой жизни меняются ценностные ориентиры общества, мировоззрение людей претерпевает серьезные изменения, трансформируя взгляды на прежние устои. И если раньше было немыслимо, чтобы женщина потребовала от мужчины алименты, то теперь это входит в повседневную жизнь, пока еще не становясь нормой, но уже давая женщине юридическую защиту.

В доме Арины собираются женщины деревни в надежде разрешить вопрос, стоит ли искать помощи в суде. По сути, весь их разговор сводится к столкновению старых и новых представлений женщин о жизни. Разрушение устоев, которые укоренились в жизни, кажется невозможным, а независимость и самостоятельность женщины просто небывалым социальным явлением: «Спокон веку так, – мужик хозяин: и побьет, и приголубит»¹. Но рада ли женщина такой участи, отведенной ей роли: «Мы с тобой, матушка, видали, ской от старого – от закона было сладко. Будешь в каторге, праздник – в синяках. Не хотела я этого дитю своему. Думала, надеялась, по новым правилам будут жить, по добровольным»². Но все эти

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 128.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 129.

разговоры остаются лишь пересудами, на деле женщины, которые уже искали помощи у новых законов, счастливо не живут: «Ан оказалось: от старого ушли, а к новому семь верст до небес, не нашему носу»¹.

Защита суда, на которую так надеялись Люба и Арина, в целом не решает проблему, а, наоборот, делает конфликт острее, а поступки ужаснее. Тем самым фактически подтверждается старый тезис «молчать бы бабе надо»², но Арина вслед Ваське кричит, что просто так она не сдастся, все равно он будет наказан.

«Ни драма, ни роман еще не дали достаточно яркого образа советской женщины, свободной и отлично действующей во всех областях строительства социальной жизни <...> литературе следует попытаться изобразить работу и психику женщины так, чтобы отношение к ней приподнялось над общепринятым»³, – говорил Горький, выступая на первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года. К этому времени Завадовский уже написал повесть «Полова» о том, какой ценой достигалось новое прогрессивное отношение к женщине.

Вопрос о новой жизни женщины в обществе рассматривается в рассказе «Беленький домик», сюжет которого основывается на любовной драме. Герои рассказа – молодая девушка Дина и ее супруг Николай – живут в неофициальном браке. Дина пытается уверить себя в необязательности регистрации отношений, даже в абсурдности этого, хотя в душе боится осуждений: «Знаете, как-то даже неприятно подумать, чтобы идти куда-то, кому-то заявлять: вот глядите – мы любим друг друга, запишите нас в какую-то смешную книгу. Служащий посмотрит так равнодушно. Зачем?»⁴. Герой рассказа Николай Иванович обманул молодую девушку, не рассказав о прошлой жизни: «Оказывается, мой муж давно женат. В письме жена

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 129.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 128.

³Горький М. Собр. соч: в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 163.

⁴Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы. М.: Недра, 1928. С. 239.

ему пишет, что подала в суд. У него трое детей...»,¹ – плача рассказывает Дина Анне Михайловне, у которой она снимает комнату. Но подлость героя не заканчивается на этом. Николай Иванович смолчал, что болен смертельной болезнью, отчего заразилась и Дина: «Вы знаете, чем я больна?... Вот какая я теперь»². Трусливо Николай сбежал, бросив больную девушку одну: «Уехал, убежал, негодяй... надо бы каждого из них догола раздеть прежде, чем до женщины допускать... И он же, негодяй, обвиняет ее!»³ – возмущалась Анна Михайловна.

Завадовский ставит героиню в зависимое от мужчины положение, так как она искренне его любит, доверяет ему и чувствует ответственность за их будущее. Писатель выводит на поверхность лживость и пошлость отношений между людьми, тем самым показывая моральную и нравственную деградацию не только героя рассказа, но и общества в целом. Отказ от традиционного понимания института семьи, поступление всеми жизнеобразующими ценностями и принципами не привели к новому положению женщины, более того, она стала еще слабее.

После декретов «Об отмене брака», «О расторжении брака», «О гражданском браке» 1917 года происходят колоссальные изменения в представлении построения супружеских отношений. И только к концу 1930-х годов семейные ценности и нормы стали возвращаться к прежним патриархальным принципам. В 1935 году Завадовский пишет рассказ «Клевер». В основе сюжета лежат отношения между директором совхоза и его супругой Верой. Вера сразу после рождения дочери уехала в Москву учиться в консерватории, позже стала выступать и приняла решение остаться в столице. Их семейная жизнь не сложилась, герой с дочуркой в деревне, его жена с новым мужчиной – в Москве. Вера не хотела жертвовать своими мечтами, успехами, столичной жизнью ради семьи, мужа и дочери за что позднее горько поплатилась. Завадовский через страдание и слезы Веры,

¹Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы. М.: Недра, 1928. С. 241.

²Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы. М.: Недра, 1928. С. 249.

³Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы. М.: Недра, 1928. С. 248.

тихую мужскую печаль Михаила Михайловича показывает, что упразднением института семьи сделать мужчину или женщину по-настоящему счастливым невозможно.

В 1920-1930-е годы «русский менталитет подвергался насильственной ломке в связи с событиями большевистской «модернизации» и формированием в ходе нее нового, советского человека»¹. Завадовский как истинный художник не мог пройти мимо изменений патриархального мироощущения русского деревенского человека, в котором доминируют, как считали советские идеологи, устарелые и примитивные религиозно-бытовые убеждения. Подобный сдвиг мировосприятия, морально-этических позиций, а главное, перелом в крестьянском патриархальном укладе жизни показан в повести «Соломенская учительница», где основной конфликт повествования заключается в столкновении старых и новых позиций, стремлении «обозначить соотношение событий с национальными традициями, исторически сложившимися особенностями мировосприятия – национальным характером. «Слом повседневности»² – так можно охарактеризовать 1920-1930 годы в истории русского народа, по оценке Н.Н. Козловой.

В повести снова показывается Завадовским образ обнищавшей постреволюционной деревни, измученной и обессиленной. Писателю важно отразить истинное положение вещей сквозь призму восприятия самих героев: молодой учительницы Наташи Сизовой и сторожихи Васильевны. Для выявления социально-психологических особенностей героинь автор сталкивает полярные точки зрения двух женщин.

Образ сельской учительницы продиктован партийным представлением о новом человеке новой эпохи. Молодая девушка, не боясь трудностей,

---

¹Хомяков В.И., Винская О.В. Парадигмы русского национально характера // Вестник Омского ун-та. 2012. № 3. С. 224.

²Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. С. 15.

самоотверженно строит социалистическое будущее, являясь его же продуктом. Жизненные позиции и мировоззрение юной учительницы сложились благодаря идеологической пропаганде большевистской власти. Ее оппонентом выступает старая женщина Васильевна, знавшая прежнюю жизнь при царе и выступающая защитницей и хранительницей былых традиций. Васильевна, прожившая большую часть своей жизни в соответствии с другими социальными нормами, не принимает советскую логику выстраивания жизни, хотя во многом поступками старой женщины руководят страхи.

Исходя из собственных взглядов, обе женщины воспринимают действительность по-разному: Васильевна новое время рассматривает как некий финальный рубеж и собственной жизни, и жизненного порядка в целом, Наташа Сизова видит в переходной эпохе естественные трудности, на преодоление которых и должна быть направлена человеческая энергия и потенциал. Несхожесть в восприятии происходящих событий приводит к конфронтации героинь в вопросах веры и женской доли. Васильевна только после крестин проявляет душевную теплоту к ребенку учительницы: «Чаще и охотнее брала на руки, подбрасывала и приговаривала: «Веруся, агунюшки. Теперь мы настоящие христиане»¹. В то же время Наташа, придерживаясь безбожных постулатов советской идеологии, не видит необходимости крестить дочь. Также Васильевна рассказывает девушке о своей жизни с мужем, о частых побоях со стороны супруга, о почти бесправном положении жены: «У нас каждый, почитай, свою бабу бил...Крепкий на руку был... Если не по нем совершилось, так и знай: попадет по первое число. Так, бывало, свою натуру и готовишь к бою»². Васильевна помнила побои мужа, но не считала их оскорблением: «Она будто похвалялась, не стыдилась рассказывать: бил не кто иной ведь, родной человек, венчанный

---

¹ Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 312.

² Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 313.

муж»¹. Для Наташи подобное поведение безропотного подчинения кажется варварством: «Наташа задумчиво глядела на преждевременно состарившуюся бабу... Поднималось возмущение при виде покорности Васильевны»².

Писатель сознательно противопоставляет две женские судьбы, чтобы дать полную картину глубинных противоречий действительности. В словах и Васильевны, и Наташи есть своя правда, каждая находит в пользу своей позиции весомые доводы и аргументы, безоговорочно согласиться с одной из героинь не представляется невозможным. Но в повести также представлены суждения простого деревенского народа, когда он пытается понять суть советской политики: становятся очевидными нелепые страхи и бестолковое упрямство мужиков и баб, целесообразность принятых решений со стороны власти. Завадовский до последних дней работал над финалом повести, но так и не написал его, словно не смог выбрать приемлемый и для своей личной позиции, и для официальной идеологии исход этого глубинного противостояния.

«Слом повседневности» в повести проявляется также в преодолении стереотипов в сознании деревенских жителей, с которыми столкнулась молодая учительница. В период начального этапа становления советской власти новым правительством была поставлена задача ликвидации безграмотности среди крестьянского населения. Наташа Сизова как учительница должна была исполнять это поручение, но перед тем как перейти к его конкретному воплощению, нужно было еще убедить деревенский люд в необходимости учения. И именно в этот момент дали о себе знать патриархальные представления народа: «Вам-то мужикам, туда-сюда, грамота не вредна, а вот бабам на кой она, родимец»³.

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 313.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 314.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 290.

В рассказах и повестях Завадовский показывал, как мучительно тяжело и «болезненно крестьяне «рвали связи с прошлым», пытались разобраться в современной политике и самостоятельно решить жизненно важные вопросы»¹. Характерен в этой связи рассказ «Без суда», в котором писатель описывает некоторые социально-психологические особенности крестьянства. В центре сюжета – казнь конокрадов Васьки и Никиты, событие само по себе антигуманное, но писатель маркирует бесчеловечность деяния, акцентируя внимание на изображении толпы: нарядные платья, задорный смех молодежи и детей. Завадовский не упрекает в беспринципности русского человека, пришедшего вершить самосуд и «поглазеть» на казнь, но косвенно показывает и «слом» его нравственных ориентиров.

Однако писатель все же сохраняет веру в лучшие качества русского мужика. Несмотря на то, что герои рассказа переступают через главную христианскую заповедь «не убий», целенаправленно ищут того человека, который сможет стать палачом и лишить жизни вора Ваську, за это коллективное преступление извиняется старик Михеич, выполняющий функции сельского праведника: «Простите, тоже поглядеть прибежал, помутился разумом на старости лет»². Первоначально рассказ назывался «Без злобы», о чем свидетельствует телеграмма от Леонтьева: «Главлит требует без злобы назвать без суда...»³. И хотя авторский вариант более полно отражает идейный замысел произведения (в предложении главлита акцент в заглавии смещается с этического на социальный), Завадовский дал свое согласие.

«В зеленых кварталах» автор совершает еще одну попытку осмыслить особенности менталитета русского мужика, в котором удивительным образом синтезируются простота, совесть и лукавство. Главным героем рассказа является молодой человек, бывший банковский служащий

¹ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 39.

² Завадовский Л.Н. Полова: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С.94.

³ Леонтьев Б. Телеграмма Л.Н. Завадовскому // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княгининского. Папка «Переписка». Тетрадь копий писем к Завадовскому.

Алексей, нашедший душевный покой в деревне. Он убежден, что вблизи с природой, занимаясь физическим трудом и ведя простую деревенскую жизнь, человек сбрасывает с себя всю наносную шелуху, ненужные мысли и начинает по-настоящему чувствовать жизнь.

Следует отметить, что писатель создает образ героя, стремящегося к крестьянскому труду: возделыванию земли, выращиванию хлеба, работе на полях. В то время как в пореволюционной деревне вслед за трансформациями общественного сознания изживает себя русская самобытная философия ежедневного труда и на ее месте создается идея коллективизма, автор через образ Алексея пытается возродить традиционные ценности: «Важнейший нравственно-этический критерий крестьянского мировоззрения – православная вера и труд занимали центральное место в шкале ценностей русского мужика»¹.

Большую часть повествования герой находится в поле на покосе, то есть в том традиционном для русской деревенской культуры пространстве, которое отличается неповторимой, свойственной только русскому человеку, самобытностью и символичностью: «Только труд на земле, на единственно верном, как оказалось, ржаном хлебе, дает возможность чувствовать себя покойным за завтрашний день»². Но писателем показано, что «вместе с религиозной верой ушло и отношение к полевым работам как творческому, одухотворенному процессу, создающему особую психологическую атмосферу, эмоциональный подъем, ощущение радости общинного труда»³. Только где-то далеко, словно в прошлом, Алексей слышит веселые песни работающих мужиков: «Ночью над лесом виднелся свет от костров, слышались песни – в соседнем квартале косили мужики. Слышал широкую медленную песнь, как реку, бегущую мимо. Женские голоса плескались на

---

¹ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 43.

² Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 29.

³ Лебедева С.Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 43.

ровной глади мужских голосов, как серебристые рыбы»¹. Завадовский тонко, еле заметными штрихами провел грань между той патриархальной, чрезвычайно душевной и гармоничной жизнью и тотальным одиночеством Алексея, метафорически изобразив трагедию забвения прошлого и беспросветность настоящего.

Герой не перестает искренне восхищаться русским мужиком, хотя постоянно натывается на обман и хитрость с его стороны: то корову больную продали, то чужую долю выделили, то сено украли. Алексей старается защитить крестьянина, найти ему оправдание, да и не вызывают «шалости» деревенских мужиков у него злости или гнева. В финале рассказа герой понимает, что жизнь крестьянина основана на постоянных нуждах, на разрешении хозяйственных проблем: «Да он не украл, а брал для того, чтобы лошадь у него не сдохла... Да, только сейчас я понял, насколько, действительно, простая и честная, и даже кроткая жизнь на земле»².

Любовная драма в рассказе строится на выборе Алексея между женой Зинаидой Васильевной и деревенской бабой Марфой. И если Зинаида Васильевна представляет собой образ столичной дамы, не вписывающейся в общую картину не только деревни, но и провинциального города своей холодной и сдержанной манерой поведения («Белая она, ходит под зонтиком, солнца боится»³), то Марфа – босая, женщина с пылким сердцем, не раз битая мужем воодушевляет Алексея «своей силой и упрямой верой в лучшую жизнь»⁴. Алексея влекут к Марфе простосердечность, бесхитрость, душевность русской женщины, воплотившиеся в ее словах и поступках: «Бросились в глаза гладкий чистый лоб и прямые темные брови. И вся она, хотя и была в простой домотканой юбке, чем-то, не сразу от-

¹Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 70.

²Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 131.

³Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 83.

⁴Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 135.

метным, отличалась от других баб. Под пристальным взглядом вспыхнула и опустила глаза»¹.

В Марфе писателем воплощается то исконно русское, простое содержание жизни: «Ну, давай ведерко, зачерпну своей рукой для милого, чтоб с водицей ключевой тоску мою выпил. Может и приворожу тебя мимоходом»². Грусть и разочарование пронизывают героя, когда он встречает Марфу в городе в образе большевички, в котором была утеряна та неповторимая особенность ее характера: «Фабрическая теперь... Достигла своего масштаба. Делегаткой вот иду, детские ясли проверять»³, - рассказывает Марфа. «Она пополнела, подобрела, побелела и выглядела франтихой... Непривычно кололи новые слова в устах Марфы: городские, фабричные»⁴. Сожалея об утрате истинно русской тональности жизни, Завадовский пишет: «Грустно стало: вот ушла она из леса, из деревни, кто она теперь?»⁵. В ней была душа, чувственность, страсть, и все это исчезло с появлением «синей поддевки и красного платка»⁶.

«В зеленых кварталах» писатель формулирует социально-психологические характеристики героя, заключающиеся в стремлении к уходящей патриархальной жизни прадедов, воодушевлении ее традициями и ценностями. Подобный тип мировосприятия показан и в рассказе «Облачный день». Художник Николай Васильевич, разочаровавшийся в собственном отвлеченном искусстве, находит вдохновение в работе колхозников на поле во время молотбы. Невероятный эмоциональный всплеск испытывает герой при виде тяжелого физического труда здоровой, сильной женщины Василисы, русскость которой пронизывает даже ее голос, взгляд, движения. Художник решил воплотить духовную силу и красоту русской

¹Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 50.

²Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 73.

³Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 133.

⁴Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 133.

⁵Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 134.

⁶Завадовский Л.Н. Железный круг: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 134.

женщины на холсте, подчеркнув в ней национальные черты характера без советского идеологического пафоса.

Герой в своем творчестве стремится к движению, воплощающему жизнь, пытается показать в своих картинах череду мгновений. Николая Васильевича как творца интересует динамика, переход моментов, та секунда, когда меняется мимика, поэтому в картине «Каменщики» (очень индустриальное название, отражающее реалии советской действительности) художнику важна каждая деталь: «Высокое кирпичное здание... со стены падает подносчик... напрасно пытается найти опору, но падающий еще не верит в свою гибель. В глазах играет улыбка, в то время как губы уже поняли... Он еще надеется и ждет, что его разубедят в ужасной догадке»¹.

Герой находит спасение от внутренних терзаний собственной несостоятельности не только в деревенских картинах жизни, простота душевных качеств деревенской учительницы пробуждают в художнике новые силы, вселяют надежду. Николаю Васильевичу кажется, что Настя может изменить его мироощущение, оживить остывшие чувства. И девушка, действительно, открывает для художника истинную задачу подлинного искусства, которую он чувствовал, но не мог выразить: «не создание второго мира, а раскрытие старого»². Настя обратила внимание на то, что живопись должна помогать человеку чувствовать мир в его полноте: «Я мало понимаю в картинах, но те, какие я видела, всегда что-нибудь прибавляют во мне»³.

По Завадовскому, художник должен в своем творчестве акцентировать внимание на том, что ускользает от взгляда обычного человека, но что является частью его жизни и способно обогащать и внутренне менять лич-

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 220.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 219.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 217.

ность. И тут Завадовский вторит Воронскому, утверждая, что «подлинный художник в этой привычной пестроте, или в головокружительном вихре жизни, своим художественным оком, своим слухом, своим «нутром», схватывает то, мимо чего мы проходим и что не запечатлевается нами, что не приметно еще»¹.

В произведениях писатель описывает образы крестьянства и сельской интеллигенции на фоне реальных исторических событий. Особняком стоят образы русских женщин, которые оказались наиболее подверженными драматическим последствиям «слома повседневности». Образы героев закончены, их социально-психологическая характеристика уникальна. Завадовский в «деревенском» цикле обращается к осмыслению корневых основ русского характера. При этом писатель не стремится к его идеализации, а показывает, как обнажают всю его сложность и противоречивость новые, часто трагические реалии жизни. В связи с этим Завадовский не чуждается описания самых грубых, жестоких и неприглядных сторон действительности. Задача художника, сформулированная писателем в рассказе «Облачный день», - изображать мир во всем его проявлении, подмечать и запечатлевать то, что не увидели другие, в полной мере воплотилась в литературном творчестве Завадовского.

2.3. «Таежный» цикл

«В 1906 году, – писал Л.Н. Завадовский в краткой автобиографии, – опять арестован и после двухлетнего следствия осужден на 5 лет и 4 месяца на каторжные работы. В 1913 году этапом вывезен в Восточную Сибирь»². Более 10 лет каторжной жизни позднее нашли отражение в произведениях Завадовского. Он предельно точно описывал жизнь таежников, показывал их тяжелый быт, как истинный художник, создавал каждый ха-

¹Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме) // URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/270890.htm (дата обращения: 12.02.2016).
²Завадовский Л.Н.: [автобиография] // Писатели ЦЧО. Альманах. Воронеж: Коммуна, 1934. С. 5.

ракти, всматриваясь в самые темные уголки души своих героев. К произведениям, в которых показаны старатели, беглые каторжники и ссыльные в Сибири, приисковые золотоискатели, следует отнести рассказы «На белом озере» (1925), «Вражда» (1926), «В тайге» (1926), «Тунгус» (1927), «Фантастические мечты» (1928), «Игрок» (1929), «Лунная тропа» (1929), «Жена провокатора» (1929), «Мамка» (1929), «Разведка инженера Панова» (1929), «Темные ликом» (1931), «Помбурмастер» (1931), «Путник» (1929), очерк «Золотой край» (1930), а так же роман «Золото» («Великая драга») (1935). Все эти произведения можно объединить под общим названием «таежный» цикл.

В «таежном» цикле Завадовский открывает новый для русской литературы тип героя – таежника, который либо стремится в Сибирь добыть золото, либо кормится тайгой. Жизнь такого героя в определенный момент надламывается суровостью таежного края. Завадовский, создавая тип таежника, делает акцент на иррациональность его мировосприятия, трансцендентность мышления, особую сакраментальную сибирскую духовно-философскую наполненность. Художник постарался воплотить в «таежном цикле» характерных представителей Восточной Сибири в 1920-1930-е годы.

Специфика образа таежника заключается в способности героя самобытно мыслить. Часто в его внутренних диалогах и речи находит отражение особая таежная мудрость, сформированная в суровых условиях действительности. Так, Боталов – герой рассказа «Разведка инженера Панова» – понимает, что отчаявшимся артельцам нужен тот, кто ценой собственной жизни заплатит за обманутые ожидания и бессмысленный труд в поисках золота. И неважно, будет ли это инженер Панов или татарин Абдулка. Варнак – герой рассказа «На белом озере» – убежден, что один человек никогда не поможет другому. То есть таежная мудрость героев основана на жесточайшем отношении одного человека к другому, на понимании кон-

цепции «я – другой», где представление другого всегда сопровождается враждебностью и опасностью.

В «таежном цикле» Завадовским высказана мысль, что «не кормит волк волка»¹, которая проходит красной нитью через все произведения. Она фиксирует среди таежников недоверие, опасения, настороженность по отношению друг к другу. Известная концепция «*homo homini lupus est*» (лат. «Человек человеку волк») переосмыслена и переформулирована писателем в соответствии с таежной ментальностью. Вопросы человеческого антагонизма остаются ключевыми в описании внутреннего мироощущения таежников, что особенно ярко описывается художником в критических ситуациях.

Следует также точно определить два понятия: «образ тайги» и «образ Сибири», ибо Завадовский их разводит. Итак, с одной стороны, в произведениях тайга представлена как локальное пространство с определенным набором конкретных географических и природных характеристик, с другой – тайга рассматривается как мифолого-мистическая субстанция, наделенная определенными духовными свойствами.

Все произведения связываются в «таежный» цикл единым хронотопом тайги. Писатели – предшественники Завадовского – в разные эпохи писали о тайге и таежной жизни, акцентируя внимание на самобытности героев, а также на самом описании силы и мощи тайги. Завадовский же стремился подчеркнуть в образе тайге сакрально-мифологическую составляющую. Несмотря на многоплановость этого образа внутри цикла, в самих произведениях сохраняется общая тенденция понимания образа тайги как миротворяющего и миропределяющего.

В рассказе «Лунная тропа» тайга наделяется душой, неким сознанием, тем самым становясь центральным образом произведения, еще одним действующим лицом. Главные герои рассказа – Сигачев и старик-тунгус не имеют такой силы и власти, как тайга. Именно она определяет дальней-

---

¹Завадовский Л.Н. Вражда. [Рассказы]. Изд. 2-е. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 9.

шую судьбу героев. Она словно запирает Сигачева у себя до тех пор, пока он не выбрасывает добытое золото, пока не осознает суть таежной мысли, которую доносит до него старый тунгус: «Ты украл золото. Не беспокойся, тайга знает все, что творится в ней»¹. В этом рассказе тайга показана как особая живая субстанция, наделенная чувствами и сознанием, а самое главное – властью над человеком и его судьбой.

Сибирь же представлена писателем как большой край, имеющий свои природные и географические особенности, но без четкого его включения в какое-либо особое культурно-ментальное пространство.

Образ Сибири в русской литературе с течением времени изменялся. В первой половине XIX века Сибирь представлялась как «конфликтное пространство», своего рода «инопространство». Эта далекая страна существует в литературе и культуре в целой системе стереотипов»², которые были созданы К.Ф. Рылеевым, А.С. Пушкиным. Позже Сибирь осмысливается как «принципиально значимое географическое пространство России, территория, на которой явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая художественного осмысления»³. И осмысление специфики этого края местными писателями привело к тому, что Сибирь в последнем десятилетии XIX века представлялась как целостный «локальный хронотоп»⁴. И с этого момента «характерным аспектом областнического мироощущения станет восприятие Сибири как родной земли»⁵.

Многие русские писатели и в XIX веке, и в XX веке обращались к образам Сибири в своих произведениях. А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, позднее В.П. Астафьев по-своему представляли и осмысливали образ Сибири и сибирские темы. Завадовский создает свой «таежный» цикл в то время, когда сибирская региональная литература раз-

¹ Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935. С. 7.

² Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. М.: Флинта, 2014. С. 50.

³ Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. М.: Флинта, 2014. С. 51.

⁴ Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. М.: Флинта, 2014. С. 54.

⁵ Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. М.: Флинта, 2014. С. 54.

вивалась чрезвычайно активно. Рассматривая литературный процесс Сибири в 1920-1930-е годы, можно обозначить некоторые его характерные черты.

Итак, в начале 1920-х годов формируется «сибирская литература», писатели которой придерживаются совершенно уникальной идейно-тематической направленности, специфика которой обусловлена особенностями географического положения: «Произведения сибирских литераторов отличались тем, что в них был представлен тип сибиряка, характеризующийся особым сибирским характером, стойким к различным катаклизмам, к суровому сибирскому климату»¹. Также сибирские прозаики обращались к теме быта коренных народов края, описанию сибирского пейзажа, «отличавшегося не только знаковостью в изображении природных объектов, но и акцентом на особой непереносимой суровости сибирской природы»². Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в произведениях Завадовского, не относящегося формально к плеяде сибирских писателей, но знавшего ментальность края, достаточно часто встречаются темы, образы, мотивы, которые разрабатывала группа литераторов «Молодая Сибирь», положившая начало «областной» литературе Сибири в русской литературе»³.

Рассматривая особенности «таежного» цикла, стоит также отметить его идейно-тематическую близость ряду произведений Мамина-Сибиряка, посвященных сибирской тематике. Так, буквально в течение трех десятилетий в русской литературе появляются два романа с одинаковым названием «Золото», в которых Мамин-Сибиряк и Завадовский описывают схожие морально-нравственные, социальные конфликты. Более того, в произве-

---

¹Кухар М.А. Литературный процесс Сибири 20-х – начала 30-х гг. XX в.: эволюция сибирской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2006. С. 8.

²Кухар М.А. Литературный процесс Сибири 20-х – начала 30-х гг. XX в.: эволюция сибирской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2006. С. 8.

³Кухар М.А. Литературный процесс Сибири 20-х – начала 30-х гг. XX в.: эволюция сибирской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2006. С. 9.

дениях действие разворачивается в относительно одинаковой пространственной плоскости.

Близость ключевых тем двух романов очевидна, проявляется она в схожести образов, мотивов в произведениях. И в первом, и во втором романе образ золота занимает центральное место. Именно через него раскрываются характеры героев, завязываются основные и второстепенные сюжетные линии, достигают своей кульминации конфликты. И в том, и другом произведении речь идет о золотопромышленности, о тяжелой жизни старателей. Самое главное, и Мамин-Сибиряк, и Завадовский испытывают своих героев золотом, только нравственно сильная личность может устоять перед соблазном, которое воплощает золото. Следует отметить, что у Завадовского больше надежды и веры в героев, это заметно в любви Лидии, в изменениях взглядов Николая Мигалова и Мишки Косолапого и, конечно же, в финале романа. Мамин-Сибиряк более скептически смотрит на человека, сомневаясь в его приверженности общепринятым моральным ценностям. Героиня Мамина-Сибиряка бабушка Лукерья, персонаж который поначалу кажется достойным и порядочным, не смогла устоять перед золотом: «Каторга не сломала душу, а вот деньги сломали»¹.

Значительная часть творчества Мамина-Сибиряка посвящена теме золотодобычи на Урале («Старатели», «Дикое счастье», «Золотая ночь», «Злой дух», «Ната», «Старик» и другие), где писатель настаивает на разрушительной для человека и общества «власти золота». В этом смысле Завадовский наследует традиции, заложенные Маминым-Сибиряком. Обоим писателям свойственна демонстрация, «как золото разжигает низменные чувства, калечит, ведет к гибели». И хотя самобытность золотопромышленного существования «порождала постоянный «драматизм промысловой жизни»², Завадовский хранит надежду на преобладание в человеке нравственного начала, а Мамин-Сибиряк не оставляет шанса своим героям, «поч-

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото. М.: Сов. Россия, 1987.

² Сапоговская Л.В. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Урал. 2006. № 2. С. 208.

ти для всех произведений Мамина-Сибиряка характерны крайне острые, полные истинного трагизма развязки, которые далеко не всегда были жестоко продиктованы логикой характеров и событий»¹.

В рассказах Мамина-Сибиряка представлена целая галерея образов золотопромышленников и золотоискателей. Так, на страницах произведений «Дикое счастье», «Злой дух», «Золотая ночь» представлен образ опытного, толкового, знающего золотопромышленника (Брагин, Лука Шматов, Флегонт Собакин). Но наряду с ними в рассказах «На шестом номере», «Ната», романе «Золото» писатель описывает зависимых от золота людей. Старик, Борис Борисович Локотников, Родион Потапович Зыков, зараженные золотой лихорадкой, достигают психологической границы перед настоящим помешательством. Образы героев показаны автором как «случайные», которые представляют собой людей разного сословия, происхождения и даже национальностей, но стремящихся испытать свою судьбу. «В среде золотого предпринимательства было немало и так называемых «маркитантов» и «псевдозолотопромышленников», которые обогащались на спекуляциях и разного рода махинациях. Создавая такую палитру образов, вырисовывая жизнь уральских золотых рудников, Мамин-Сибиряк отмечает: «Приисковая жизнь, полная приключений <...> поджигающего риска, создала целый контингент совершенно особых людей, которых можно встретить только на золотых промыслах и которые никуда больше не годятся и нигде больше жить не могут. В большинстве случаев это самые неисправимые мечтатели и фантазеры, которые, не глядя ни на что, хотят вырвать у несправедливой судьбы свое счастье»². Эта характеристика не только максимально точно отражает суть героев Мамина-Сибиряка, но и во многом объясняет идейное содержание образов Завадовского. Но в его творчестве герой-старатель, золотоискатель составляет часть образа таеж-

¹ Сапоговская Л.В. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Урал. 2006. № 2. С. 210.

² Сапоговская Л.В. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Урал. 2006. № 2. С. 211.

ника, для которого также свойственно стремление к золоту, что во многом является доминантным элементом в создании образа. При этом основополагающим принципом возникновения и создания образа таежника следует считать его причастность к таежной организации жизни. Следовательно, золотодобыча и золотопромышленность Сибири проявляются в образе таежника как составляющие части таежной действительности. Поэтому золотоискателя, артельца, старателя возможно рассматривать в прозе Завадовского как разновидности образа таежника, как его характеристики по роду деятельности.

В зарубежной литературе начала XX века также активно поднималась тема золотодобычи, этому во многом способствовал американский писатель Джек Лондон, описавший жизнь старателей Аляски на приисках Клондайка в «северных рассказах» (сборники «Сын волка», «Бог его отцов», «Дети мороза», «Зов предков», «Мужская верность», «Белый клык» и другие). Для Завадовского и Лондона приисковая жизнь была не просто литературно-художественной темой, это была часть их личной биографии. Оба писателя в той или иной степени стали участниками золотодобычи. Лондон, заразившись «золотой лихорадкой», едет на золотые прииски Аляски, которые не принесли ему богатства, но дали для будущих рассказов самобытный в художественном отношении материал. Завадовский же в «таежном» цикле показал золотопромышленность как часть истории развития Восточной Сибири. Влияние художественного слова Лондона на писательскую деятельность Завадовского отмечается Д.В. Комяковым: «По свидетельству Варвары Сергеевны, читая свою новую вещь вслух, Леонид Николаевич еще долго спрашивал: «Ну как, заметен во мне Джек?»¹. Безусловно, художественный мир обоих писателей имеет общие черты, но нельзя говорить о подражании русского писателя Лондону.

В произведениях Лондона природа и человек находятся в жестокой схватке, условия Аляски предъявляют высокие требования, соответство-

¹Комяков Д.В. Суровый хлеб правды // Завадовский Л.Н. Рассказы. Повесть. Воронеж, 1987. С.9.

вать которым может не каждый. Но при этом именно суровость края раскрывает в герое самые лучшие стороны. Несправедливая жестокость и беспощадность жизни выступают фильтром для человеческой натуры, отсекая в ней пошлость и порочность. Завадовский не делит человеческие страсти и желания на «благородные и низменные»¹. Он более пессимистичен, уверяя, что нравственные качества иногда слабы перед человеческим пороком. Герои Завадовского лишены авантюрно-романтического начала и находятся под натиском «первобытных страстей, сила которых представлялась ему (Завадовскому. - Н.С.) чуть ли не величайшим двигателем человеческого бытия»². И если в произведениях Лондона есть мотивы благородства и сострадания, то Завадовский убежден, что подобные проявления невозможны, когда речь идет о богатстве, наживе и золоте. «И золотая лихорадка в крови, и хищная жажда наживы, и картежный угар, и обман и эксплуатация менее сильного и хитрого»³, которые показаны на страницах произведений Завадовского, «смывают тот романтический ореол, которым окружал своих авантюристов Джек Лондон»⁴. Писатель всячески подчеркивает тотальное одиночество человека в тайге, его страх перед смертью, которые сочетаются с диким желанием золота.

Образ золота является скрепляющим для большинства произведений «таежного» цикла. В произведениях Завадовского он представлен как неотъемлемая часть Сибири, тайги, нечто сокровенное и даже сакральное. Добыча драгоценного металла приравнивается к краже, а, значит, к преступлению, расплатой за которое мифологическими силами тайги назначается самая высокая цена – жизнь человека. В единственном романе Завадовского золото следует определять как центральный персонаж наряду с главными героями произведения. Вокруг него завязан основной конфликт произведения. Ради золота предают, крадут, убивают, обманывают, но

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 50.

²Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 49.

³Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем. 1933. № 7. С. 106.

⁴Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем. 1933. № 7. С. 106.

вместе с тем ради золота любят, живут, стараются изменить свою судьбу. Золото, как лакмусовая бумажка, проявляет в каждом человеке приоритетные ценности, которые и регулируют дальнейший путь героя. Но, тем не менее, писатель верил в человека, в его способность мыслить и чувствовать настоящее в жизни.

Завадовский часто представляет образ золота как самый желанный для своих героев предмет, но в то же время как совершенно недостижимый и наделенный некой сакральной силой. Писатель показывает жизнь вольных старателей, государственных артелей, простых людей, которые захвачены идеей обогащения, собственного успеха. На этом пути в большинстве случаев героев писателя сопровождают грязь, пот, кровь, нищета, голод и смерть. Завадовский безжалостен к алчным людям и не оставляет им ни единого шанса. Золото обрекает героев на самые страшные испытания, калечащие жизнь крепких, сильных мужчин.

Образ золота в произведениях Завадовского также неразрывно связан с понятиями удачи и форта. Успех артели, которая добывает много золота, считается подарком судьбы, не зависящей от человека удачей. О тяжелом труде этих везунчиков не идет и речи. Но как только описывается жизнь артели на бедной доле, то в первую очередь говорится о титаническом труде, где каждая крупинка золота добыта потом и кровью. Золото воспринимается героями «таежного» цикла как символ безграничного богатства и приводит их в состояние эйфории. Работая на приисках, они не чувствуют усталости, замороженные одной единственной целью.

Государство старалось контролировать добычу золота и активно добывало его самостоятельно. Но в революционный 1917 год добыча золота резко сократилась, золото добывалось местным населением и приезжими людьми. Только в середине 1920-х годов наблюдается тенденция развития золотопромышленности в рамках советского законодательства, организуется работа по золотодобыче, «был осуществлен переход от стихийного мелкого промысла, осуществлявшегося в золотоносных районах силами

местного населения, к первым формам его организации в виде золотопромышленных контор»¹, которые собирали процент добытого артелью золота. С 1923 по 1924 годы государству удалось таким образом получить почти 400 кг металла². Позднее для налаживания эффективной и продуктивной работы по золотодобыче государством в 1926 году было принято решение о создании государственного треста «Сибзолото», который «начал восстанавливать существовавшие предприятия, вкладывая средства в их развитие»³. И уже с 1930-х годов и до начала Великой Отечественной войны наблюдается активный индустриальный рост золотопромышленности.

В рассказе «Разведка инженера Панова» и романе «Золото» Завадовский ставит вопрос о необходимости государственного регулирования в золотопромышленности. Октябрьская революция и Гражданская война практически остановили добычу золота. В годы НЭПа государство для поддержания золотопромышленности разрешило частным лицам и самостоятельным артелям разработку месторождений золота, но с условием обязательной и полной сдачи всего найденного металла государству. Именно в это время разворачиваются события, описанные в рассказе «Разведка инженера Панова». На этапе завершения новой экономической политики государство активно вмешивалось в золотопромышленность, способствуя ее ускоренному развитию. В романе «Золото» это ярко показано. Автор за основу сюжета берет реальные события 1925 года о деятельности англо-американской фирмы «Lena Goldfields» (в произведении дается русская транскрипция названия) на приисках Алдана.

Особое место в «таежном» цикле занимают колоритные женские образы. Это Лучиха («Игрок»), («Помбурмастер»), Зинча («Вражда»), («Песнь седого волка»), хозяйка («Бурун»), Марина («Фантастические

¹Гутак О.Я. Золотопромышленность юга Западной Сибири в 1917-1950 гг: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С.18.

²Гутак О.Я. Золотопромышленность юга Западной Сибири в 1917-1950 гг: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С.18.

³Гутак О.Я. Золотопромышленность юга Западной Сибири в 1917-1950гг: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С.18.

мечты»), Галя («Жена провокатора»), Анна («Путник»), Мамка («Мамка»), Лида и Мотька («Золото»). Своеобразие и самобытность показных Завадовским женских образов обусловлены окружающей их средой, живущими рядом людьми, традициями и обычаями таежного края. Известная советскому читателю журналистка З. Рихтер в очерке «Алдан» (1928) писала о необремененности моральными ценностями приисковых женщин, процветании проституции. «Мамки» получают с артелью 250-300 рублей, кроме того подрабатывают на торговле вином и собственным телом. В Незаметном в Госбанке можно видеть «мамонок», которые переводят на родину по тысяче и более рублей»¹. Так, в рассказе «Игрок» показан образ беспринципной, алчной и жадной Лучихи. Обманом и грубой лестью она получает шкуру редкого вида лисы: «Выхватила не успевшую смерзнуться шкуру и, смахнув со стола, положила к свету. Глаза ее жадно засуетились, губы стали тонкими, ноздри вздулись, как у собаки на следу»². В ней нет женского тепла, кротости, хозяйственности. Наоборот, она выступает наравне с мужчиной, выражая свою грубую и пошлую суть.

В рассказе «Помбурмастер» Шурочка позволит себя целовать только в том случае, если Мишка будет назначен на должность помбурмастера: «Только если вы правда будете помбурмастера, Миша, – шепчет она»³ в ответ на поцелуи героя. «Снимает обручальное кольцо и надевает Мишке на палец. Она устала жить без мужа, никому нет дела, хватает ли ей на прожитие маленького жалования»⁴. Шурочка определяет любовь пылкостью поцелуев пьяного рабочего, она уверена, что «ее любит мужчина, беззаветно, преданно, не так, как техник, который только говорит, а ничего серьезного в нем не чувствуется»⁵.

¹ Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

² Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С.120.

³ Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С.274.

⁴ Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С.273-274.

⁵ Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск. т-во писателей, 1931. С.274.

Следует отметить, что писатель не показывает по-настоящему сильного и искреннего чувства любви между мужчиной и женщиной, все сведено к физиологической составляющей. Так, в рассказе «Вражда» влюбленность Зинчи привела к беременности вне брака. И хотя советское правительство декларировало отступление от прежнего религиозно-патриархального восприятия семьи, тем не менее, деревенская девушка не избежала позора. В рассказе «Фантастические мечты» свободная любовь не делает счастливыми молодых людей: «Ведь я не маленькая и знала, зачем мужчина гуляет в лесу с женщиной, но противно, что глаза у него стали такими трусливыми, когда он узнал о моей беременности»¹. Героиня по-женски несчастлива, потому что рядом не было близкого человека, ее природное понимание любви было слишком инстинктивным.

В другом русле социальных отношений показана героиня рассказа «Жена провокатора». Галина строит свою жизнь на фоне революционных событий начала XX века. Муж, увлеченный общественной деятельностью, не видит ее одиночества: «Жена для него на одну минуту – отдохнуть от дела, игрушка, не достойная понять его важные мысли»². Она бежит от мужа в далекую Сибирь к ссыльному поселенцу Александру, с которым когда-то была желанной и любимой. И, кажется, что нашла счастье, обрела покой. Но Александр, узнав, что супруг Галины – предатель, по донесению которого он и оказался в ссылке, при ссоре обвиняет ее в замужестве с его врагом. Александр «не хочет понять, как невыносимо больно и страшно это здесь, в пустыне. Жить под взглядом суровых, внимательных глаз, под шепот: «жена провокатора»³. Завадовский показывает уязвимую, одинокую и слабую женщину, пытающуюся найти свое место в жизни, но зависящую от мужчины и жизненных обстоятельств.

Героиня рассказа «Путник» Анна также показана в среде ссыльных каторжан, являясь ее неотъемлемой частью. Она сама была осуждена и от-

---

¹ Завадовский Л.Н. Вражда. [Рассказы]. Изд. 2-е. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 146.

² Завадовский Л.Н. Полова: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 139.

³ Завадовский Л.Н. Полова: [рассказы]. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 139.

правлена в ссылку в Сибирь. Несмотря на это, героиня наполнена женской лаской и теплотой, вниманием и заботой: «Совсем мало сидевшая в тюрьме, она была свежая, вся налитая, выпуклая грудь ее от дыхания волновалась и казалось – сейчас порвет тонкий ситец полосатого арестантского платья»¹. Анна не представляется преступницей, но толкает на преступление ссыльного Сафронова, которого просит бежать к ней: «Однажды Анна заботливо укутала вздрогнувшие плечи Сафронова своим халатом... Ты бежишь сейчас же, как сойдешь на берег»². Но встретившись через четыре месяца разлуки, Сафронов понимает, что она не ждала его, она беременна от другого мужчины, и он зря надеялся на любовь. Чистая, искренняя любовь, по Завадовскому, не способна существовать в условиях жестокой таежной реальности, отсюда в цикле и такой ряд женских образов, в которых преобладает грубое, вульгарное, физическое начало.

В «таежных» рассказах писатель преимущественно показывает женщину как не способную на сильное чувство, ее любовь часто сводится к природным инстинктам, которым она не в силах противостоять. По признанию самого Завадовского, «тот тип женщины, «таежной женщины», который, казалось мне, я расшифровал, мог идти именно только таким путем. Именно физиологическое начало сильно в таких женщинах»³.

В «таежном» цикле появляется новый женский образ в русской литературе – образ мамки, который яркую реализацию находит в рассказе «Мамка» и романе «Золото». По многим источникам, мемуарам, очеркам о жизни Алдана известно, что женщин в этих краях было гораздо меньше, чем мужчин. Это связано с тяжелыми условиями жизни, труда, с суровыми природными явлениями. В очерке З. Рихтер «Алдан» содержатся следующие сведения: «На Алдане на 6 тысяч мужчин приходится 600 женщин,

¹ Завадовский Л.Н. Железный круг. Рассказы. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 194.

² Завадовский Л.Н. Железный круг. Рассказы. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 195.

³ Стенограмма пленума правления Воронежского отделения Союза писателей, посвященного обсуждению творчества Завадовского // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Документы Воронежской писательской организации».

преимущественно артельных мамок»¹. Мамка – это особое положение женщины в среде старателей: «Артель имела «Мамку», женщину, на обязанности которой было приготовление пищи, поддержание в палатках чистоты и порядка, стирка белья. Мамка была полноправным членом артели, получала такой же пай золота. За штопку получала с «сынков» особую плату. Чаще это была жена какого-нибудь старателя»². Именно такая героиня показана в рассказе Завадовского «Мамка». Поля – умелая хозяйка, жена старшего рабочего, даже бедность не мешает ей создавать уют и поддерживать чистоту, кроме того, она несет в своей душе тяжелый груз прошлого, но героиня «никогда не жаловалась на жизнь... Пропал жених на фронте – не вернешь. Полюбила другого, совсем не похожего на первого, коммуниста... Да, скрывала свое происхождение, но не потому, что считала себя преступницей, а единственно из боязни потерять его. И потеряла...»³.

Поля нашла свое место, свое счастье среди далекой тайги Алдана, стала частью приисковой и артельной жизни. И такой родной ей казалась таежная действительность, что прошлое стерлось и забылось. Нарушил устроенный, трудовой быт Поли нищий работник Варыпаев (он оказался ее первой любовью – поручиком Чермезовым). Обозленный на судьбу, большевиков, которые были виновны в его жизненной драме, он убивает сына Поли, так как видит в нем воплощение победы врагов, причину своих страданий и невозможность вернуть прошлое. И на первый взгляд кажется странным, что Поля помогает сбежать Варыпаеву, но она, как никто, знает, что тайга убьет его, сведет с ума, но не простит смерть маленького Алеши. Поля также понимает, что скитания в тайге будут для бывшего белогвардейца большим наказанием, нежели расправа артельцев. Тунгусы «считали человека, бежавшего в летнюю пору, после ливня, без пищи и оружия, бе-

¹*Рихтер З.* Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

²*Сущенко И.В.* Утро золотого Алдана. Якутск: Кн. Из-во, 1981. С. 22-23.

³*Завадовский Л.Н.* Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1935. С. 24.

зумным. По их верованиям, безумец почитался священным существом. Поднять на него руку они не смели, предоставляя самой тайге сделать за них это дело...»¹.

В «таежных» рассказах» часто Завадовский показывает героиню на пике личной драмы. Женщина всегда несчастна, в ее прошлой жизни есть обязательно трагическое событие, которое изменило ее судьбу и привело в таежные леса. Отношение мужчины к женщине всегда амбивалентное. С одной стороны, таежник относится к ней с состраданием, пониманием, сочувствием, часто видит в ней душевную силу, превосходящую его собственную, но с другой – нередко проявляет незаслуженную жестокость: мужчина не только может, но он и вправе побить женщину. Героиня часто выступает в роли жертвы патриархальных стереотипов и тяжелых социальных условий таежной жизни. Характерны в этой связи отношения между Мишкой Косолапым, Мотькой и Иваном-старателем в романе «Золото», где один оставляет право героине на выбор, собственное мнение, самостоятельное принятие решения, а другой, считаясь с приисковыми порядками Алдана, видит в женщине бесправное, принадлежащее ему существо. Более того, Иван-старатель убивает Мотьку не из-за горького чувства неразделенной любви, а потому что в понимании артельцев его возлюбленная своим уходом от него опозорила мужчину.

Подобные героини-жертвы частотны и в творчестве Мамина-Сибиряка. Можно утверждать, что Завадовский продолжает традиции Мамина-Сибиряка в создании женских образов, принадлежащих сибирской и уральской действительности. Еще один образ, встречающийся в творчестве двух писателей – «образ губительницы»². Такая женщина опасна для мужчины, она провоцирует его на преступление ради собственных целей, дос-

¹Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935. С. 41.

²Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С.160.

тигнув которые, поставит его «в безвыходное неловкое положение»¹. Так было с Михалкой в рассказе «Игрок» или после первой встречи Мишки Косолапого и Мотьки в романе «Золото».

Природа, изображаемая Завадовским, близка пейзажным картинам Мамина-Сибиряка. Тайга представлена, с одной стороны, как некая мистическая субстанция, наделенная определенной враждебной силой по отношению к человеку. В этом случае тайга кажется героям заколдованным лабиринтом, откуда нет выхода. Путь к спасению открывается герою только тогда, когда он отказывается от золота («Лунная тропа», «Темные ликом» и другие). Но с другой стороны, тайга «осознается как место, дающее силы, активизирующее и проявляющее подлинную сущность человека»². Именно такие метаморфозы произошли с Михалкой из рассказа «Игрок». У Мамина-Сибиряка описано подобное преобразование в очерке «Лес»: «Действительно, Фомич в лесу ... был характерный и строгий человек, который ни одного слова не бросит на ветер и не сделает шага напрасно»³.

Говоря о природе в «таежном» цикле, следует упомянуть об образе реки. Он показан в динамике, максимально экспрессивно (здесь также можно провести параллель между произведениями Завадовского и Мамина-Сибиряка): «Горная речка продолжала бежать, мороз несколько не смягчил ее угрожающего крика... На фоне белых берегов свинцово-темная, упругая, она извивалась, как удав»⁴. Река по отношению к человеку достаточно враждебна, что ярко отражено в рассказах «Лунная тропа», «Разведка инженера Панова», романе «Золото». «Такое представление о стихии, по-видимому, восходит к архаическому представлению, что для

¹Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (108). С.160.

²Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка. // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (108). С. 191.

³Цит. по: Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (108). С. 191.

⁴Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935. С.4-5.

мирного сосуществования ее надо «умилостивить»¹. Бурное течение реки сводят с ума крепкого мужчину («Лунная тропа»), подводит к смертельной грани участников экспедиции («Золото»), хотя в некоторых случаях стихия все же подчиняется человеку.

Горы мало репрезентативны в произведениях Завадовского. Горный ландшафт тайги в целом не несет опасности героям, но является препятствием на пути к цели. Достаточно вспомнить движение Мигалова с караваном или дорогу к новым золотым рудникам в романе «Золото». Образ гор в произведениях Завадовского наполнен атмосферой тайны, загадки, сопряжен «с мотивом несметных золотых богатств и с мотивом испытания того, кто охотится за ним»².

Рассматривая хоронотоп «таежного» цикла, следует отметить, что Завадовский в некоторых произведениях описывает конкретное географическое пространство. Так, например, в романе «Золото» сюжет разворачивается на приисках Незаметного. К 1928 году «городок Незаметный, административный центр Алданских приисков... В Незаметном имеются все необходимые учреждения: Совет, комитет партии, профорганы, нарсуд, банки, почта и телеграф (с Якутском), даже радиостанция и нардом»³. Среди личных вещей Завадовского находится фото с приисков, на которых изображены добывание горных пород, промывка, драга. На одной из фотографий, по-видимому, снята панорама Незаметного, по крайней мере, изображение очень схоже с описанием Рихтер: «Одноэтажные деревянные домики стана вытянулись в два ряда на правом берегу ключа Незаметного... Вокруг снежные пологие склоны гор; таежный лес, покрывающий их, ближе к стану вырублен, остались лишь пни... По главной, единственной

¹ Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка. // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (108). С. 192.

² Мельникова А.В. Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // К 160-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (108). С.192.

³ Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

улице стана, по сторонам которой поднимаются снежные стены и крыши карликовых домов, тяжело ступают верблюды...»¹. Но в большинстве рассказов («На белом озере», «Лунная тропа», «Тунгус» и другие) писателем создается абстрактный образ тайги. Большинство героев на момент повествования территориально находятся вне собственного дома. Они отправляются в тайгу или, наоборот, только пытаются из нее вернуться. В этой связи дом и деревня в «таежном» цикле показаны также несколько абстрактно и неоднозначно.

С одной стороны, дом кажется герою далеким и родным уголком, где он сможет обрести счастье, тепло и успокоение. Таким, предстает рязанский дом Михалки в рассказе «Игрок». Но с другой стороны, дом может не дать ожидаемой гармонии и внутреннего согласия. Чаще всего дом и деревня кажутся героям Завадовского чужими, источающими чувство необъяснимой тревоги («Игрок», «На белом озере»). Сходство семантики дома и деревни в рассказах неслучайно, в «таежном» цикле эти локусы максимально близки.

Особым воплощением образа дома в произведениях Завадовского является зимовье. С одной стороны, оно олицетворяет для таежников спасение, там можно найти пропитание, укрыться от суровой погоды. Но, с другой стороны, давая кров, оно несет угрозу для таежников: можно встретить нежданных гостей. Например, в рассказе «Вражда» основной конфликт возникает именно в зимовье. Таежник, добравшись до зимовья, встречается с беглым каторжником, который не захотел делить кров с кем-то еще.

В прозе Завадовского категории времени и пространства играют важную роль в описании душевно-психического состояния героя. Время замедляет свой ход, если герой находится на грани душевного упадка, когда оголен буквально каждый нерв. Так было с Сигачевым, Геннадием Фе-

---

¹ *Рухтер* 3. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

доровичем, Жоржем. Другие таежники постоянно торопят время, боясь упустить счастливую звезду в поисках и добыче золота.

В «таежном» цикле герои часто находятся в пути, который предстает всегда как опасный и долгий, но наполненный надеждами. В романе «Золото» Завадовский практически пересказывает историю о теркандинском золоте, изложенную З. Рихтер в 1928 году. Вот как описывает события советская журналистка: «...Со всех приисков туда двинулся народ... Дороги никто не знал, шли наугад по засекам. К концу месяца пути продовольствие у всех вышло...»¹. Завадовский в романе следующим образом описывает этот же эпизод: «Половина ушедших на Терканду блуждала по зимней тайге без троп, без надежд. Счастливец с богатым запасом сухарей было немного. Люди шли тихо не только потому, что были слабы от голода, но и от того, что не знали, куда идут»². Записанную Рихтер трагедию Завадовский художественно оформляет и включает в роман. Писатель показал, как распространялись слухи о богатых золотом местах: «Теркандинца напереерыв приглашали в соседние бараки»³, где он снова и снова врал о несметном богатстве, небывалых запасах золота.

Автор романа стремится передать тяжесть и суровость пути, нестерпимый голод, который заставляет героев думать о каннибализме, лишь бы добраться до золота: «Более благоразумные повернули назад, но большинство, думая, что их хотят обмануть, чтобы потом, запасшись продовольствием, самим снова вернуться за оставшимся золотом, продолжали путь»⁴. Люди, измученные дорогой, стоившей многим жизни, приходили в гиблое место: «На Терканде не было ни продовольствия, ни золота»⁵. В романе

¹Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

²Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 345.

³Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 343.

⁴Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

⁵Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

согласно русской фольклорной традиции дорога предстает враждебным для человека пространством, которое способно деформировать личность. Например, Завадовский описывает страшные, необратимые перемены в душе Жоржа Соломатина, которые произошли с некогда удачливым и лихим старателем в результате движения по дороге к ложному золоту. Путь в Терканду не только Жоржа изуродовал физически, но и убил в нем все человеческое. В этом же ключе ведет свое повествование и Рихтер, рассказывая, что на пути из Терканды один старатель бросил жену и ребенка и, обезумевший, преследовал тунгусов-кочевников, которые подобрали дитя. Завадовский делает однозначный вывод: таежная дорога физически и нравственно калечит, лишает рассудка, убивает заблудших.

В то же время писатель восхищенно пишет о бескрайних просторах сибирского края, суровых погодных условиях, безлюдности и таинственности таежных лесов: «Велики таежные пространства! Редко след одного пересекал след другого. Редко случались встречи среди темных лесов»¹. Путь в этом пространстве представляется бесконечным, а человек малым и слабым перед могуществом природы. Завадовский иногда сталкивает в борьбе стихию и человека. Дорога на прииск Терканды для Жоржа стала роковой ошибкой («Золото»), опасный путь до золотородных мест проходит артель Боталова («Разведка инженера Панова»), Сигачев останавливается на полпути, не найдя в себе силы двигаться дальше («Лунная тропа»), Геннадий Федоров и Михалев рискуют жизнью, выбираясь из тайги («Темные ликом»). Почти в каждом рассказе герои Завадовского совершают нечеловеческие усилия, двигаясь по дороге к спасению или к гибели.

Мотив пути в «таежном» цикле связан с образом вожака: «Не знаю, приходилось ли вам на приисках слышать о профессиональных «вожаках», по большей части – авантюристах, которые умеют убедить старателей,

---

¹Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 345.

будто знают такое место, где есть золото»¹. Безусловно, вдохновленные легкой добычей, несметными богатствами старатели верят рассказам проходимцев, собирают продовольствие и идут за вожак, за которым «ухаживают, угощают водкой. Иногда «вожаку удается таким образом месяцами водить артель по тайге, усыпляя подозрение обещаниями, что золото близко. В критический момент вожак исчезает...»².

В рассказе Завадовского «Темные ликом» в основе сюжета лежит как раз такая история. В роли вожака выступает местный жулик Дятел. Он понимает, что на приплывшей лодке Геннадия Федоровича и Михалева содержатся большие запасы продовольствия, также он видит, что торговцы ничего не смыслят в промывке золота, поэтому их легко обмануть. Дятел «серьезно без загадок предложил придержать товары, собрать небольшую артель и поработать недельку – другую на необыкновенном ключе»³. Совершенно «нетаежные» люди Геннадий Федорович и Михалев, не знавшие всех тонкостей и хитростей приисковой жизни, легко поверили в сказки вожака. Старатели, подкладывая золото в пустую деляну, ели и пили за счет торговцев и, украв напеченный хлеб, бросили Геннадия Федоровича и Михалева среди тайги. Так, без еды, не зная дороги, не доверяя друг другу, они должны были выбираться из тайги. Для нетаежника это было почти невыполнимой задачей, грозившей смертью.

Не всегда вожак мог сбежать незаметно: «Если вожаку не удастся вовремя скрыться, над ним учиняют жесткий самосуд»⁴. Рихтер приводит в своем очерке историю, рассказанную ей извозчиком на Алдане, о том, как старику-вожаку грозила смерть от прозревших таежников: «Я стал замечать, что старатели о чем-то перешептываются, по ночам настороженно

¹Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

²Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 113.

⁴Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий. 1988. № 93 (13 мая), 94 (14 мая), 96 (18 мая), 98 (20 мая). URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

следят за стариком, чтобы не сбежал... Старатели решили во что бы то ни стало повесить старика. Однажды они уже вздернули было его на сук, но я, пригрозив им револьвером, отнял жертву...»¹. Эта история перекликается с сюжетом рассказа «Разведка инженера Панова». Панов, сам того не ведая, оказался вожаком для людей, поверивших его красочным докладам об алданском золоте. И, конечно, не найдя ничего, они также желали отомстить советскому инженеру, приведшему их в тайгу. И также Боталов, который уговорил Панова на эту экспедицию, чувствуя и свою вину, спасает Панова.

В рассказах «таежного» цикла («В тайге», «Вражда», «Тунгус», «Игрок», «Фантастические мечты») отчетливо звучит тема охоты. Завадовский был заядлым охотником. Его знание и понимание леса, повадок зверей ярко воплотились в сюжетах произведений. Их герои – часто удачливые и опытные охотники, словно сливаются с лесом, прячутся в лабазах, приболотной траве, становясь неотъемлемой частью тайги. В героях раскрывается некое чутье, схожее со звериным, помогающее настичь дичь, отсюда и суеверие в охотничьем деле. «Язык надо держать в тайге. Табун. Стабунил, язве те, наговорил вчера утресь! Не в ту сторону гонишь, куда тебе надо!»². «Калиныч лениво тер глаз. За чаем, не решаясь по охотничью суеверию говорить об удаче, начал окольными путями»³. Охотники Завадовского – умелые и основательные люди, наблюдательные и неторопливые в выслеживании зверя, их охватывает еле сдерживаемая дрожью в предвкушении решающей секунды. Следует отметить характерную деталь: герои-охотники Завадовского всегда наделяют тайгу человеческими качествами, признают мифологическое начало в природе, с уважением, как к равным себе, относятся к животным, видя их смелость и желание жить.

¹*Рихтер З.* Алдан // Алданский рабочий, № 93 (13 мая 1988), 94 (14 мая 1988), 96 (18 мая 1988), 98 (20 мая 1988) URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

²*Завадовский Л.Н.* Вражда. [Рассказы]. Изд. 2-е. М.-Л.: ЗИФ, 1929. С. 151.

³*Завадовский Л.Н.* Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С. 114.

Уже отмечалось выше, что Завадовского роднила с Новиковым-Прибоем, Перегудовым, Низовым, Ширяевым не только литература, но и любовь к охоте. В творчестве этих писателей есть рассказы об охоте, и удивительна схожесть их концепций охотничьего дела, словно художники не только охотились плечом к плечу, но и в литературе вели охоту вместе. Так, в рассказе Перегудова «На медведя» встречается то же суеверие, что и у Завадовского («А ты помалкивай... как дело обернется»¹), то же уважение к зверю («Он хитрый: увидит – не подойдет. Знаю я его повадку»²), то же предвкушение приближающейся борьбы («Бьется кровь в висках, а сердце, кажется, своим стуком наполняет весь лог. Неужели медведь не слышит биения моего сердца?»³). В рассказах Завадовского «Тунгус» и Перегудова «На медведя» целью охотников является медведь, и в том и другом произведении показана не просто охота, а борьба человека с силой природы, где смерть медведя сопровождается даже оттенком грусти, так как медведь олицетворяет собой хозяина леса, существо непоколебимое и могучее: «Так просто: две пули выжгли жизнь у лесного хозяина, который ударом лапы мог бы переломить позвоночник любому из нас. Не верится»⁴.

В произведениях «таежного» цикла частотны также образы представителей разных национальностей и народностей. В рассказах «Тунгус», «Лунная тропа», романе «Золото» Завадовский описывает коренных жителей Сибири (ороченов, тунгусов, бурят), а также китайцев и корейцев. В этой связи Рихтер в очерке «Алдан» писала: «На приисках работают русские, кавказцы, буряты, китайцы, корейцы...»⁵. Журналистка отметила особые способности представителей некоторых национальностей в промывке золота: «Кореец промывал в лотке золото, сидя на корточках у мут-

¹ Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 33.

² Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 30.

³ Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 34.

⁴ Перегудов А.В. Весенние зори. М.: Московский рабочий, 1966. С. 35.

⁵ Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий, № 93 (13 мая 1988), 94 (14 мая 1988), 96 (18 мая 1988), 98 (20 мая 1988) URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

ной лужи. Особыми покачиваниями лотка он подогнал золотину к самому краю, и... она оказалась у него во рту... Он так ловко подбросил и поймал золотину, что никто этого не заметил»¹. Такой ловкостью удавалось обхитрить нарядчика (управляющего), в обязанности которого входил контроль за промывкой золота. Завадовский в романе «Золото» также обращает внимание на хитрости корейцев. Автор указывает, как Федор Иванович Плаксеев в целях обмана комиссии, которая приехала на разведку, просит помощника-корейца промыть породу. По журналу данная доля должна быть пустой, без золота. Кореец без труда сливает золотые крупинки с грязью: «Члены комиссии с нескрываемым вниманием следили за каждым движением лотка в руках корейца... В лотке не раз уже промелькнули желтые крупинки, прорезав муть... но никто и не заметил их появления, как не заметил и исчезновения. Кореец спустил их незаметным движением лотка вместе с грязью»².

Завадовский в очерке «Золотой край» посвящает работающим на приисках китайцам целую главу, где отмечает, что «на Алдане если говорят о старателе, подразумевают китайца»³, так как они составляют большую половину всех старателей и готовы работать в любых условиях: «Целую зиму Незаметный курился пожегами, целую зиму шаг за шагом отвоевывали огнем у земли каждый метр и возили на себе лес, но выполняли работу, несмотря на пятидесятиградусные морозы»⁴. В романе «Золото» автор отмечает, что китайцы внутри своей артели подчинялись строгим правилам, много лишений терпели, о многом молчали. На приисках поговаривали о «таинственных исчезновениях китайцев из артелей, когда вдруг на место одного является другой, на место другого – третий, и все под одной

¹Рихтер З. Алдан // Алданский рабочий, № 93 (13 мая 1988), 94 (14 мая 1988), 96 (18 мая 1988), 98 (20 мая 1988) URL: <http://aldanlib.ru/wp-content/uploads/2015/03/aldan.pdf> (дата обращения 17.04.2015).

²Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 228-229.

³Завадовский Л.Н. Золотой край. [машинописный текст] // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное».

⁴Завадовский Л.Н. Золотой край. [машинописный текст] // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное».

и той же фамилией»¹. Китайцы курили запрещенный опиум, его же и продавали. Именно в харчевне китайца Сунн Хун-ди герой романа Мишка Косолапый встречается в наркотическом дыму белокурую Мотьку, которая торговала своим телом. В своих произведениях писатель использовал национальные гетеростереотипы в изображении китайцев, акцентировав их высочайшую работоспособность, лукавый ум.

В «таежном» цикле коренные народы Сибири (орочены, тунгусы) представлены в социальном конфликте с русскими людьми. Суть конфликта состояла в захватнической политике русских Сибири, в их стремлении переустроить и изменить таежную жизнь. И если с позиции русских людей разведка рудников, строительство поселков и соединяющих магистралей воспринимались как необходимое развитие Восточной Сибири, то местному населению эти процессы представлялись узурпаторством, насилием, которые несли гибель малым народам. Писатель не раз обращался к этому конфликту в произведениях, обвиняя русского человека в варварстве, неуважении к традициям других народов. В этом отношении показательен рассказ «Тунгус». Русские охотники забирают убитого тунгусом медведя, а тунгус даже не пытается отстоять свое право на тушу: «Да, – думал он, – бое может жить только в далекой тундре, где нет еще русских. Вот я убил свирепого медведя, без ружья, одной пальмой и ножом, кому же нужна моя храбрость? Глупый, жалкий тунгус»².

Таким образом, в творчестве Завадовского можно выделить более десятка произведений, объединенных общим тематико-содержательным компонентом и имеющих ряд схожих тем и образов, что позволяет говорить о процессе циклизации в творчестве писателя. Рассмотрение произведений в рамках единого цикла позволяет воссоздать целостную картину авторского видения сибирской жизни.

¹Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 238.

²Завадовский Л.Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С. 118.

2.4. Тип таежника: своеобразие и структура

В произведениях «таежного» цикла Завадовский представляет новый тип героя – «таежника», чья жизнь так или иначе связана с тайгой, с суровостью сибирского края. Героя-таежника Завадовского нельзя назвать каторжником с точки зрения традиционно-литературного представления, хотя писатель в некоторых рассказах намекает на ссыльное прошлое отдельных персонажей. Например, одного из героев рассказов зовут Варнак – это не имя, так называли беглых каторжников. Прозвище, данное герою еще в детстве, говорит о социальном статусе родителя. Вокруг других героев периодически появляются каторжники, но в большинстве случаев они представлены в негативном свете и даже могут представлять опасность для героев. Так, в рассказе «Игрок» Михалка аккуратно выполняет свою работу, не желая быть похожим на варнаков. А встреча с беглым каторжником в тайге может грозить смертью.

В этой связи, если рассматривать образ таежника в системе существующих героев русской литературы, то возможно проследить его явное противопоставление образам каторжников, ссыльных, поселенцев и бродяг. В то же время сложно провести явную границу между таежником и сибиряком или золотоискателем. Возникает закономерный вопрос: а стоит ли говорить о таежнике как о самостоятельном типе героя в творчестве Завадовского? В этой связи обратимся к рассмотрению сборника рассказов «Таежники» и романа «Золото».

Героями произведений являются и золотоискатели, и коренные сибиряки, и представители государственных структур на Алдане, и артельщики, и просто стремящиеся к фарту люди. То есть под определением «таежник» автор объединяет тех людей, которые в 1920-30-е годы искали счастье в Восточной Сибири на золотых приисках: «В ноябре 1923 г. население приисков составило 350 человек, а на первое октября 1924 г. 3700

чел., а на 20 июня 1925 г. уже 13387 чел. Имеются все и другие, среди них немало уголовного элемента»¹.

Своеобразие образа таежника заключается в способности героя мыслить особыми категориями. Им присущи внутренние монологи, в которых формулируются базовые принципы их бытия. Таежников объединяет общая ментальность, воспитанная и выкованная тайгой, постоянным риском собственной жизни, непосильным трудом. Мысли таежников всегда тяжелы, но, несмотря на примитивный уровень образования, они пытаются разрешить для себя сложные вопросы бытия.

Для типа таежника Завадовского характерно особое интуитивно-иррациональное восприятие действительности, понимание сакральности и специфической духовно-философскую наполненности сибирского края. Образ таежника неразрывно связан с образом тайги, который в произведениях Завадовского представлен двумя воплощениями. Как уже отмечалось, это и конкретное географическое пространство, и живое, в некоторой степени мифологическое существо, подвластное только иррациональному постижению. Именно таким мироощущением, которое основано на интуиции и инстинктах, наделены герои-таежники Завадовского.

Герой рассказа «На белом озере» старик Варнак чувствует себя в тайге лучше, чем дома. Он убежден, что человек, подобно зверю, нуждается во многом, пока у него есть силы, «зубы и острые когти»², но как только человек стареет, ему необходим только покой. Достигает ли этого покоя сам Варнак? Сидя возле костра в тайге, он размышляет о прошлом и подводит итог собственной жизни. Он вспоминает тунгуску, к которой испытывал непреодолимое влечение, изменившую ему жену Марью, которую погубил, желавшего его убить друга, которого не стал спасать в тайге от смерти. Возможно, жизнь героя сложилась бы иначе, но он своим примитивным и интуитивным восприятием действительности не мог реагировать

---

¹Назаров В. Золотой Алдан. 20-е годы...: Илин. 2002. № 2 (29). URL: <http://ilin.sakhaopenworld.org/2002-2/nazarov.htm> (дата обращения: 14.10.2015).

²Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы / рис. А. Кравченко. М.: Недра, 1928. С. 9.

по-другому. Он не «душегуб»¹, знает и желает «тепла и участия на старости лет»², но не верит людям, боясь насмешки и непонимания: «До последнего дня, который будет у каждого человека и всякого зверя, он не пойдет и не попросит места у чужого огня»³. Для Варнака мудрость и справедливость жизни заключается в простом инстинктивном желании выжить. Недоверие и страх за собственную жизнь как первичные инстинкты и есть то таежное миропонимание, которое заложено сложностью жизни. Завадовский не уподобляет таежника зверю, но часто писатель обращает внимание на то, что ему приходится жить по звериным правилам: «Темная звериность владычествует над человеческой душой – таков закон жизни»⁴.

Проблема недоверия таежника людям наиболее широко раскрывается в рассказе «Вражда», героями которого являются два молодых человека Кеха и Егорша. Поступки Егорши, когда он стреляет в тайге в спину уходящему Иннокентию, когда в деревне ослепляет Иннокентия выстрелом, когда заставляет Зинчу «скинуть» ребенка, спровоцированы трусостью и подлостью. Он калечит судьбы других людей ради спасения собственной. В этом рассказе ярко проявился сильный, грубый нрав сибирских таежников. Правосудие к Егорше приходит от рук Иннокентия. Нет закона, нет суда, есть только наказание, которое определяется самой жертвой.

Среди героев-таежников нет ни одного по-настоящему счастливого человека. В произведениях отсутствует радость и смех, но есть надрывная жизнь и доведенный до наивысшей точки психологического напряжения человек. Предательство, обман, душевные страдания и поиски верных жизненных путей свойственны судьбам таежников. Варнак страдает от собственного понимания настоящего, Иннокентий ищет справедливости, а Михалка из рассказа «Игрок» запивает свою сломленную жизнь.

¹Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы / рис. А. Кравченко. М.: Недра, 1928. С. 12.

²Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы / рис. А. Кравченко. М.: Недра, 1928. С. 14.

³Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы / рис. А. Кравченко. М.: Недра, 1928. С. 9.

⁴Левнан С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 50

Герой проиграл свою рязанскую жизнь в карты. Приехав на золотые рудники в тайгу за благосостоянием для своей семьи, он, в итоге, спустя время оказался в одиночестве пьяным на улице сибирской деревни. Среди других людей таежник кажется безвольным и надломленным. Только в тайге герой полностью раскрывается, проявляется его выдержанность, уверенность и сила. Он – опытный и удачливый охотник. В нем есть чувство собственного достоинства, выполняя заказную работу, таежник предельно аккуратен, так как не желает быть похожим на варнаков и каторжников. В рассказе «Игрок» тайга – помощница, она дает Михалке заработок, предоставляет шанс добыть редкую шкуру лисицы. Но с другой стороны, тайга и золото сгубили Михалку, словно вцепившись в него и не отпустив к семье. И та прошлая, счастливая рязанская жизнь стала платой за то золото, которое добыл герой.

Иногда Завадовский наделяет своих героев-таежников подлостью, грубостью и безжалостностью. Так, например, в рассказе «Тунгус» автор сочувствует тунгусу, который живет среди русских людей, пытается растить хлеб, да и в целом вести русское хозяйство. Русские же мужики-таежники (Василий, Калиныч, его сын) видят в бедном тунгусе недочеловека. Здесь речь идет не об уважении одного человека другим, а об инстинктивном восприятии другого человека, в данном случае тунгуса, как существа, подобного животному, зверю. Именно поэтому таежники «бросают» жир отобранного у тунгуса медведя со словами: «Ей, морда, на-ка кусочек»¹. Эти слова словно не адресованы человеку. Все передвижения тунгуса рядом с таежниками напоминают движения зверя, пса: «маленькая фигура медленно ползла на четвереньках»; «сидел на корточках и ждал конца агонии»; «тунгус мигал редкими трахомными ресницами и не смел поднять головы»; «тунгус сидел на корточках возле своих привязанных к дереву собак»². Таким образом, Иван-тунгус даже не распрямляется в при-

¹Завадовский Л.Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С. 117.

²Завадовский Л.Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С.115-117.

сутствии русских, не встает в полный рост, а, наоборот, скручивается, сжимается. Но совершенно другим кажется тунгус, когда ведет внутренний диалог о своей тяжелой судьбе, тогда он представляется мудрым и рассудительным, уверенным в собственных решениях и правильности своего жизненного пути.

Чтобы прояснить основной конфликт рассказа, стоит обратиться к истории народа эвенки, то есть коренных жителей Восточной Сибири. В 1924-1925-х годах освоение Сибири привело к антисоветскому Тунгусскому восстанию. Мотив противостояния тунгусов и русских периодически встречается в рассказах Завадовского, где писатель оставляет за героем-тунгусом право на ключевую и стержневую мысль всего рассказа, наделяет героя особой мудростью его предков.

В рассказе «Тунгус» автор с особой тщательностью и щепетильностью вырисовывает своего героя. Он занимается охотой, что являлось традиционным занятием для коренного населения и, как правило, герой охотился один: «В эвенской эпической традиции наиболее распространен сюжет об одиноком герое»¹. И тунгус Иван действительно кажется одиночкой, который противостоит не только медведю, но Василию и Калинычу. Не случаен и образ медведя в рассказе. Так, «первичным мужским образом в мировоззрении эвенков был мифологический образ предка-медведя»². Медведь не был основной целью охоты, наоборот, тунгусы с почтением относились к этому зверю. И если случалась охота на него, то она сопровождалась определенными правилами-обрядами. И в рассказе Иван говорит медведю, что его русские убили, тем самым ограждает себя от гнева: «Не серчай, амакой – старик, – шептал он, – не я тебя убил, убили русские нехорошие люди. – Так он всегда обманывал медведя, чтобы не мстил за

¹ Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 143.

² Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 179.

смерть»¹. Иван называет медведя «амакой», что значит дедушка, то есть предок, прародитель. И это не случайно: «Сюжет о родственном происхождении человека и медведя распространен весьма широко и встречается в мифологических рассказах, преданиях, эпосе эвенков и фольклоре других народов Сибири»².

В свете вышесказанного складывается картина, что Иван, убив медведя, вырвал из себя корневую опору народов Сибири. По другим источникам, в эвенском языке Верховное божество именуется Амака, что значит «хозяин душ людей, судьбы», «хозяин Верхнего мира», «счастье»³. Вообще концепт счастья у русских и у эвенков отличается. Русским человеком счастье «понимается как везение, когда счастливо складываются обстоятельства, <...> в языковой картине мира русских счастье изменчиво, неуловимо»⁴. В понимании эвенков счастье «дается человеку свыше богами Маин и Буга за правильное поведение. Чтобы получить счастье, эвенк должен следовать определенным канонам жизни, в основе которых лежит почитание и обожествление природы»⁵.

Именно культовое восприятие природы и тайги тунгусами описывается в рассказе «Лунная тропа». Старик-тунгус видит в почитании природы будущее благополучие, поэтому для него освоение и развитие Сибири является вторжением, от которого гибнет он, его семья и тунгусский род: «Было много золота в земле... А вы пришли и украли его. Вы украли пищу у солнца... Вы приносите собой спирт, табак, хлеб, порох и дробь, но берете у нас солнце»⁶. Если старик видит в изменениях Сибири только опасность, то его внук возлагает на «Большого человека»⁷ и его труд особые

¹Завадовский Л.Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. С. 116.

²Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 180.

³Мальчакитова Н.Ю. Концепт счастья в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 52.

⁴Мальчакитова Н.Ю. Концепт счастья в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 51.

⁵Мальчакитова Н.Ю. Концепт счастья в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 53.

⁶Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935. С.8-9.

⁷Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935 С.13.

надежды «о новой тайге, в которой не будет спирта, безумных от золота людей, по которой помчатся нарты без оленей»¹.

Автор произведения снова противопоставляет русского и тунгуса в рассказе «Лунная тропа». Герой произведения Сигачев – крепкий мужчина, таежник, который по каким-то совершенно неопределенным и даже мистическим причинам не может перейти реку. Ее шум, кипение, бурление сводят героя с ума, он испытывает страх перед стихией, одушевляя ее. Пассивная борьба с природой приводит таежника в полубессознательное состояние, когда грань между жизнью и смертью слишком тонка. Сигачев находит спасение только тогда, когда отказывается от найденного им золота. Тайга, приняв это золото, словно освобождает героя. Тунгус-старик со своей таежной прародительской мудростью оказывается прав: «Не беспокойся, тайга знает все, что творится в ней»².

В рассказах «Лунная тропа» и «Тунгус» герой-таежник бессилен и не защищен перед природой, стихией, тайгой. Он не до конца понимает всю сложность таежной действительности, ее совершенно уникальное наполнение. Автор в рассказах говорит о том, что люди, ворвавшись в тайгу за золотом, не думали о судьбе коренных жителей Восточной Сибири, не уважали их традиции и устои, а подобно ворах доставали из недр тайги драгоценный металл. Писатель отчасти обвиняет таежника в неудержимом и варварском стремлении добыть золото. Все герои, найдя золото, находят и свою смерть в тайге, спасаются только те, кто отказывается от него.

В рассказе «Темные ликом» описываются характеры Геннадия Федоровича и Михалева. Цель их приезда на Алдан – торговля. С поставками продовольствия в Сибирь было очень сложно, цены на товары первой необходимости завышены, часто оплата производилась золотом, поэтому для торговцев было достаточно выгодно, хотя и опасно ехать на Алдан. Геннадий Федорович от постоянных разговоров о баснословных барышах, от

---

¹Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935 С.14.

²Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл.книгоизд-во, 1935 С.7.

слухов о несметных богатствах заражается «золотой лихорадкой». «Ежедневные беседы, в которых единственной темой было золото, делали его больным. Барыши, о каких говорил лоцман, начинали казаться мизерными, переставали удовлетворять, редкие встречные плоты и лодки с золотоискателями, мелькнувшие мимо по широкой реке, казались воровскими, увозящими ограбленное у него богатство»¹. Стремление Геннадия Федоровича добыть золото становится неудержимым, приобретая признаки фанатизма. Оставив торговлю и раздраженный историями о добыче золота, он носит воду на промывку, не чувствуя усталости: «Геннадий Федорович похудел, покрылся волосами и грязью, неся вперед, почти бежал с грузом... Михалев видел, как он частенько падал в кочках или в буреломе, но сейчас же вскакивал, не затрудняясь снять с себя груза, и продолжал нестись по тропе»².

Миражное приближение золота придает Геннадию Федоровичу силы, он готов много и долго работать, но одновременно с этим возрастает его подозрительность, которая приобретает форму паранойи. Неоднозначность чувств и эмоций, смятение мыслей, искажение мироощущения – то, что порождает золото, лишают Геннадия Федоровича способности здраво мыслить, трезво оценивать сложившуюся ситуацию (местные артельцы легко обманули героев, бросив в тайге). Даже неумолимо приближающаяся смерть в тайге не заставляет его отказаться от золота. В этом рассказе наиболее ярко показана капитуляция нравственных убеждений человека перед жадой богатства, золота. Золото не только не выпускает героев рассказа из тайги, но и сводит с ума Геннадия Федоровича. Обезумевший, он ходил по тайге, «от мысли, что человек ищет его, чтобы отнять последнее золото, побежал по лесу. В нездоровом сознании смешивалось бывшее три дня назад с настоящим. В то время, как он ковылял и мотался меж деревьев, ему казалось – он лежит на ветках и чувствовал – кто-то тянет из-

¹Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 104.

²Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 133.

под головы мешок»¹. И вновь герой-таежник платит за драгоценный металл собственной жизнью. Шанс на спасение дается Михалеву только тогда, когда он начинает понимать, что золото стоит не дороже его жизни. Чтобы прокормиться в тайге, он заряжает ружье кусочками золота. Геннадий Федорович умирает в тайге страшной смертью, так и не сумев отказаться от золота, оценив свою жизнь дешевле:

Жизнь таежная – славная сказка
 Для бездомных бездольных бродяг.
 Всех нас ждет роковая развязка...
 Ну так что же, хотя бы и так².

Эту песню пели пьяные приискатели, которые с самого начала обманом завели в тайгу Геннадия Федоровича и Михалева. Зная хорошо таежные тропы, они исчезли с хлебом, золотом, бросив их умирать. Нрав местных таежников невероятно жесток, они не боятся убивать: «Только раскрой морду, только скажи слово – убью, как змею. Молчи, гад!»³. Удивляет особый цинизм и кровожадная жестокость, ведь Верзила и его приискатели ради наживы в виде еды и выпивки вели торговцев на верную смерть. Дятел, боясь таежников, обращается к приискателю: «Митя, я больной человек золотом. У них сила, могут выйти из тайги. А мы с тобой кто? Так и порем под стенкой в забое. Двадцать лет в тайге. Позабыл, какое есть жилое место»⁴.

В произведениях Завадовский не просто заставляет таежников заплатить за золото жизнью, он, в принципе, уравнивает два полярных понятия «жизнь» и «золото», где обесценивается первое и превозносится второе. В рассказе «Разведка инженера Панова» автор буквально описывает картину

¹Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 160.

²Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 131.

³Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 131.

⁴Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 141.

такой неравной с точки зрения здравого смысла сделки, когда смерть человека окупает все напрасные усилия, все неоправданные стремления, все несбыточные надежды. В рассказе сталкиваются стремления государственного представителя, затеявшего экспедицию, и таежников. С позиции инженера Панова золото нужно для дальнейшего полноценного экономического развития государства. Чтобы наладить производство по добыче золота, сделать его максимально эффективным, нужно провести трудоемкую работу, требующую финансовых и людских вливаний. Исследование таежных горных пород, разведывательные артели, освоение большей сибирской территории – все это требовало привлечения добровольцев. Инженеру Панову удалось пламенной речью на собрании заинтересовать людей.

Но если для Панова все путешествие в неизведанную Сибирь было научной экспедицией, результатом которой должны стать доказательства наличия или отсутствия золота в этом крае, то для артельщиков самым важным было обязательно найти и добыть золото. Именно на это они потратили все сбережения, оставили семьи, рисковали собственными жизнями. Таежники не собирались сдавать золото государству. Артельщикам золото представлялось как символ богатства и собственного благополучия. Воодушевленные докладом Панова, в котором многое для красного словца было преувеличено, они рискуют всем ради туманной мечты о грядущем благосостоянии.

Созданная из простых мужиков артель, преодолевшая тяжелый и опасный путь и прибывшая в тайгу за золотом, с невероятным стремлением и жадной к наживе проделывает огромную работу. И как только артельцы понимают бессмысленность своего каторжного труда, отсутствие золотоносных руд, то в одно мгновение рухнувшие мечты о близком богатстве перерастают в неуправляемую ярость.

В рассказе «Разведка инженера Панова» люди, поверив докладу Панова о богатстве золотом Верхнего Алдана, в котором многое преувеличе-

но («Преувеличение – один из главных элементов искусства. Доклад – тоже искусство. Он предполагает известное сгущение красок...»¹), отправляются в путь. И у каждого свои причины: «Есть причины и обстоятельства, которые заставили меня сюда кинуться. Двое в вузах, двое скоро поедут. Надо доводить до дела ребят. Не хочется, чтобы отца потом матюкали по-шахтерски»². Но если артельцы хотят заработать, то для Панова любой исход разведки будет результатом: «Я докажу им, какое серьезное дело сделали они для науки и для хозяйства»³, – восклицал Панов. Но артельцы преодолевали тяжелый путь на Алдан ради собственной наживы, ради золота, денег. Автор показывает, как герой-таежник, ослепленный жадой золота, теряет все человеческое. Отказаться от золота или признать свое поражение перед тайгой и судьбой таежнику представляется неприемлемым. Характерно, что, чем больше сил герой вкладывает в поиски золота, тем туманнее становятся его мысли, ему кажется, что цель близка.

Так, золото разрушает здоровое мироощущение таежников, подталкивает их к крайней точке чувства безысходности, они требуют смертельной жертвы: «...Толпа будет искать виновника и найдет его во что бы то ни стало»⁴. Таежники настолько слабы в своих человеческих утверждениях, что стараются придумать наиболее искусную и изощренную казнь для Панова, но успокаиваются смертью Абдулки, то есть не важно кто, важен сам факт своеобразного жертвоприношения. Завадовский сумел показать власть драгоценного металла над разумом таежника, ставшего для него как символом богатства и благополучия, так и знаком нестерпимых душевных терзаний.

¹Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 43.

²Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 59.

³Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 66.

⁴Завадовский Л.Н. Рассказы, повесть / вступ.ст., сост. Д.С. Комяков. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 70.

Одним из самых ярких образов в отечественной и мировой литературе является образ золотоискателя. Образ таежника неразрывно связан с образом золота. Завадовский включает некоторые черты золотоискателя в свой образ таежника, имея в виду его физическую силу и готовность к тяжелому каждодневному труду в тайге. Автор не выдумал своего героя-таежника, таковыми были реальные люди, приехавшие на Алдан за своей счастливой судьбой: «Несмотря на пепеляевские отряды, рыскавшие после революции, и набеги хунхузов, тысячи хищников-вольностарателей бросились по следам экспедиции и расположились в крае с богатейшими недрами»¹. Во многих «таежных» рассказах действие происходит в прииске Незаметный, прошумевшем своими богатствами на всю страну и привлекавшем немало разного люда. С Незаметного начинается богатый золотом Алдан.

Именно реальную историю возникновения, развития Незаметного и становления в нем советской власти Завадовский берет за основу сюжета в романе «Золото»: «Охваченные слухами об алданском золоте, люди шли торопливой походкой, молчаливой вереницей <...> Новым жителям не хватало места; в долинах, рядом с серыми бревенчатыми хижинами, вырастали палатки из парусины, мешковины и матрацного полосатого тика. Вместе с новыми пришельцами явилась безработица»². Герои-таежники показаны Завадовским как рядовые артельцы, которые вдохновились идеей быстрого богатства. Веря в собственную удачу, они пришли в Сибирь добывать золото. И если кто-то действительно «фунтил» (то есть отмывал по фунту золота ежедневно), то кто-то, наоборот, оказывался в нищенском положении, так и оставался «запертым» в тайге. С этой позиции, в первую очередь, можно рассматривать главных героев романа «Золото» Николая Мигалова и Мишку Косолапого – крепких, сильных, здоровых мужчин, чьи жизни проходят на приисках Алдана. Их можно назвать таежниками,

¹Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 118.

²Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 249.

поскольку они знают власть тайги над человеком и не мыслят свою жизнь вне ее.

Говоря о Мигалове и Косолапом, интересно проследить их личностную эволюцию. Под воздействием жизненных перипетий, они начинают чувствовать потребность в ощущении и понимании собственной важности и значимости, что, конечно, дает им силы для духовно-интеллектуального роста. Осознание собственной нужности в создании новой действительности, чувство ответственности выводит героев из привычной им среды. Критик Левман отмечал: «Мигалов и особенно Мишка Косолапый – это уже новые люди Севера, те самые советские люди, которые призваны преодолеть дикую таежную вольницу и построить на месте ее советскую золотую промышленность»¹. Такое понимание образов героев может иметь место, Мигалов и Мишка, действительно, стали участниками создания новой жизни на Алдане. Но новая она не только потому, что советская, а потому, что она впервые начинает упорядочиваться и стабилизироваться, переходит от природных инстинктивных принципов существования к цивилизованному образу жизни.

Некоторые критики (Левман, Комяков, Саранцев) видят в образах Мигалова и Мишки представителей советского человека, объясняя их перерождение участием в социалистическом строительстве. Но, во-первых, ни один поступок героев не основывается на советской идеологии, они никак не пропагандируют советское восприятие жизни. Центром их всех размышлений и переживаний оказывается человек, его жизнь, условия существования. Мотивацией героев в принятии решения становится желание улучшить жизнь артельцев. Мигалов понимал, что акционерное общество «Лена-Голдфилдс-лимитед» фактически забирает золото у старателей, лишая их возможности хоть какого-то заработка: «Будут черпать семнадцатифунтовыми черпаками своей драги наше золото, за которое убивали в двенадцатом, в семнадцатом, в восемнадцатом и так далее... Надо было

---

¹Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 52.

действительно остаться на прииске, не убегать, а смотреть за ними, следить за каждым их шагом»¹. Чувство несправедливости захватывает героя. Золото, которое отстаивали ценой собственной жизни в 1912 году, теперь отдано в чужие руки. И единственное оружие, которое есть у него против концессии, это газета, где он обличает недобросовестную работу «Лена-Голдфилдс». Во-вторых, эволюция героев происходит не от понимания ими советской идеи, а на основе чувства собственной душевной незавершенности. Только трагедии личной жизни заставляют героев переосмыслить свое существование, принять судьбоносные решения. И, в-третьих, в романе уже есть образы советских людей, комсомольцев: Пети, Поли, Шепетова. Критики, говоря об их героизме и бесценном вкладе в создание новой жизни на Алдане, восхищаются партийной деятельностью героев: «Этих людей немного в огромной разноликой массе шахтеров, старателей, но жизненная правда на их стороне. Вместе с шахтерами они стойко переносят тяготы и лишения»². Но Поля кажется наивной молодой девушкой, Петя – влюбленным юнцом, который даже со своими эмоциями не может справиться, а Шепетов – просто несчастный человек, скучающий по семье в далекой Сибири. В этих героях нет нарочитой и подчеркнутой идеологичности, Завадовский обращает больше внимания на их душевные качества. И все их социалистическое строительство сводится к разрешению собственных конфликтов, любовных перипетий. Писатель показал героев незначительными, поверхностными и даже безучастными на фоне происходивших перемен.

И только таежники (Мигалов, Мишка Косолапый, Лидия) в действительности делают жизнь золотоискателей лучше. Нравы приисковых таежников были не по-человечески суровы: убийства, людоедство, исчезновения были характерными происшествиями: «Счастливая промывка породы приносит тугой мешок с золотым песком. Но тотчас же начинается новая

¹Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 48.

²Саранцев А. Предисловие // Завадовский Л.Н. Золото / Л.Н. Завадовский. Воронеж. 1967. С. 7.

«промывка» золота – спиртом, картежной игрой»¹. Будь на месте советской власти другая организующая система приисковой жизни, результат был бы тот же.

В очерке «Золотой край» Завадовский описывает приисковую жизнь с разгульным пьянством, нарушением закона, объектом критики писателя становится и несовершенство государственной организации, зачатки которой легко обходят таежные обыватели: «Это застава. Ищут контрабанду: у едущих и идущих с Амура – опиум, у движущихся с приисков – золото. Непонятно, почему отбирают спиртные напитки, когда совсем недалеко Незаметный с бочками спирта... И опять непонятное явление: никаких квитанций взамен отобранного не выдается. Никакого контроля работников заставы нет»². На приисках существовали люди, которых называли «спиртонос», у Завадовского целая глава посвящена этой профессии, ее представители должны добыть спирт и доставить его туда, где он запрещен: «Спиртонос – это таежный волк. Он тянет носом запах поживы – зоркими глазами всматривается в таежные дебри»³. В этом образе Завадовский показывает слияние тайги с человеком, проявление истинного таежного существа: «Его след пройдет по девственным мхам, замнет ветку там, где бродят одни медведи, отпечатает на топком берегу дикого ручья, где пьют чистую воду лишь сохатый и олень. Он, как охотник, чуток, смышлен в чтении следа и чувствует себя хозяином в тайге. Он дерзкий, «рысковый» делец, с психологией первобытного купца-грабителя и воина»⁴. Ни его ли черты воплощены в героях-таежниках, только у одних цель – спирт, у других – золото. Весь неповторимый колорит этой жизни возник благодаря только единственному желанию человека к золоту. И в том слабость и

¹Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем. 1933. № 7. С. 107.

²Завадовский Л.Н. Золотой край // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное». С. 61.

³Завадовский Л.Н. Золотой край // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное». С. 150.

⁴Завадовский Л.Н. Золотой край // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное». С. 150.

порок героя-таежника, и авантюрная симфония приисковой Сибири, которая играет на струнах души и покоряет своей мощью и всевластием.

С другой стороны, следует выделить героев, представляющих советскую власть на золотых приисках. Речь идет о Федоре Ивановиче Пласкееве, муже Лидии, и Тин-Ринке, русском англичанине, управляющем от «Ленаголдфилдс». Герои представляют собой «образ служащих сибирских золотых промыслов»¹, на этот же путь встанет и Жорж Соломатин, да и Николай Мигалов на первых страницах романа занимал должность младшего смотрителя.

Анализ художественных произведений, официальных документов, дневниковых записей, позволяет сделать вывод о том, что «самыми одиозными среди служащих золотых промыслов были те, в обязанность которых входил надзор за рабочими, контролирование процесса добычи золота»². Завадовский не опровергает этого суждения, Мигалов в начале романа показан малообразованным, ворующим золото, грубым и несдержанным человеком. Так и Жорж, став смотрителем, активно берет взятки, пропивает все свои доходы и ведет далеко не праведную жизнь. В конце романа с героями происходят значительные изменения. Это связано с тем, что на приисках «стал исчезать старый тип приискового служащего – грубого до невозможности, не бывшего в состоянии двух слов сказать без ругани, всегда полупьяного и ни о чем, кроме водки и удовлетворения чисто животных потребностей, не думающего»³. Эти слова наиболее точно описывают отца Лидии (старого опытного служащего) и от части Жоржа, на смену которым и пришли Федор Иванович Пласкеев и Тин-Ринк. Они в меру своих сил образованны, не ведут праздный образ жизни, заняты постоянно рабо-

¹ Румянцев П.П. Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX– начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 106.

² Румянцев П.П. Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX– начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 106.

³ Румянцев П.П. Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX– начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 107-108.

той. Федор Иванович был самым высшим звеном в иерархии служащих – управляющим приисков, а значит самым порочным. Порочность образа Пласкеева заключалась не только в его подлости, но и в самоопределении себя «неограниченным властелином прииска, никому не дающему отчета в своих действиях по прииску... он присваивает себе способность мыслить, только он один и может рассуждать на прииске»¹. К этому же типу подлеца с такими чертами характера, как подлость и бесчестность, можно отнести и Тин-Ринка. Они не являются таежниками, так как в их характерах нет той простой мужицкой мудрости, характерной для героев-таежников. Они не сильны физически, не пристрастны к золоту.

О таежниках Завадовский пишет так: «Таежные люди, здоровые, сильные, отобранные, просеянные, как зерно для сева в каменистый суровый грунт»². И, действительно, именно такие герои встречаются в его прозе, они противостоят сибирской тайге, готовы к тяжелейшему труду, крайне суровым жизненным условиям. Поэтому их отчаяние кажется катастрофичным, их слабость воспринимается более трагично. В этом отношении примечателен образ Жоржа Соломатина, героя сломленного собственными желаниями богатства: «Он не мог осмыслить своего падения, не желал и не умел присмотреться к жизни. Просто считал, что счастье временно отвернулась от него»³.

Саранцев утверждал, что «неизлечимая страсть к частному старательству, к наживе, резко выраженный индивидуализм»⁴ привели к нравственной гибели Жоржа Соломатина. Левман пишет, что Завадовский «развенчал романтику «индивидуальной свободы» в лице Жоржа Соломатина»⁵. Другими словами, по оценке критика, трагедия этого героя в том, что

¹ Румянцев П.П. Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX– начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 108.

² Завадовский Л.Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1935. С. 25.

³ Завадовский Л.Н. Золото: роман / предис. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 382.

⁴ Саранцев А. Предисловие // Золото / Л.Н. Завадовский. Воронеж. 1967. С. 8.

⁵ Левман С.С. Творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 52.

он не принял советскую действительность. Но как быть с необузданным желанием к золоту, духовным истощением, деградацией личности? Советская социальная система не принимала проявления любой формы индивидуализма, поэтому Соломатин остался за бортом могучего коммунистического корабля. Трагедия героя гораздо сложнее, он «остаётся до конца верен безостановочной погоне за деньгами»¹. Герой преодолел могущество тайги, победил смерть, но восстановить в себе духовное начало так и не сумел. Это тот герой, для которого самым печальным исходом было бы спасение. В этом образе Завадовский показывает таежника как раба золота, как слугу собственной алчности. Писатель обнажает все гнетущее отчаяние когда-то здорового и крепкого мужчины, который не находит себе места в новых советских условиях Восточной Сибири.

В предисловии к изданию романа «Золото» И. Смирнов утверждает, что «роман «Золото» является завершающим этапом работы Завадовского над сибирской тематикой»². В целом с этим можно согласиться, но вызывает сомнение определение «сибирская тематика». Дело в том, что писатель почти не оперирует понятием «Сибирь», в его произведениях встречаются только слова «тайга», «таежный», «таежник», «таежная жизнь», «таежный люд». Это обстоятельство является еще одним из оснований для выделения в творчестве Завадовского «таежного» цикла и уникального типа героя – «таежника».

О героях Завадовского в этой же работе Смирнов отмечал: «Написанные до этого рассказы о золотоискателях, о мужественных и сильных людях сибирской тайги, бесстрашно борющихся с суровой природой, были как бы эскизами, пробными набросками к созданию большого развернутого полотна о людях суровой романтической Сибири»³. Но здесь следует отметить, что герои в рассказах, предшествующих роману и относящиеся к «таежному» циклу, на самом деле индивидуальны, все образы закончены,

¹Егин В.Н. От золотой лихорадки к великой драге // Подъем. 1933. №7. С. 107

²Смирнов И. Послесловие // Завадовский Л.Н. Золото. Липецк: Кн.изд-во, 1960. С. 381.

³Смирнов И. Послесловие // Завадовский Л.Н. Золото Липецк: Кн.изд-во, 1960. С. 381.

среди них нет явного прототипа какого-либо героя романа «Золото». И только в целостном постижении рассказов и романа живописно вырисовывается реальная картина жизни и мироустройства таежников в Восточной Сибири в 1920-1930-е годы.

В «Помбурмастере» писатель рассказывает о жизни рабочих на Незаметном, о чем думают, мечтают, к чему стремятся люди, по разным причинам попавшие в далекую Сибирь. Завадовский подробно описывает бытовую сторону жизни с ее шумными, пьяными и бессмысленными разговорами и бестолковой суетой. В основе повествования лежит реальное событие. Во время поездки в Якутию Завадовский встретил Первомай на приисках, среди старателей и горных рабочих: «Разноплеменная, разноликая толпа, принаряженная для праздника... с трибун выступают... оркестр подхватывает возгласы ораторов, приветствующих трудящихся всего мира... С митинга толпа торопится по домам, по баракам. Несмотря на запрещение торговли спиртом – на улице уже блуждают блаженные лица... за столом, уставленным бутылками, поет жиденьким голоском неразборчивую протяжную песнь и требует поддержки. Кто-то уходит, кто-то приходит, все пьяные в лоск...»¹.

Тайга, ее мощь и сила, жизненное кипение дают главному герою прозрение, понимание самого себя, своего места в жизни: «В первый раз пришло на ум, что он, Мишка, там, на Незаметном, со своими стишками и спиртом совсем другой человек, чем здесь, на Куронахе... старший рабочий, настоящий, здоровенный молодец»². Таежный труд словно обновил героя, превратил в настоящего таежника, вытолкнув его не только из пьяной квартиры брата на Незаметном, но и из пьяных вечеров в ресторанах, где когда-то он играл на кларнете.

В создании образа таежника Завадовский придерживается принципа реализма, используя в качестве фона конкретные исторические события.

¹Завадовский Л.Н. Золотой край // Усманский краеведческий музей им. Б.П. Княжинского. Основной фонд. Папка «Неразобранное». С.113.

²Завадовский Л.Н. Таежники. Рассказы. М.: Моск.т-во писателей, 1931. С. 281-282.

Писатель видел изнутри приисковую жизнь, был вдохновлен и очарован старателями, золотоискателями и таежниками, их силой и страстями. Все это в сумме придает повествованию жизненное восприятие. Многие действительно взято из жизни и для наибольшего обличения изъянов и пороков человека и его души доведено до предельной грани. Многочисленные мемуары, очерки, дневниковые записи, официальные документы подтверждают реальность той жизни, которая описана Завадовским на страницах произведений. В связи с этим есть основания полагать, что герои-таежники впитали в себя наиболее характерные черты обитателей тайги и золотых приисков 1920-1930-х годов.

К произведениям, в центре которых стоит герой-таежник, следует отнести рассказ «В тайге», в котором появляются образы детей. Три мальчика, умело обращающиеся с ружьем, идут на охоту в тайгу. Их недетская уверенность, ловкость и сила заставляют читателя забыть о юном возрасте героев. Словно бывалые таежники, они справляются со всеми препятствиями на пути домой, воодушевленно восклицая: «Ничего не надо лучше, как охотничья жизнь!»¹. Они оказываются отрезанными от дома разлившейся рекой, но даже это не может их напугать: «Хлеба хватит, рябчиков в тайге много, дров не пожжем, воду не выпьем»². Несмотря на то, что они еще дети и испытывают страх перед ночной тайгой, тем не менее премудрости таежного существования понятны им. Так, уже в детстве проявляется таежное мировосприятие, воспитывается редкий и единственный в своем роде тип людей-таежников.

Самобытность образа таежника во многом определяется моделью поведения, основанной на понимании собственного «Я» по отношению к «Другой», где первое противопоставляется второму. У героев Завадовского суть отношений «Я – Другой» заключается в противостоянии, борьбе и недоверии. Таежник всегда находится в оппозиции либо к другому челове-

---

¹Завадовский Л.Н. В тайге: рассказ. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 31.

²Завадовский Л.Н. В тайге: рассказ. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 44.

ку, либо к обществу в целом, а иногда и к жизни. «Другой» видится таежнику как «чужой», как представляющий угрозу, опасность. Антагонистическое восприятие взаимоотношений в произведениях Завадовского приводит к тому, что таежник тотально одинок. Даже на первый взгляд близкие люди являются оппонентами в определенных жизненных ситуациях, а потеря дорогого человека еще более обостряет чувство одиночества. Почти в каждом рассказе «таежного» цикла герой находится в состоянии отрешенности от общества и даже конфронтации с ним.

Подтверждая тезис об одиночестве таежника и его представлении о другом как о сопернике, враге, стоит упомянуть эпизод из рассказа «На белом озере»: «На проталине, величиной в один шаг, взад и вперед плавал лебедь... Ковыляя и волоча оба крыла, из кочек притащилась утка. Завидев воду, радостно спрыгнула в проталину и торопливо выкупалась. Но лебедь ударом клюва выбросил ее на лед. Темным комочком сидела утка, не решаясь спуститься на воду, чтобы согреться... Он (*Варнак*. – Н.С.) ждал, что вот-вот, забыв вражду, птицы прижмутся друг к другу и поделятся теплом. Но они одиноко сидели, повернувшись друг к другу спиной, вобрав головы в плечи. Замерли в ожидании ночи»¹. Эта метафорическая сцена наиболее ярко отражает характер отношения таежника и к людям, и к жизни в целом.

Таким образом, выделение типа таежника возможно на основе пространственно-временных критериев, общности ценностных и поведенческих установок героев, ориентации писателя на парадигму в изображении героев, собственно авторской терминологии, используемой в произведениях.

Таежники – это собирательный образ: старатели, золотоискатели, то есть те, кто приехал в Восточную Сибирь за удачей и фартом, мироощущение которых строится на простой житейской философии, регламентирующейся понятием совести. Образ таежника является художественным

---

¹Завадовский Л.Н. Вражда: рассказы. М.: Недра, 1928. С. 15.

воплощением нравственных, эстетических тенденций в обществе, зараженного таинственностью таежного края.

Впечатления Завадовского от ссыльной жизни (1913-1917) в Иркутской губернии и поездки в Якутию (1929) стали основой для «таежных» рассказов. В них значимое место занимают документальный, автобиографический компоненты. Писатель создал особый мир тайги, обладающий оригинальным идейно-тематическим содержанием и ярким художественно-поэтическим воплощением. Его неотъемлемыми составляющими стали характеры самих таежников, образы золота, охоты, нравственные, социальные, психологические конфликты.

За недолгую литературную деятельность Завадовский создает уникальный художественный мир. Через образы героев, их духовно-нравственные портреты Завадовский старается воспроизвести их психологию и логику бытия. Типологизация героев писателя позволяет проследить художественное миропонимание и мироощущение самого писателя. Герои Завадовского максимально приближены к жизни, реалистично зафиксирован ход их повседневной жизни со всеми проблемами, препятствиями и трудностями.

«Важным связующим компонентом цикла является единство принципов повествования»¹. Завадовский в произведениях «таежного» и «деревенского» циклов претендует на «абсолютное знание»² всех душевных терзаний и томлений, мыслей и переживаний, внутренних диалогов своих героев, так сохраняется единая манера повествования на протяжении всего цикла. Это в корне опровергает следующее представление: «Язык Завадовского слишком холоден и сух и производит порою такое впечатление,

---

¹Осипова О.И. Тенденции циклизации в прозе М. Кузьмина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №1. С. 283.

²Осипова О.И. Тенденции циклизации в прозе М. Кузьмина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №1. С. 283.

словно писатель боится рассказать все о людях, событиях и вещах, о всем виденном и познанном»¹.

По отношению к творческому наследию писателя стоит говорить именно о циклизации, нежели о сборнике (или собрании) произведений, так как цикл – это «единство, которое обнаруживается при анализе его на разных уровнях»². Детальное рассмотрение произведений Завадовского позволяет выделять «таежный» и «деревенский» циклы на основе биографического, пространственно-временного и образно-героического принципов.

---

¹Левман С.С. творческий путь Леонида Завадовского // Подъем. 1935. № 5. С. 53.

²Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2003. С. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1920-1930-е годы XX века ознаменованы социально-общественными, морально-нравственными, художественно-эстетическими катаклизмами, изменившими не только внешние проявления жизни, но в первую очередь внутреннее ее содержание. Мироустройство, претерпевая колоссальную трансформацию во всех сферах человеческого бытия, определяет новое положение человека, его функции и значимость в бурлящем историческом процессе. В литературе, словно в зеркале, нашли отражения все сложности новой жизни. Это в полной мере относится и к прозе Л.Н. Завадовского.

В творчестве писателя следует выделить три этапа. Первый этап (1923-1925) – ученический, ознаменован активной литературной учебой, началом работы в группе «Перевал». Второй этап (1926-1928) – громкое заявление писателя о себе. Именно с 1926 года начинается активное издание произведений Завадовского. В это время им создаются рассказы преимущественно провинциально-деревенской направленности. Третий этап (1929-1938) начинается с поездки в Якутию, после которой автор пишет рассказы о золотоискателях, приисковой жизни.

Для восстановления полноценной творческой биографии Завадовского не хватает документов, которые до сих пор находятся в труднодоступных архивах с грифом «секретно». Поэтому о некоторых обстоятельствах жизни писателя можно судить только косвенным свидетельствам. Путь Завадовского в большую литературу начался в 1921 году после встречи с А.К. Воронским, который заставил писателя полностью перейти на литературную работу, а «Красная новь» затем регулярно печатала произведения художника. Литературное окружение Завадовского также составляли А.С.Новиков-Прибой, А.В.Перегудов, П.Г.Низовой, П.А.Ширяев, П.С.Парфенов, Н.П.Смирнов, М.Г.Сивачев. Некоторые из них входили в литературную группу «Перевал». Среди воронежских писателей друзьями Завадовского были Н.А.Задонский, П.П.Кустов, Б.Г.Песков.

Все проявления бескомпромиссного давления советской идеологии коснулись трагической судьбы Завадовского в полной мере: неопубликованные произведения, смена настроения от восхваления художественного таланта до разгромной критики, подозрения в антисоветской пропаганде и расстрел. Писателю припоминали неудобное эсеровское прошлое, сотрудничество с «троцкистом» Воронским, цензура не пропускала в печать произведения Завадовского, критики-современники писали о его высоком литературном мастерстве и тут же упрекали за недостаточно убедительное воспроизведение классовых интересов.

И это не случайно. Завадовский часто формально следовал партийному заказу. В произведениях писателя встречаются ударники социалистического строительства: Наташа Сизова («Соломенская учительница»), Поля, Петя, Шепетов, Николай Мигалов («Золото»), но писателя интересует не их общественная деятельность, а внутренняя, духовная составляющая этих образов. Завадовский акцентирует внимание на чувствах героев, часто использует разнообразные приемы психологизма.

В соцреализме герой уверен в величии советской жизни, он горд, что является ее частью, ее носителем. У Завадовского же герой формально согласился с советскими постулатами, но духовно еще далек от них. В творчестве писателя нет ни одного героя, который бы внутренне преобразился, поверив советским лозунгам и призывам.

В соцреализме провозглашалась доступность литературы для народа, простота и понятность изложения. Этот критерий в подавляющем большинстве произведений Завадовского соблюден, герои говорят на народном языке, используя просторечия, пословицы, поговорки, крылатые выражения, диалектизмы. При раскрытии темы золотопромышленности на Алдане писатель активно использовал профессионально-производственную терминологию.

Метод социалистического реализма не был в полной мере воплощен в творчестве Завадовского. Оно не отвечало самому главному его принци-

пу – идеологическому воспитанию народных масс. Завадовский даже в кризисные 1930-е годы, будучи даже на грани обвинения в «воронщине» остается перевальцем. Авторская искренность и честность, истинный писательский талант мешают соцреализму захватить главное произведение Завадовского – роман «Золото».

Писатель продолжает традиции русской литературы, но истоки его творчества находятся в литературно-философских размышлениях Воронского. Перевальские концепции понимания личности человека как высшей ценности отражены в произведениях Завадовского, но вместе с тем писатель признавал несовершенство человека, не идеализировал своих героев. Часто коммунистическая идеология у него воплощается через изображение картин голода, нищеты, страданий, неизбежно сопровождающих перемену старой жизни на новую.

Именно трагедийное искусство есть ключ к пониманию общего настроения творчества Завадовского. Писатель без прикрас и маскировки, порой слишком прямо и откровенно, приближаясь к грани натурализма и биологизма, показывает жизнь во всех ее проявлениях. Но, тем не менее, подлинный натурализм не находит отражения в творчестве Завадовского. Он вслед за Воронским стремился к «искусству видеть мир», не менять его под своим взглядом. Современность в прозе Завадовского предстает в мироощущениях его героев в условиях трагедийного исторического времени. Писатель за основу сюжета берет существующую действительность (жизнь доколхозной деревни или быт приисковых старателей), социальный конфликт (слом старых пережитков, внедрение новой советской идеологии, изменившиеся ценности в отношениях мужчин и женщин, разрушающийся институт семьи).

Сюжетно-композиционное выстраивание текста произведения призвано выразить авторскую позицию через прием противопоставления и «сюжетной рифмы». Принцип противопоставления во многом является основополагающим в творчестве Завадовского, реализуясь на разных уров-

нях, в том числе сюжетном, композиционном и тематическом. Антитеза, оппозиция, противопоставления в творчестве Завадовского часто служат главным принципом построения образов, сюжетных линий, философской концепции произведений.

Тематическая концепция творчества Завадовского во многом основывается на биографическом принципе, то есть на тех картинах жизни, которым он был свидетелем. Как правило, в произведениях писателя пространство изображается замкнутым, лаконичным (тайга, деревня, провинциальный городок, золотой прииск), отсутствует масштабность, открытость, целостное воспроизведение образа страны.

Время в произведениях Завадовского соответствует времени творческой деятельности писателя, т.е. все события разворачиваются во второе и третье десятилетие XX века, в период становления и закрепления советской власти. Более раннее историческое время (первое десятилетие XX века) показано только в одном и неопубликованном произведении – пьесе «О террористе» («Смертник»).

В творчестве Завадовского ряд персонажей не слишком обширен, зачастую это таежник, старатель, художник, учитель, крестьянин, но рядом с ними встречаются совершенно уникальные образы. В рассказах «Тунгус», «Лунная тропа» представлены образы коренного таежного населения: тунгусы (эвенки) и орочены; в романе «Золото» – образы китайцев. Главными героями в рассказах «Бурун», «Железный круг», «Песнь седого волка» являются волки и собаки. Создавая образы героев, писатель не останавливает пристального взгляда на их портретных характеристиках или предметном окружении героя. Важна жизнь героя до момента повествования, поэтому писатель дает предысторию героя, находя в ней причинно-следственные связи с настоящим персонажа.

Образы героев выстраиваются не через детализацию их предметно-вещественного окружения, а через подробное описание деятельного процесса. Это может быть стремление к воссоединению героя с природой,

азарт артельцев в процессе добычи золота, терпение и смирение в пути стремление к истинному творчеству. Образ же автора во всех произведениях представляет собой сущность надтекстуальную, знающую мысли и намерения всех героев, находящуюся вне пространственно-временного контекста произведения.

Жанровые особенности в творчестве Завадовского проявились в преобладании в нем жанра рассказа, которые практически лишены героического или романтического начала. Писатель не вступает в идеологическую дискуссию, не комментирует политику партии, лишь констатирует ее отражение на жизни самых обычных людей.

В творчестве Завадовского наши яркое воплощение корневые основы национального характера. Писателем показан русский мужик, выживающий наперекор всему и воплощающий все сильные стороны национального духа. Завадовский наделяет каждого героя особой индивидуальной речевой манерой, использует сказовые элементы. Писатель выступает как знаток мужицкой души, современной ему национальной жизни.

Одной из особенностей творчества Завадовского стало изображение взаимодействия человеческого и звериного начал. Образ зверя (волка, собаки) и тема охоты проходят через все творчество писателя. Он иногда пытался в одном художественном пространстве сблизить звериную и человеческую натуры, чтобы лучше понять последнюю.

На основании биографического и пространственно-временного принципов, а также на основании общности героев в творчестве Завадовского можно выделить два литературно-художественных цикла: «деревенский» и «таежный», каждый из которых имеет индивидуальные идейно-эстетические особенности. Завадовский специально не стремился к созданию прозаических циклов. Циклизация творчества писателя возможна лишь в результате тематически-сюжетного анализа произведений.

Героями произведений «деревенского» цикла являются крестьяне, а также представители провинциальной интеллигенции. Их своеобразие за-

ключается в том, что они показаны Завадовским как бы на периферии общественно-политической жизни страны. В «деревенской» прозе Завадовского отсутствуют герои, захваченные конкретной идеологической борьбой, защищающие свои убеждения с оружием в руках. Писателя больше интересует социально-бытовая жизнь русского крестьянства, его психология, способность выживать во времена великих перемен.

Именно в «деревенском» цикле наиболее ярко показаны серьезные деформации, которым подверглась жизнь простого человека, разрушение его внутреннего мироустройства. В «деревенском» цикле ярко прослеживается автобиографическое начало. Художник на примере собственной жизни стремился показать катастрофичность бедственного существования провинциальной интеллигенции.

Тема семьи и супружеского счастья в творчестве Завадовского всегда наполнена драматизмом. Революция, Гражданская война мешают счастью героев. Во многих произведениях Завадовского показано, как робкое чувство любви сменяется физиологией, как формируется новая этика понимания брака, семьи, гендерных отношений.

С темой семьи и семейного счастья неразрывно связан образ женщины, который показан писателем ярко и экспрессивно. В «деревенском» цикле она почти всегда является главной героиней произведений. Завадовский пытается осмыслить процессы изменения социальной роли женщины, ее новое жизненное предназначение.

У Завадовского женщина гнется под ударами судьбы, в ней нет романтической революционной героини. Писатель обращает внимание на то, что в глобальном переустройстве национальной жизни в первую очередь пострадали институт семьи и морально-нравственный статус женщины, которая оказалась в новых условиях совершенно не защищенной. Писатель занимает твердую позицию в сохранении патриархальных нравственно-этических принципов формирования и существования семьи. В то же время Завадовский приветствует идею равноправия в гендерных отношениях,

возрастание социальной роли женщины, ее самостоятельность и независимость от мужчины.

В «деревенском» цикле Завадовского представлена обширная галерея женских типов. Помимо образов деревенской бабы и деревенской девушки («Полова», «Соломенская учительница», «Облачный день») представлены городские женщины («Клевер»), молодые учительницы («Облачный день», «Соломенская учительница»), любящие самоотверженные женщины («Бурун», «Беленький домик»). Но главным для Завадовского становится образ матери («Полова», «Соломенская учительница», «Клевер», «Беленький домик»), в котором писатель раскрывает духовное богатство женщины.

Перед героями «деревенского» цикла остро стоят вопросы будущего, которые чаще всего остаются открытыми, писатель обрывает повествование тогда, когда обстоятельства жизни героев требуют от них дальнейшего определения пути. Завадовский находится на стороне крестьянина, остро сочувствует ему, в «деревенских» произведениях нет никаких обвинений в его сторону, лишь констатируется слом в жизни героя, попавшего в страшный маховик жестокого времени. Так, образ деревни показан автором не в прошлом, а именно в ее настоящем воплощении, где особенность этого настоящего заключается в сложности и порой невозможности быстрого разрыва с исконными национальными ценностями, веками определявшими жизнь русского народа и русской деревни.

Сюжетные схемы цикла основаны на описании самого процесса изменения национального бытия после этих событий, на отражении индивидуальной переоценки ценностей и ориентиров каждого героя. Завадовского интересует в первую очередь то, как насильственное прививание властью новых принципов жизни, слом прежнего миропорядка меняет самосознание внутри человека.

Неотъемлемой частью произведений «деревенского» цикла является образ дороги, который писатель трактует в русле национальной фольклор-

ной традиции, которая оценивает дорогу как враждебное пространство для русского человека. Дом в «деревенских» рассказах Завадовского лишается внутренней сакральной сути, поскольку утрачивает свою основную функцию защиты и сохранения. В описании крестьянского дома Завадовский подчеркивает нищету и бедность как отражение и итог всех революционных преобразований в стране.

Наряду с образами крестьянства и сельской интеллигенции также в «деревенском» цикле показан представитель советской власти, который всегда является второстепенным персонажем. Образ этого героя воплощается через формализм и клишированность его поступков, действий, слов, противопоставляется крестьянам, способным на сильные эмоциональные переживания, другие индивидуально-личные проявления характера.

В «таежном» цикле Завадовский открывает новый для русской литературы тип героя – таежника, который в 1920-1930-е годы либо стремится в Сибирь добыть золото, либо кормится тайгой. Жизнь такого героя в определенный момент надламывается суровостью таежного края. Завадовский, создавая тип таежника, делает акцент на иррациональность его мировосприятия, трансцендентность мышления, особую сакраментальную сибирскую духовно-философскую наполненность.

Специфика образа таежника заключается в способности героя самобытно мыслить. Часто в его внутренних диалогах и речи находит отражение особая таежная мудрость, сформированная в суровых условиях действительности. Вопросы человеческого антагонизма остаются ключевыми в описании внутреннего мироощущения таежников, что особенно ярко описывается художником в критических ситуациях.

Все произведения связываются в «таежный» цикл единым хронотопом тайги. Завадовский стремился подчеркнуть в образе тайге сакрально-мифологическую составляющую. В произведениях сохраняется общая тенденция понимания образа тайги как мироформирующего и мироопределяющего. В рассказах тайга показана как особая живая субстанция, на-

деленная чувствами и сознанием, а самое главное – властью над человеком и его судьбой.

В произведениях Завадовского, не относящегося формально к плеяде сибирских писателей, но знавшего ментальность края, достаточно часто встречаются темы, образы, мотивы, которые разрабатывала группа литераторов «Молодая Сибирь», положившая начало «областной» литературе Сибири в русской литературе».

В диссертации подробно анализируется образно-тематическое сходство героев Завадовского, Мамина-Сибиряка, Дж. Лондона. Герои Завадовского лишены авантюрно-романтического начала и находятся под натиском «первобытных страстей». Писатель всячески подчеркивает тотальное одиночество человека в тайге, его страх перед смертью, которые сочетаются с диким желанием золота.

Герой-старатель, золотоискатель составляет часть типа таежника, для которого также свойственно стремление к золоту, что во многом является доминантным элементом в создании образа. При этом основополагающим принципом возникновения и создания образа таежника следует считать его причастность к таежной организации жизни.

Образ золота является скрепляющим для большинства произведений «таежного» цикла. В произведениях Завадовского он представлен как неотъемлемая часть Сибири, тайги, нечто сокровенное и даже сакральное. Добыча драгоценного металла приравнивается к краже, а, значит, к преступлению, расплатой за которое мифологическими силами тайги назначается самая высокая цена – жизнь человека. В единственном романе Завадовского золото следует определять как центральный персонаж наряду с главными героями произведения. Образ золота в произведениях Завадовского также неразрывно связан с понятиями удачи и форта.

Особое место в «таежном» цикле занимают колоритные женские образы. В «таежных» рассказах писатель преимущественно показывает женщину как не способную на сильное чувство, ее любовь часто сводится к

природным инстинктам, которым она не в силах противостоять. В «таежном цикле» появляется новый женский образ в русской литературе – образ мамки, который яркую реализацию находит в рассказе «Мамка» и романе «Золото».

В «таежных» рассказах часто Завадовский показывает героиню на пике личной драмы. Женщина всегда несчастна, в ее прошлой жизни есть обязательно трагическое событие, которое изменило ее судьбу и привело в таежные леса. Героиня часто выступает в роли жертвы патриархальных стереотипов и тяжелых социальных условий таежной жизни. Еще один образ, встречающийся в творчестве писателя – «образ губительницы».

Важную роль в «таежном» цикле играет образ реки, который показан в динамике, максимально экспрессивно. Образ гор в произведениях Завадовского наполнен атмосферой тайны, загадки, сопряжен «с мотивом несметных золотых богатств и с мотивом испытания того, кто охотится за ним».

Большинство героев на момент повествования территориально находятся вне собственного дома. В этой связи дом и деревня в «таежном» цикле показаны несколько абстрактно. Эти локусы в «таежном» цикле максимально близки. Особым воплощением образа дома является зимовье.

В прозе Завадовского категории времени и пространства играют важную роль в описании душевно-психического состояния героя. Время замедляет свой ход, если герой находится на грани душевного упадка. В «таежном» цикле герои часто находятся в пути, который предстает всегда как опасный и долгий, но наполненный надеждами. В то же время писатель восхищенно пишет о бескрайних просторах сибирского края, суровых погодных условиях, безлюдности и таинственности таежных лесов. Путь в этом пространстве представляется бесконечным, а человек малым и слабым перед могуществом природы. Мотив пути в «таежном» цикле связан с образом героя-вожака.

В рассказах «таежного» цикла отчетливо звучит тема охоты. Их герои – часто удачливые и опытные охотники, словно сливаются с лесом, прячутся в лабах, приболотной траве, становясь неотъемлемой частью тайги. Герои-охотники Завадовского всегда наделяют тайгу человеческими качествами, признают мифологическое начало в природе, с уважением, как к равным себе, относятся к животным, видя их смелость и желание жить.

В «таежном» цикле коренные народы Сибири (орочены, тунгусы) представлены в социальном конфликте с русскими людьми. Суть конфликта состояла в захватнической политике русских Сибири, в их стремлении переустроить и изменить таежную жизнь, неуважении к традициям других народов. В своих произведениях писатель использовал также национальные гетеростереотипы в изображении китайцев, акцентировав их высочайшую работоспособность, лукавый ум.

Для типа таежника Завадовского характерно особое интуитивно-иррациональное восприятие действительности, понимание сакральности и специфической духовно-философскую наполненности сибирского края. Завадовский не уподобляет таежника зверю, но часто писатель обращает внимание на то, что ему приходится жить по звериным правилам. Среди героев-таежников нет ни одного по-настоящему счастливого человека. Предательство, обман, душевные страдания и поиски верных жизненных путей свойственны судьбам таежников.

В создании образа таежника Завадовский придерживается принципа реализма, используя в качестве фона конкретные исторические события. Многочисленные мемуары, очерки, дневниковые записи, официальные документы подтверждают реальность той жизни, которая описана Завадовским на страницах произведений. В связи с этим есть основания полагать, что герои-таежники впитали в себя наиболее характерные черты обитателей тайги и золотых приисков 1920-1930-х годов.

Самобытность образа таежника во многом определяется моделью поведения, основанной на понимании собственного «Я» по отношению к

«Другой», где первое противопоставляется второму. У героев Завадовского суть отношений «Я-Другой» заключается в противостоянии, борьбе и недоверии. Таежник всегда находится в оппозиции либо к другому человеку, либо к обществу в целом, а иногда и к жизни. «Другой» видится таежнику как «чужой», как представляющий угрозу, опасность. Антагонистическое восприятие взаимоотношений в произведениях Завадовского приводит к тому, что таежник тотально одинок.

Таким образом, выделение типа таежника возможно на основе пространственно-временных критериев, общности ценностных и поведенческих установок героев, ориентации писателя на парадигму в изображении героев, собственно авторской терминологии, используемой в произведениях.

Завадовский в произведениях «таежного» и «деревенского» циклов претендует на «абсолютное знание» всех душевных терзаний и томлений, мыслей и переживаний, внутренних диалогов своих героев, так сохраняется единая манера повествования на протяжении всего цикла.

Таким образом, творчество Завадовского во многом отразило основные тенденции литературного процесса 1920-1930-х годов, но при этом писателю, несмотря на недолгую творческую жизнь, удалось выработать собственные уникальные приемы творчества, сформировать оригинальную образно-стилистическую систему, создать индивидуально-авторскую картину мира, в которой нашли выражение все грани выдающегося таланта Завадовского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. *Завадовский Л.Н.* Корень: рассказ / Л.Н. Завадовский // Красная новь. 1925. № 4. С.33-56.
2. *Завадовский Л.Н.* Корень: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1925. – 31 с.
3. *Завадовский Л.Н.* На белом озере: рассказ / Л.Н. Завадовский // Красная новь. 1925. № 9. С.3-9.
4. *Завадовский Л.Н.* Соломенская учительница: рассказ / Л.Н. Завадовский // Народный учитель. 1925. № 1. С. 106-115.
5. *Завадовский Л.Н.* Полова: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1926. – 63 с.
6. *Завадовский Л.Н.* В тайге: рассказ / худ. А. Кравченко // Л.Н. Завадовский. – М.-Л. Госиздат, 1926. – 84 с.
7. *Завадовский Л.Н.* Ищейка Фред: рассказ / Л.Н. Завадовский // 30 дней. 1926. № 1. С. 34-35.
8. *Завадовский Л.Н.* Матрос Пунак: рассказ / Л.Н. Завадовский; худ. Покаржевский // Смена. 1926. № 20. С. 5-7.
9. *Завадовский Л.Н.* Скула и Петька. Друзья: рассказы о животных / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1926. – С. 3-18.
10. *Завадовский Л.Н.* Вражда: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1926. – 152 с.
11. *Завадовский Л.Н.* Полова: повесть / Л.Н. Завадовский // Красная новь. 1926. № 5. С.24-56
12. *Завадовский Л.Н.* В зеленых кварталах: повесть / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1927. – С. 3-88.
13. *Завадовский Л.Н.* Провинция через 100 лет: интервью // 30 дней. 1927. № 11. С. 88.

14. *Завадовский Л.Н.* В лунную ночь: рассказ / Л.Н. Завадовский // Четыре: новые рассказы. – М.: Работник просвещения, 1927. – С. 88-123.
15. *Завадовский Л.Н.* Полова: повесть / Л.Н. Завадовский. – М.: Мосполиграф, 1927. – 63 с.
16. *Завадовский Л.Н.* Железный круг: рассказ / Л.Н. Завадовский // Красная новь. 1927. № 4. С.67-77.
17. *Завадовский Л.Н.* Никитино счастье: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1927. – 45 с.
18. *Завадовский Л.Н.* Песнь седого волка: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1927. – 176 с.
19. *Завадовский Л.Н.* В тайге: рассказ / Л.Н. Завадовский; рис. А. Кравченко,. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 82 с.
20. *Завадовский Л.Н.* Жертва: рассказ / Л.Н. Завадовский // 30 дней. 1928. № 10. С. 10-18.
21. *Завадовский Л.Н.* Перевал: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1928.
22. *Завадовский Л.Н.* Фантастическая мечта: рассказ / Л.Н. Завадовский // Воронежская коммуна. 1928. 4 апреля.
23. *Завадовский Л.Н.* Волки: рассказы / Л.Н. Завадовский; рис. Д. Горлов,. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 44 с.
24. *Завадовский Л.Н.* Вражда: рассказы / Л.Н. Завадовский; рис. А. Кравченко. – М.: Недра, 1928. – 155 с.
25. *Завадовский Л.Н.* Железный круг: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.-Л.: ЗИФ, 1928. – 218 с.
26. *Завадовский Л.Н.* Игрок: рассказ / Л.Н. Завадовский // Новый мир. 1928. № 4. С. 56-71.
27. *Завадовский Л.Н.* Фантастические мечты: рассказ / Л.Н. Завадовский // Новый мир. 1928. № 10. С.43-75.
28. *Завадовский Л.Н.* Железный круг: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.-Л.: ЗИФ, 1929. – 237 с.

29. *Завадовский Л.Н.* Вражда: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.-Л.: ЗИФ, 1929. – 219 с.
30. *Завадовский Л.Н.* Полова: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.-Л.: ЗИФ, 1929. – 250 с.
31. *Завадовский Л.Н.* Лунная тропа: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.: Недра, 1929.
32. *Завадовский Л.Н.* Полова: рассказ / Л.Н. Завадовский. – М.-Л.: ЗИФ, 1930. – 80 с.
33. *Завадовский Л.Н.* Золотой край: очерк // Русский журнал. 1930. № 10.
34. *Завадовский Л.Н.* Железный круг: рассказ / Л.Н. Завадовский // Перевальцы. М.: Федерация, 1930. С. 63-77.
35. *Завадовский Л.Н.* Таежники: рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.: Моск. т-во писателей, [1931]. – 281 с.
36. *Завадовский Л.Н.* Великая драга: роман / Л.Н. Завадовский // Подъем. 1933. № 1-12.
37. *Завадовский Л.Н.* Соседи: рассказ / Л.Н. Завадовский. – Воронеж: Коммуна, 1934. – 61 с.
38. *Завадовский Л.Н.* Завадовский Л.: автобиография // Писатели ЦЧО. Альманах. – Воронеж: Коммуна, 1934. С. 5.
39. *Завадовский Л.Н.* Лунная тропа: рассказы / Л.Н. Завадовский. – Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1935. – 139 с.
40. *Завадовский Л.Н.* Золото: отрывок из романа // Даешь ток. 1935. 16 августа.
41. *Завадовский Л.Н.* Клевер: рассказ / Л.Н. Завадовский // Подъем. 1935. № 4. С. 3-9.
42. *Завадовский Л.Н.* Умер писатель Ширяев / Л.Н. Завадовский // Подъем. 1935. № 4. С. 63-65.
43. *Завадовский Л.Н.* Сказка / Л.Н. Завадовский // Подъем. 1935. № 6. С. 51-63.

44. *Завадовский Л.Н.* Золото: роман / Л.Н. Завадовский. – Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1935. – 326 с.
45. *Завадовский Л.Н.* Золото: роман / Л.Н. Завадовский. – М.: Гослитиздат, 1937.
46. *Завадовский Л.Н.* Золото: роман / Л.Н. Завадовский. – Липецк: Липецкое кн. изд-во, 1960. – 385 с.
47. *Завадовский Л.Н.* Соседи: повесть / Л.Н. Завадовский // Подъем. 1966. № 3. С 54-66.
48. *Завадовский Л.Н.* Золото: роман / Л.Н. Завадовский; предисл. А. Саранцев. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. – 400 с.
49. *Завадовский Л.Н.* Песнь седого волка: рассказы / Л.Н. Завадовский; вступ. ст. А. Саранцев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. – 229 с.
50. *Завадовский Л.Н.* Расправа: отрывок из повести «Соломенная учительница» / Л.Н. Завадовский // Новая жизнь. – Усман. р-н. 1973. 9 апреля.
51. *Завадовский Л.Н.* Облачный день: рассказ / Л.Н. Завадовский // Чистое поле: рассказы. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1976. Вып. 2. С. 111-136.
52. *Завадовский Л.Н.* Рассказы, повесть / Л.Н. Завадовский; вступ. ст., сост. Д.С. Комяков, худож. Л.А. Клочков. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – 334 с.
53. *Завадовский Л.Н.* Избранные рассказы / Л.Н. Завадовский. – М.: Моск. т-во писателей, б/г. 310 с.
54. *Завадовский Л.Н.* Жизнь очерчивает окружность. Где-то далеко произойдет спайка «начала и конца»: из переписки с Павлом Низовым // Новая жизнь. – Усман. р-н. 1999. 24 апреля.
55. *Завадовский Л.Н.* Соседи: рассказ / Л.Н. Завадовский // Усманские встречи. – Усмань, 1999. С. 23-64.

56. *Завадовский Л.Н.* Автограф: отрывки из писем другу, писателю П. Низовому / Л.Н. Завадовский // Новая жизнь. – Усман. р-н. 2003. 8 апреля.
57. *Завадовский Л.Н.* Будем любить литературу больше, чем свое самолюбие: выступление на совещании воронежских писателей / подгот. и коммент. Н.Нижегородова // Новая жизнь. – Усман. р-н. 2004. 1 янв. С. 5.
58. *Завадовский Л.Н.* Рассказы / вступ. ст. Э. Меньшиковой; худож. С.М. Левин. – Усмань: Новая жизнь, 2005. – 224 с.
59. *Завадовский Л.Н.* Повести / Л.Н. Завадовский; вступ. ст. О. Королева; худож. С.М. Левин. – Усмань: Новая жизнь, 2006. – 252 с.
60. *Завадовский Л.Н.* Игрок. Железный круг: рассказы / Л.Н. Завадовский; послесловие Д.Дьякова // Ямская слобода. – Воронеж, 2011. С. 143-172.
61. *Завадовский Л.Н.* Золото: роман / Л.Н. Завадовский. М.: Престиж Бук, 2012. – 368 с.

II

62. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
63. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
64. *Безбородкина Е.С.* Образ учителя в художественной литературе конца XIX начала XX века / Е.С. Безбородкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – №19. – Т. 2. – С. 93-97.
65. *Белая Г.А.* Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей / Г.А. Белая. – М.: Сов. писатель, 1989. – 395 с.
66. *Беспалов И.М.* Статьи о литературе / И. Беспалов. – М.: Худож. лит., 1959. 207 с.
67. *Боровик А.З.* Такое долгое возвращение / А.З. Боровик // Липецкая газета. – 2008. – 5 мая.

68. *Бочаров А.Г.* Литература и время / А.Г. Бочаров. – М.: Худож. лит., 1988. – 384 с.
69. *Булданов В.П.* Гражданская война и проза 1920-х годов / В.П. Булданов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5(25). – С. 113-122.
70. *Бурмистрова С.В.* Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века / С.В. Бурмистрова // Вестник ТПГУ. – 2010. – Вып. 8(98). – С.73-79.
71. *Варламов А.Н.* Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам эпоса эвенков / А.Н. Варламов // Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2009. – № 110. – С.142-149.
72. *Варламов А.Н.* Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков / А.Н. Варламов // Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 178-184.
73. *Великанова И.В.* Сюжетно-композиционная организация произведения как внесубъектная форма выражения авторского сознания в прозе Б. Екимова / И.В. Великанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2008. – № 7. – С. 41-50.
74. *Виноградов В.В.* О литературной циклизации (По поводу «Невского проспекта» Гоголя и «Исповеди опиофага» Де Квинси) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 45-51.
75. Воронежская историко-культурная энциклопедия. – Воронеж, 2009. – 658 с.
76. Воронежская энциклопедия. Т.1. – Воронеж, 2008. – 524 с.
77. *Воронский А.К.* Искусство видеть мир (о новом реализме). Портреты. Статьи / А.К. Воронский. – М.: Советский писатель, 1987. – С.538-561.
78. *Глаголев А.Г.* О художественном лице «Перевала» / А.Г. Глаголев // Новый мир. – 1930. – № 5. – С. 157-170.

79. *Глинка Г.А.* На Перевале / Г.А. Глинка. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 414 с.
80. *Головко В.М.* Историческая поэтика русской классической повести / В.М. Головко. – М.: Наука, 2010. – 280 с.
81. *Голубков М.М.* Концепция личности в критике 20-х годов // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. – Тамбов-Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 68-70.
82. *Голубков М.М.* Русская литература XX в. После раскола / М.М. Голубков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
83. *Голубков М.М.* Творческое поведение писателя как социокультурный механизм (1920-1930-е годы) / М.М. Голубков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2001. – №3. – С. 20-39.
84. *Грищенкова Т.Ф.* Изображение русского национального характера в контексте христианского мироощущения (по повестям В.Г. Распутина «Последний срок» и «Прощание с Матерой») / Т.Ф. Грищенкова // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 64-70.
85. *Губер Б.А.* Вражда: [рецензия] / Б.А. Губер // Красная новь. – 1926. – № 8. – С. 218.
86. *Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В.* Гражданская война в России (1917-1922) / А.Б. Данилин // Новый исторический вестник. – 2000. – №1. – С. 98-167.
87. *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация в постсимволистском сознании А. Белого / М.Н. Дарвин // Постсимволизм как явление культуры. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 53-57.
88. *Дарвин М.Н.* Понятие лирического цикла в научном творчестве М.М. Бахтина / М.Н. Дарвин // Новый филологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 214-218.

89. *Дмитриевская Г.* Воспоминания и встречи / Г. Дмитриевская // Новая жизнь. – 1980. – 14 июня.
90. *Деткова Н.Ю.* Малый провинциальный город как текст культуры / Н.Ю. Деткова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. Вып.12. – № 18 (156). – С. 63-69.
91. *Дубровина Н.В.* Социалистический реализм: метод или стиль / Н.В. Дубровина // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 7. – С. 181-185.
92. *Дьяков Д.С.* Игрок в железном круге / Д.С. Дьяков // Ямская слобода. Отделение второе. – Воронеж, 2011. – С. 165-172.
93. *Егин В.Н.* От золотой лихорадки к великой драге / В.Н. Егин // Подъем. – 1933. – № 7. – С.105-108.
94. *Егорова Л.П., Фокин А.А., Иванова И.Н. и др.* История русской литературы XX века. Первая половина / Л.П. Егорова и др.. – М.: Флинта, 2014. – 932 с.
95. *Есин А.Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения / А.Б. Есин. – М.: Флинта, 2003. – 177 с.
96. *Желтова Н.Ю.* Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 307 с.
97. *Жиднеева Е.А., Карabanова Н.В. и др.* История русской литературы начала XX века (советский период) / Е.А. Жиднеева. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2014. – 237 с.
98. *Задонский Н.* В потоке жизни: литературные этюды / Н. Задонский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. – С. 91-102.
99. *Зиновьева А.А.* Проблема «другого» в философии М.М. Бахтина / А.А. Зиновьева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 13-22.
100. *Кисельникова Т.В.* Из истории социалистической мысли. Разночинная интеллигенция в России: точка зрения А.Н. Петросова / Т.В.

- Кисельникова // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – № 2. – Т. 308. – С. 176-179.
101. *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал / К. Кларк. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 262 с.
102. *Козлов А.Е.* Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: основные принципы типологии / А.Е. Козлов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1(11). – С. 100-115.
103. *Козлов А.Е.* Событие в провинциальном сюжете русской литературы XIX века / А.Е. Козлов // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск. – 2013. – № 2. – С. 18-23.
104. *Колмаков А.В.* Документы 20-30-х гг. XX века: история порабощения советской литературы / А.В. Колмаков // Филологический класс. – 2007. – №17. – С. 61-64.
105. *Комяков Д.В.* Рассказы писателя-земляка / Д.В. Комяков // Новая жизнь. – 1968. – 27 июня.
106. *Комяков Д.В.* Черные сухари / Д.В. Комяков // Подъем. – 1988. – №6. – С.142-144.
107. *Корниенко Н.В.* Pro et contra литературной концепции «Искусство есть познание жизни» критиков «Перевала» / Н.В. Корниенко // Ученые записки Петразаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. – Т. 1. – 2011. – №7 (120). – С. 57-67.
108. *Кочин Н.И.* Девки / Н.И. Кочин [Электронный ресурс] // URL: <http://fanread.ru/book/9954027/>? (дата обращения: 9.03.2016).
109. *Красильников В.А.* Завадовский Л. Железный круг: Повести и рассказы. Без места. 1928. [Рецензия] / В.А. Красильников // Красная новь. – 1928. – № 4. С.245.
110. *Ласунский О.Г.* Прерванная судьба / О.Г. Ласунский // Воронежский курьер. – 1992. – 3 августа.

111. *Лебедева С.Н.* Проза забытых русских писателей 1920-х годов: Художественное осмысление крестьянской темы. – Тольятти: ВУИТ, 2009. – 162 с.
112. *Лебедева С.Н.* Критики и литературоведы о прозе крестьянских писателей 1920-х годов / С.Н. Лебедева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 22-28.
113. *Лебедева С.Н.* Проза крестьянских писателей 1920-х-1930-х годов: проблема рецепции в современном литературоведении / С.Н. Лебедева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 6. – С. 40-46.
114. *Лебедева С.Н.* Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов / С.Н. Лебедева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 1 (9). – С. 35-44.
115. *Левман С.С.* Творческий путь Леонида Завадовского / С.С. Левман // Подъем. – 1935. – № 5. – С. 49-54.
116. *Левман С.С.* Разоблачение Клондайка / С.С. Левман // Литературная газета. – 1935. – 10 мая.
117. *Лейдерман Н.Л.* О «белых пятнах» и мифах в истории русской литературы советской эпохи (1920-е годы) / Н.Л. Лейдерман // Филологический класс. – 2009. – № 21. – С. 30-35.
118. Липецкая энциклопедия. Т.2. Липецк, 2000. – 477 с.
119. *Лурье М.Л.* Элементы локального текста: методика контекстного анализа. Европейский университет [Электронный ресурс] / М.Л. Лурье // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/lr10_program_lurye.htm (дата обращения: 15.07.2015).
120. *Мальчакитова Н.Ю.* Концепт счастья в языковой картине мира эвенков и русских / Н.Ю. Мальчакитова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 50-53.
121. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Золото: Роман / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – М.: Сов. Россия, 1987. – 272 с.

122. *Меньшикова Э.П.* Леонид Завадовский / Э.П. Меньшикова // Крестный путь, голгофская дорога...: судьбы писателей / ред. Н. Страхов. – Усмань: Новая жизнь, 2006. – С.193-219.
123. *Мельникова А.В.* Женские образы в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. / А.В. Мельникова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. – 2012. – № 4 (108). – С. 155-163.
124. *Назаров В.* Золотой Алдан. 20-е годы / В. Назаров // Илин. – 2002. – №2 (29). С. 43-53.
125. *Неверов И.* Усмань. Двадцать лет любви / И. Неверов // Липецкая газета. – 2013. – 13 апреля.
126. *Нижегородов Н.* Год Завадовского в Усмани / Н. Нижегородов // Новая жизнь. – 2013. – 1 января.
127. *Низовой П.Г.* Народным судом / П.Г. Низовой. – М.: ГИЗ, 1-я образцовая типография Госиздата, 1928. – 16 с.
128. *Николаев К.Б.* Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского / К.Б. Николаев. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2013. – 224 с.
129. *Никольский Е.В.* Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева / Е.В. Никольский // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2011. – №1. – С. 24-27.
130. *Никонова Т.А.* Быт как оценка героя в русской советской прозе 1920-х годов / Т. А. Никонова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 155-158.
131. *Никонова Т.А.* «Новый человек» в русской литературе 1900-1930-х годов: проективная модель и художественная практика / Т. А. Никонова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 228 с.

132. *Осипова О.И.* Тенденции циклизации в прозе М. Кузьмина / О.И. Осипова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 282-285.
133. *Панеш У.М.* Об эволюции метода и особенностях реализма XX века / У.М. Панеш // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №3. – С. 54-57.
134. *Перегудов А.В.* Весенние зори / А.В. Перегудов. – М.: Московский рабочий, 1966. – 112 с.
135. *Плоткин Л.* На пути к мастерству: (о писателях ЦЧО) / Л. Плоткин // Подъем. – 1933. – № 5. – С. 174.
136. *Поляков В.Б.* Судьба писателя Завадовского / В.Б. Поляков // Панорама. – 1992. – 27 октября.
137. *Поляков В.Б.* Последние дни писателя Завадовского / В.Б. Поляков // Помнить поименно... – Т. 1. – Липецк, 1997. – С. 15-16.
138. *Поляков В.Б.* Подлинное свидетельство / В.Б. Поляков // Липецкая газета. 2016. 19 марта.
139. *Полякова Л.В.* Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию / Л.В. Полякова. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 372 с.
140. *Полякова Л.В.* Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX-XXI веков / Л.В. Полякова. – Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. – 357 с.
141. *Подшивалова Е.А.* Антропология художника в русской литературе 1920-х годов / Е.А. Подшивалова // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – № 5-4. – С. 55-61.
142. *Проваторова О.Н.* Проблема русского натурализма в современном литературоведении / О.Н. Проваторова // Вестник ОГУ. – 2009. – № 11 (105). – С. 35-40.
143. *Пчелкина Н.А.* Бытописание деревни 1920-30-х гг. в романе Николая Кочина «Девки» / Н.А. Пчелкина // Вестник Московского

государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2012. – № 3. – С. 42-49.

144. *Пыхтина Ю.Г.* О пространстве деревни и русскому характере (по материалам произведений Л. Толстого «Утро помещика», А.Чехова «Мужики», И. Бунина «Деревня» / Ю. Г. Пыхтина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №4. – С. 38-43.

145. *Пыхтина Ю.Г.* Провинциальный город как национальный пространственный образ в русской литературе / Ю.Г. Пыхтина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 11(130). – С. 49-56.

146. *Ростовцева И.* Россыпи нового / И. Ростовцева // Литературная газета. – 1968. – 24 июля.

147. *Румянцев П.П.* Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в. / П.П. Румянцев // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 308. – С. 106-109.

148. *Рихтер З.* Алдан / З. Рихтер // Алданский рабочий. 1988. № 93. 13 мая; № 94. 14 мая. № 96. 18 мая. № 98. 20 мая.

149. *Рымарь Н.Т.* Введение в теорию романа / Н.Т. Рымарь. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 270 с.

150. *Савинков С.В.* Герой и проблема героизации в понимании М.М. Бахтина / С.В. Савинков // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 188-194.

151. *Самарина М.С.* Символика волка в культуре: от capitoлийской волчицы до волка Франциска Ассизского / М.С. Самарина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 4. – Т. 2. – С. 216-223.

152. Сапоговская Л. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы / Л. Сапоговская // Урал. – 2006. – № 2. – С. 204-212.
153. Саранцев А. Рассказы Л. Завадовского / А. Саранцев // Завадовский Л.Н. Песнь седого волка. – Воронеж. – 1968. – С.5-14.
154. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
155. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. Вып. VI / отв. ред. Н.В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015.
156. Сорокина С. Жанр романа с ключом в русской литературе 20-х годов XX века. Новые исследования [Электронный ресурс] / С. Сорокина // URL: http://vestnik.uspu.org/releases/novye_Issledovaniy/32_6/ (дата обращения: 15.07.2015).
157. Симмонс Э. Политический контроль и советская литература / Э. Симмонс // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 156-163.
158. Славные имена земли Липецкой. – Липецк, 2007. – 446 с.
159. Смирнов И. Послесловие / И. Смирнов // Завадовский Л.Н. Золото. – Липецк: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1960. – 390 с.
160. Стрельцова Е.А. Своеобразие литературного процесса в 20-30-е годы XX века / Е.А. Стрельцова // Наука и современность. – 2010. – № 5-1. – С. 250-254.
161. Сущенко И.В. Утро золотого Алдана / И.В. Сущенко. – Якутск: Кн. из-во, 1981. – 175 с.
162. Тамбовская энциклопедия. – Тамбов, 2004. – 707 с.
163. Тернова Т.А. Поэтика заглавий литературно-художественных журналов 1920-х гг. («Сирена», «Железный путь») / Т.А. Тернова // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 26-30.

164. *Титарева Л.Д.* Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода / Л.Д. Титарева // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. – 2010. – № 4. – С. 166-170.
165. *Федоров М.И.* «Громкие» дела писателей / М.И. Федоров. – Воронеж: Воронежская областная типография – Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. – 674 с.
166. *Хазанкович Ю.Г.* Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа / Ю.Г. Хазанкович // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – №2. – С.186-188.
167. *Хализев В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 438 с.
168. *Хомяков В.И., Винская О.В.* Парадигмы русского национально характера / В.И. Хомяков, О.В. Винская // Вестник Ом. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 224-226.
169. *Шафир А.* Леонид Завадовский: очерк / А. Шафир // Печать и революция. – 1929. – № 8. – С. 79-87.
170. *Шацких С.* Страницы жизни и творчества / С. Шацких // Трудовая новь. – 1988. – 24 июня.
171. *Шпунт Р.* Ещё одна писательская канцелярия / Р. Шпунт // Комсомольская правда. 1937. 15 марта.
172. *Эсалнек А.Я.* Основы литературоведения. Анализ художественного произведения / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во: Наука, 2012. – 112 с.
173. *Эртнер Е.Н.* Образ сибирского дома в русской прозе конца XIX – начала XX веков: феномен территориальности / Е.Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – №4. – С. 39-45.
174. *Яблонский А.Я.* Сила жизненной правды / А. Яблонский // Литературная Россия. – 1988. – № 34.

175. *Барабанов Д.Е.* Герой и героическое в советском искусстве 1920-1930-х годов: дис. ... канд. искусствоведения / Д.Е. Барабанов. – М., 2004. – 215 с.
176. *Гутак О.Я.* Золотопромышленность юга Западной Сибири в 1917-1950 гг: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Я. Гутак. – Томск, 2005. – 24 с.
177. *Егорова О.Г.* Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дис. ... докт. филол. наук / О.Г. Егорова. – Астрахань, 2014. – 529 с.
178. *Красовский В.Е.* Натурализм в русской литературе конца XIX – начала XX в. и его осмысление в литературно-эстетической концепции М.Горького: дис. ... канд. филол. наук / В.Е. Красовский. – М., 1984. – 256 с.
179. *Кухар М.А.* Литературный процесс Сибири 20-х – начала 30-х гг. XX в.: эволюция сибирской прозы: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Кухар. – Красноярск, 2006. – 177 с.
180. *Овчаренко А.Ю.* Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1920-1930 годов: дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Овчаренко. – М., 2007. – 227 с.
181. *Панченко П.В.* Циклизация как прием создания художественного единства в книге рассказов В. Шаламова «Левый берег»: дис. ... канд. филол. наук / П.В. Панченко. – Астрахань, 2009. – 187 с.
182. *Федорченко В.А.* Герой с идеалом и его стилевое воплощение в прозе 20-30-х годов XX столетия (опыт эстетической реконструкции): дис. ... канд. филол. наук / В.А. Федорченко. – Краснодар, 2005. – 193 с.
183. *Щербитская И.В.* Стилистические особенности цикла И.А. Бунина «Темные аллеи»: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Щербитская. – Махачкала, 2008. – 180 с.